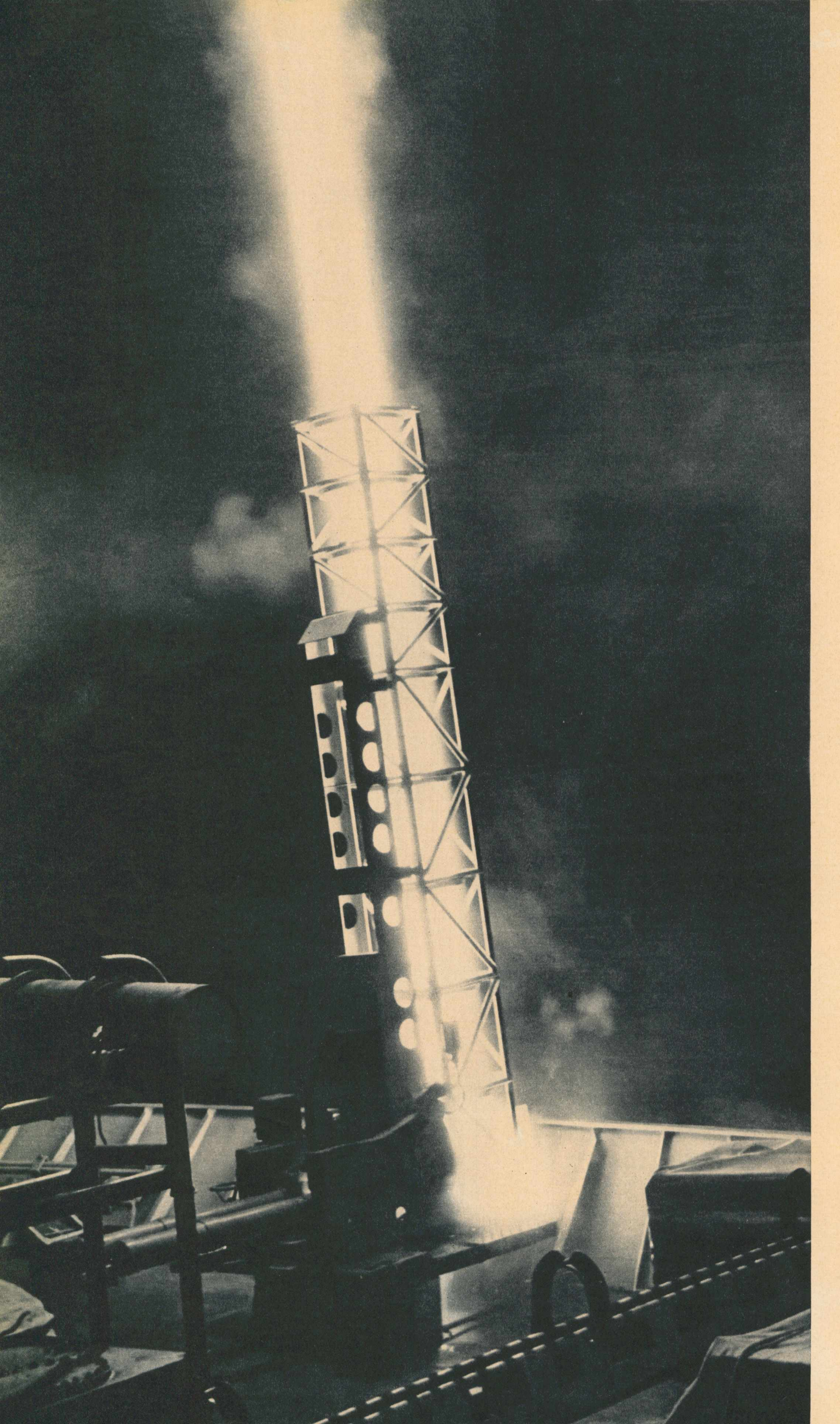

ОГОНЁК

№ 26 ИЮНЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 26 (1723)

26 ИЮНЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

←

НОЧНОЙ ЗАПУСК РАКЕТЫ

Фото Дм. Бальтерманца.

Читайте в номере репортаж Дм. Бальтерманца и А. Голикова «Корабль штурмует небо».

На первой странице обложки: Ирина Заева только что окончила московскую школу-десятилетку. Впереди — новая жизнь, новые мечты.

Фото В. Тарасевича и Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Рассвет на Ангаре.

Фото С. Раскина.

В президиуме III съезда Румынской рабочей партии. Н. С. Хрущев и Г. Георгиу-Деж. Фото Аджерпресс.

20 июня 1960 года. В этот день взоры всей народной Румынии были обращены к Дворцу Республики в Бухаресте, где открылся III съезд Румынской рабочей партии. Как самых близких друзей встретили участники съезда делегацию Коммунистической партии Советского Союза во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым и представителей других братских партий.

Бурной овацией приветствовали делегаты и гости появление на трибуне съезда Н. С. Хрущева, выступившего с большой речью и огласившего приветствие ЦК КПСС III съезду Румынской рабочей партии.

Накануне открытия съезда РРП Н. С. Хрущев перерезал алую ленту у входа на советскую выставку в Бухаресте, которая в эти дни привлекает много посетителей. Открытие этой выставки в столице народной Румынии — еще одно яркое свидетельство дружбы братских социалистических стран.

Так встречала румынская столица своего дорогого гостя — Н. С. Хрущева.

Г. Георгиу-Деж и Н. С. Хрущев на аэродроме Бэняса.

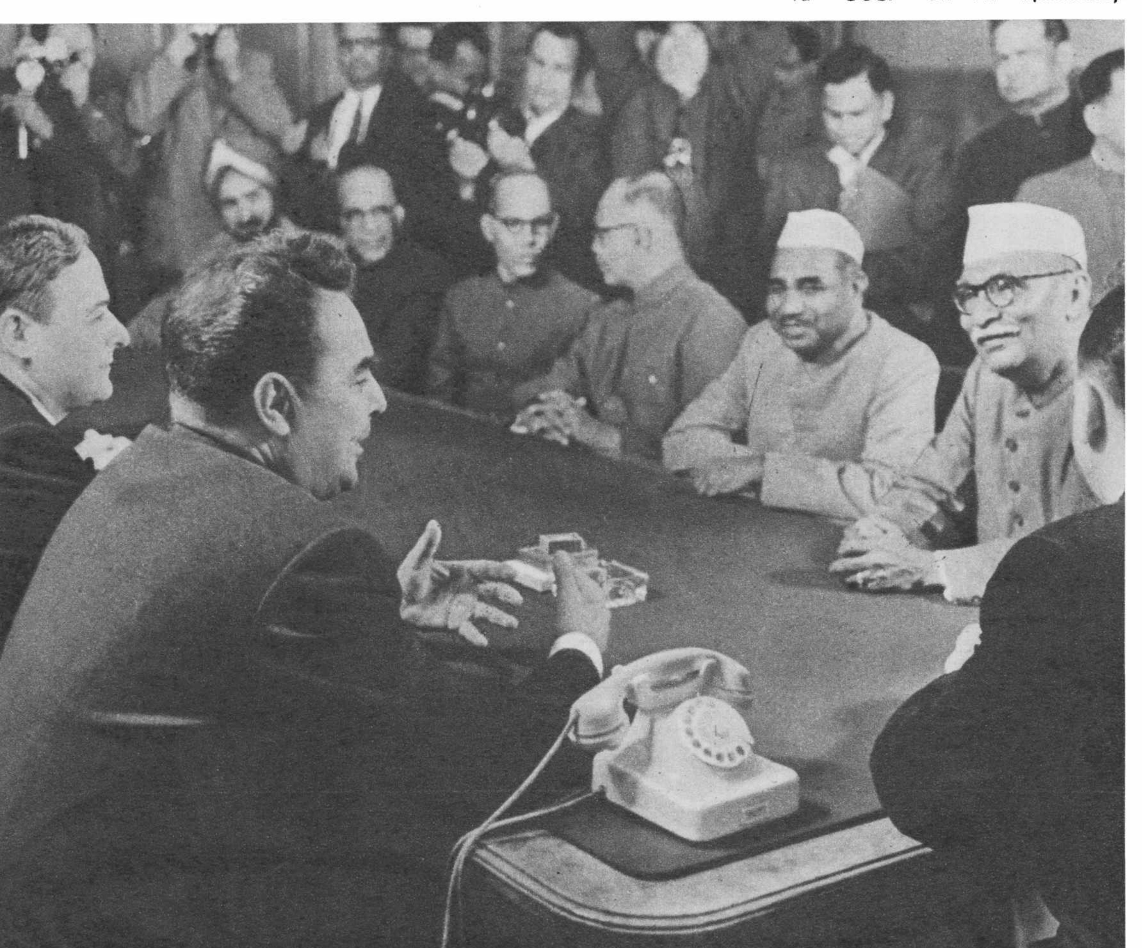
Прибытие президента Республики Индии Раджендра Прасада в Москву. Москвичи приветствуют высокого гостя.

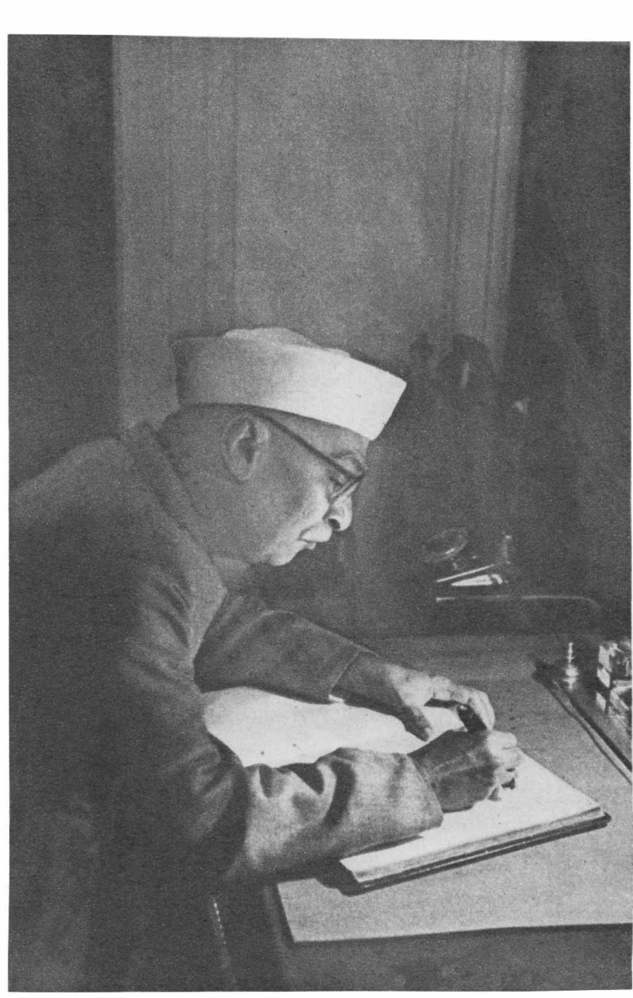
Гости из Индии во время осмотра Московского Кремля.

ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ ИНДИИ РАДЖЕНДРА ПРАСАД В МОСКВЕ

Фото А. Новикова.

Президент Раджендра Прасад нанес визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

Раджендра Прасад посетил рабочий кабинет и квартиру В. И. Ленина в Кремле. Президент делает запись в книге почетных посетителей.

ОПЕРАЦИЯ „КОШМАР"

Фельетон

И. ШАТУНОВСКИЙ

Сейчас уже очевидно, что последние месяцы президентства Дуайта Эйзенхауэра оставят о себе заметный след в истории... смеха. Вот уже который день президент тщится лишить заработка профессиональных скоморохов. Да что там скоморохи! В искусстве развлекать публику ему мог бы позавидовать сам Чарли Чаплин. Впрочем, самому президенту не до смеха. Он надувает щеки, строит кислые гримасы, но от этого добрые люди хохочут еще пуще.

Эйзенхауэр объявил себя гостем на самом высоком уровне и отправился в дальневосточный вояж, чтобы и людей посмотреть и себя показать.

Как известно, гости бывают званые и незваные. Господина Эйзенхауэра нельзя причислить ни к тому, ни к другому разряду. Званого гостя ждут, привечают, незваному не рады, но тем не менее его все же сажают за стол и угощают чем бог послал.

Эйзенхауэр — гость особого порядка. О таких гостях очень метко сказано в толковом словаре Даля: «Гость — ...иноземный купец, торгующий не там, где приписан». Эйзенхауэр приписан к Пентагону и Центральному разведывательному управлению, но тщится торговать свободой народов в краях, весьма отдаленных от Белого дома.

Естественно, что такого гостя выгоняют за дверь. Но гость на редкость упрям. Ему не дали пообедать, а он просится остаться на ужин. Господин президент действует по принципу: «Ему плюй в глаза, а он говорит: божья роса».

Словом, в сатирической литературе произошел беспрецедентный случай: появился и мечется по свету герой еще не написанной книги. Конечно, такая книга будет со временем издана. А пока мы предлагаем всем возможным авторам краткий проспект этого захватывающего сатирического романа.

КНИГА ПЕРВАЯ

Дуайту Эйзенхауэру неймется дома. Ему хочется попромышлять в местах, к которым он не приписан. Он намерен сбыть там залежалый товар — различные атрибуты «холодной войны». Президент ошибочно считает, что лучше всего ему раскинуть свою походную лавку в странах Дальнего Востока. Киси, Чан Кай-ши и прочие марионетки угодливо именуют его гостем и посылают приглашения.

Президент готовится к отъезду. Как свидетельствует английская газета «Дейли экспресс», «Айк везет с собой несколько больших фанерных контейнеров, набитых такими вещами, как электробритвы, американский хрусталь, дорогие авторучки,— все это подарки для именитых людей, которых он встретит в пути».

Перед отъездом путешественник проводит широкие консультации. Он собирает экспертов и первонаперво просит дать совет, как лучше уклоняться от стремительно летящих булыжников и чем лучше сводить пятна от тухлых яиц. К тому же президента терзают сомнения: не могут ли его ударить палкой?

Консультантов у президента хоть отбавляй. Это и битые в Корее генералы, и освистанные в Европе дипломаты, и многократно оплеванный во время своего вояжа по южноамериканскому континенту Ричард Никсон. Эйзенхауэр слушает жизнерадостные сообщения своих консультантов и приходит к выводу, что не так страшен черт, как его малюют.

На всякий случай секретарь Белого дома по делам печати Джеймс Хэгерти отправляется в разведывательный полет в Японию. В отличие от шпиона Пауэрса он собирает метеорологические данные и берет пробы политической атмосферы на Японских островах. Хэгерти выясняет, что демократического президента премьер Нобусуке Киси намерен встретить по-демократически. Пользуясь образцами свободы, воспринятыми из-за океана, японская полиция дубасит дубинками граждан, требующих гнать посыльного президента взашей. Граждане явно попирают «демократические» свободы. Они тесно окружают машину Джеймса Хэгерти, и последнего спасает веревка, брошенная с вертолета. По ней он забирается в машину военно-воздушных сил США и исчезает в неизвестном направлении.

КНИГА ВТОРАЯ

Тем не менее президент принимает решение отправиться в гости. Узнав об этом, корреспонденты, которые отважились сопровождать Айка, срочно запасаются страховыми полисами и составляют нотариально заверенные завещания в пользу своих наследников. Перед отлетом президент делает заявление: «Я смогу узнавать новое о неотложных проблемах и целях наших друзей и продолжать содействовать лучшему пониманию Америки за границей».

Операция «Кошмар», или «Визит дружбы по-американски», начинается блестяще. На Филиппинах президента встречают скопища полицейских. Эйзенхауэр посылает им воздушный поцелуй и срочно скрывается в резиденции. Затем он решает выбраться через черный ход и совершить «прогулку» по Маниле. Переодетые шпики и полицейские жмутся к обочинам дорог и тупо глядят на президента. А жители филиппинской столицы в целях содействия лучшему пониманию Америки бросают камни в колонну машин Эйзенхауэра. Один камень попадает в лицо военному адъютанту президента, Роберту Шульцу, который, к зависти своих коллег, обретает право получить малую толику по страховому полису.

Демонстрации протеста против приезда Эйзенхауэра в Японию продолжаются. Как сообщает агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл, на встрече между послом США Дугласом Макартуром и заместителем министра иностранных дел Хисанари Ямада принимается решение: отменить один из главных моментов визита президента Эйзенхауэра в Японию — игру в гольф с премьером Нобусуке Киси. Посол и заместитель министра считают, что «полиции будет слишком трудно оградить президента от неприятностей на площадке для игры в гольф».

Волна протестов против приезда незваного гостя нарастает. Премьер Киси приходит к убеждению, что полиции будет слишком трудно обеспечить безопасность президента в Японии, и берет свое приглашение назад. Тем самым премьер лишает себя возможности получить в подарок электробритву из рук высокого гостя.

Мировая пресса расценивает отмену визита в Японию как полный провал операции «Кошмар». Каждый мало-мальски уважающий себя карикатурист считает своим долгом опубликовать в газете рисунок о том, как президента погнали взашей из Японии.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Президент проглатывает пилюлю и торопится с визитом в другие страны. В дороге Эйзенхауэра не оставляет идея, что все же его могут побить палкой. Он становится подозрительным и привередливым. На Тайвань его сопровождают авианосцы, подводные лодки и стаи реактивных самолетов. Президент опасается, как бы его не укусила акула и не клюнула в глаз морская чайка. С удивлением наблюдают рыбы демонстрацию военной мощи в этой пустынной части Тихого океана.

Президенту хочется переночевать в Сеуле. Он шлет телеграмму: готовьте ночлег. Южнокорейские марионетки напуганы. Они опасаются, как бы заодно с Эйзенхауэром и им бы не надавали по шеям. Хо Чжон отвечает со всей возможной дипломатичностью: оказывается, в результате американской экономической помощи Южная Корея настолько обнищала, что там просто некому уплатить за гостиницу.

Тем временем мировая печать оживленно комментирует провал операции «Кошмар». Мир потешается над президентом. Глупые головы в Америке из кожи вон лезут, чтобы изыскать благовидное объяснение столь явного конфуза.

Сенатор Кеннет Китинг заявляет в сенате, что «коммунистическим» демонстрантам в Японии платят каждому по 1 доллару 65 центов в день, чтобы они зажигали огни восстания. Эти сведения, подчеркивает Китинг, он добыл из «весьма надежного источника» — и показывает господам сенаторам свой собственный указательный палец.

Член палаты представителей Крейг Хосмер делает еще более внушительное заявление: «Я не буду покупать никаких товаров, изготовленных в Японии или сделанных из материалов, вывезенных из Японии. Я надеюсь, что мои соотечественники сочтут нужным присоединиться ко мне в этом девятнадцатидневном бойкоте!»

При ближайшем рассмотрении выясняется, что господин Хосмер представляет в палате американских рыбопромышленников, которые давно недовольны японской конкуренцией в области лова тунца.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Президент прибывает на Тайвань. Здесь он заявляет, что «Америка нигде в мире не имеет более верных друзей, чем на Тайване». При этом, как отмечают некоторые корреспонденты, он как-то «подозрительно внимательно разглядывал Чан Кай-ши». Верных друзей на Тайване у Эйзенхауэра оказалось не так уж много: всего двести человек. Они же устроили ему панихидные проводы на аэродроме.

Затем президент прибывает на американскую военную базу Окинава.

Оккупационные власти приказывают жителям острова держать в руках американские государственные флаги. Но вопреки ожиданиям японцы звездно-полосатым флажкам предпочитают японские, а от себя добавляют плакаты, на которых было написано: «Янки, убирайтесь домой!», «Мы — японцы!», «Мы хотим воссоединиться с родиной!». Лавина демонстрантов прорывается через кордоны полицейских и американской морской пехоты. Президенту приходится прибегнуть к приемам своего любимого Хэгерти. Он поспешно выскакивает из машины и на несколько часов запирается от «гостеприимных» жителей Окинавы в здании муниципалитета.

Затем Эйзенхауэр появляется в Южной Корее, где ему в конце концов разрешают остановиться на ночлег. На аэродроме набившийся в гости президент заявляет: «Я прибыл сюда в третий раз, чтобы лучше и воочию познакомиться с успехами, достигнутыми вами...»

Особых успехов президент не увидел, потому что сеульское радио многократно призывало граждан: «Плюйте в урны, а не на президента». К его удовольствию, в него не плевали. Возмущенная толпа, правда, пыталась опрокинуть машину с высоким гостем, но высокий гость уже привык и реагировал на это весьма индифферентно.

Свою нелегкую одиссею Эйзенхауэр заканчивает на Гавайских островах.

КНИГА ПЯТАЯ

Президент возвращается домой. Сопровождавшие его лица получают страховые суммы и на них покупают примочки и прочие целительные бальзамы для лечения синяков и шишек. Мир продолжает хохотать. Престиж Америки окончательно подорван. Но цель вояжа тем не менее достигнута. Своим визитом президент содействовал лучшему пониманию истинного лица правящих кругов Соединенных Штатов. Тех правящих кругов, которые сорвали совещание на высшем уровне, возвели шпионаж в ранг государственной политики, опоясали мир сетью агрессивных военных баз.

А президенту все неймется. Он мечтает побывать еще у кого-нибудь в гостях. Он не теряет надежды сыграть в гольф с господином Киси. После того, как народ Японии скажет Киси: «Прочь!»

Эпилог

Эпилога пока нет. Но его можно предвидеть. Примеру тех народов, которые дали незваному гостю от ворот поворот, последуют вскоре другие. Поэтому по части эпилога мы воздержимся от точных советов авторам будущего сатирического романа.

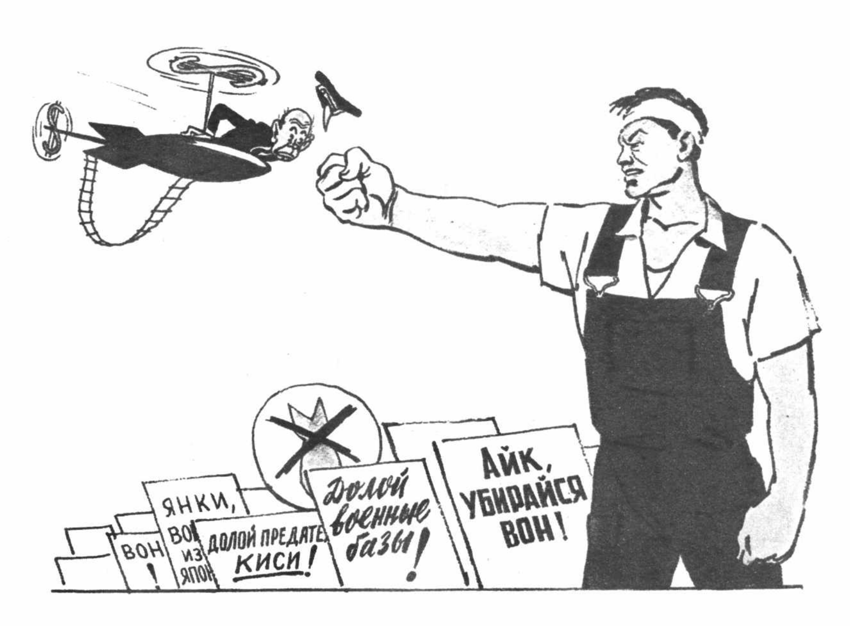

Рисунок Л. Самойлова.

А. ГОЛИКОВ, Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
специальные корреспонденты «Огонька»

— По местам стоять, с якорей и швартовых сниматься! — раздается с капитанского мостика команда, и «Ю. М. Шокальский» отходит от причала Севастопольского порта.

Так начинается наше плавание на «корабле погоды» Главного управления гидрометеослужбы. Водоизмещение его — три тысячи шестьсот регистровых тонн. Скорость — тринадцать миль в час. Район плавания неограниченный. На нем плавают гидрологи, аэрологи, синоптики, геофизики... С корабля шесть раз в сутки будут передаваться по радио гидрометеорологические сводки для бюро погоды Советского Союза и иностранных метеостанций.

«Шокальский» только недавно сошел со стапеля. Это — его первое пробное плавание. После испытаний он уйдет во Владивосток и, по очереди с подобным же кораблем «Воейков», будет вести научную работу в Тихом океане.

«Шокальский» набирает ход, и Севастопольский рейд скоро остается за кормой. К нам подходит капитан Виктор Никитич Рогунович, высокий, загорелый. Ему нет еще и сорока, но в волосах, словно осевшая морская соль, серебрится ранняя седина. За плечами — годы плаваний, фронт, ранения, контузия...

— Создавая «корабль погоды», — говорит капитан, — конструкторы подумали об удобствах для ученых. Чтобы уменьшить качку, сделать ее более плавной, в трюме размещен мертвый балласт — двести тридцать тонн зацементированного железа.

Мы идем в научные лаборатории. Их на корабле шестнадцать. Всюду еще пахнет краской, свежеструганым деревом. По крутому трапу спускаемся в трюм. Здесь за толстыми свинцовыми стенами расположена лаборатория изотопов. Над ретортой склонилась кандидат физико-математических наук Лена Васильевна Кириченко.

— Во время плавания, — рассказывает она, — мы будем систематически измерять радиоактивность воздуха, осадков и морской воды.

Не теряют времени и другие ученые. На корме аэрологи под руководством кандидата физико-математических наук Михаила Васильевича Кучерова готовят к запуску радиозонд.

Директора центральной аэрологической обсерватории кандидата технических наук Георгия Ивановича Голышева мы застаем в его каюте. Нас интересует, для какой цели корабль оснащен ракетной установкой.

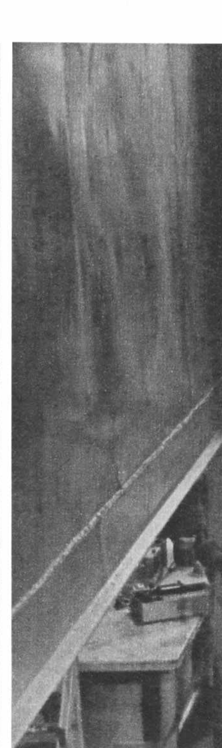
— Для чего нам нужны ракеты? — Георгий Иванович закуривает и, следя, как сизый дымок тянется в открытый иллюминатор, рассказывает: — С помощью радиозондов можно исследовать атмосферу на высотах до тридцати—тридцати пяти километров. А спутники посылают данные с высот не менее двухсот километров: ниже плотность воздуха такова, что спутник сгорит. И только с помощью ракеты можно проникнуть в зону атмосферы, которая простирается на высотах от сорока до двухсот километров. А исследовать эту зону необходимо: будущим космонавтам не миновать этой зоны при возвращении на свою планету.

Наша Центральная аэрологическая обсерватория начала ракетное зондирование лет девять назад, и уже к Международному геофизиче-

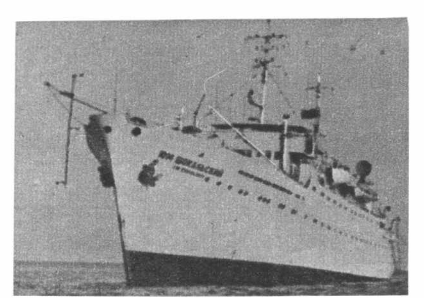
КОРАБЛЬ ШТУРМ

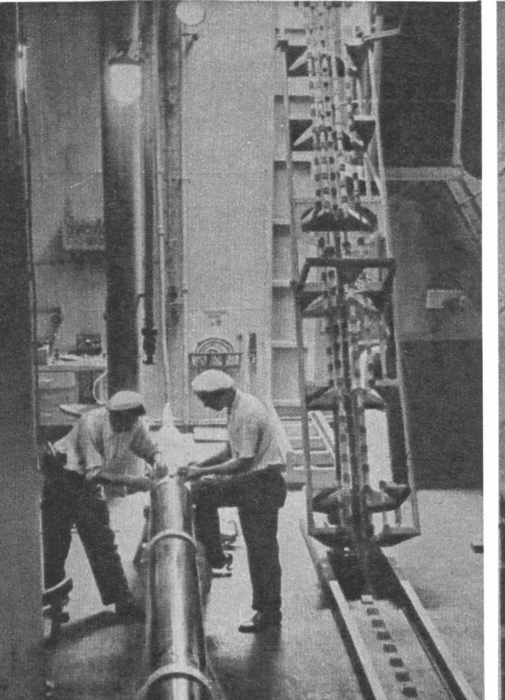

УЕТ НЕБО

На снимках (слева направо):

Инженер Ю. Капитов заканчивает сборку командного блока ракеты.

Ракета поднимается на палубу.

Внизу:

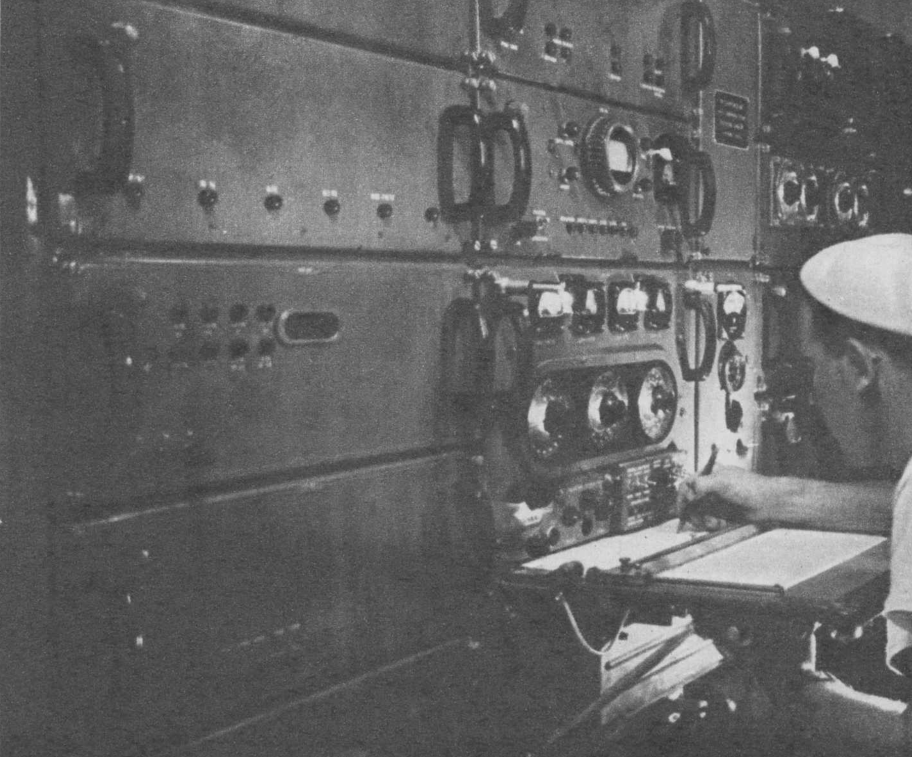
Запуск радиозонда.

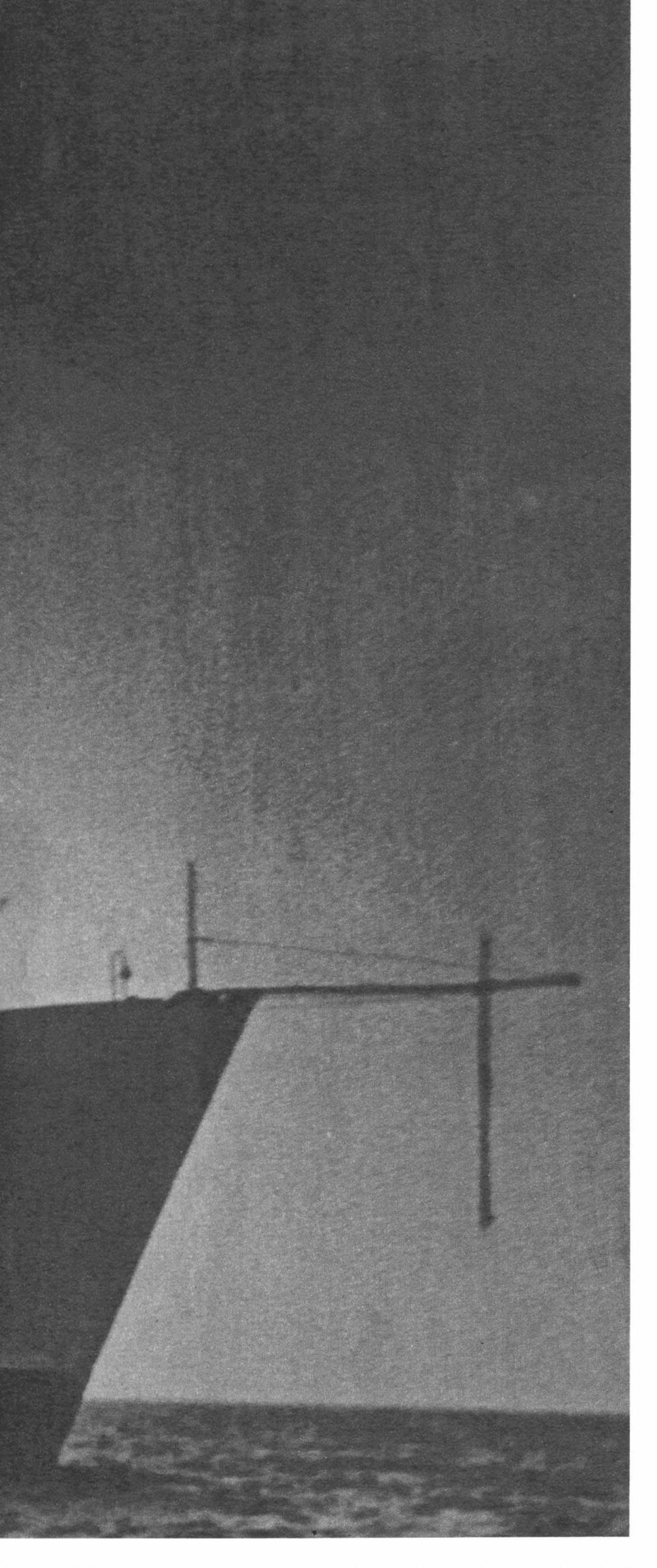
Синоптическая радиоаппаратная. Радиотехник Н. Бабенко ведет прием.

В ракетном трюме.

Е. Шурыгин (слева) и В. Кожин проверяют приборы головной части ракеты.

скому году удалось собрать очень ценные данные о верхних слоях атмосферы. В период геофизического года было запущено сто двадцать пять метеорологических ракет в море Амундсена, у острова Пасхи, в тропических широтах Атлантики.

Мы просим показать нам, как устроена метеорологическая ракета.

Ракетный трюм расположен в носовой части корабля, под нижней палубой. Это — высокое, гулкое помещение. На потолке кран для переноса тяжестей. На сборочном стапеле лежит длинный, выкрашенный в зеленую краску корпус ракеты. Рядом серебристый конус ее головной части.

Головная часть ракеты до отказа начинена приборами. Кроме них, здесь помещаются электрические батареи, радиопередатчик и коммутатор, снимающий показания приборов.

— Коммутатор,— рассказывает Георгий Иванович,— делает за пять секунд шестьдесят опросов. Сейчас он начнет действовать.

Для проверки всей аппаратуры телеметристы включают коммутатор, и радиопередатчик посылает на телеметрические пункты корабля показания приборов. Убедившись в полной исправности аппаратуры, люди закрывают головную часть ракеты, надевают защитный кожух.

Этот кожух предохраняет приборы. Ведь при полете ракеты в нижних слоях атмосферы от трения о воздух возникают высокие температуры. Защитный кожух обгорает.

— А куда потом девается кожух?

— На высоте примерно тридцати километров он автоматически раскрывается и спадает. А когда ракета приближается к высшей точке полета, головная часть отсоединяется от корпуса. Заключенный в ней дополнительный ракетный двигатель вступает в действие, и она уходит выше, одновременно вытаскивая из корпуса парашют, на котором и совершает затем медленный спуск. Парашют позволяет дольше удержать приборы в верхних слоях атмосферы и сохранить их при запуске на суше.

— А на море?

— Обычно парашют и аппараты тонут. Сегодня мы попробуем подобрать их, но вряд ли это удастся.

После проверки головная часть присоединяется к корпусу ракеты. Через верхний люк она автоматически подается на палубу, в ракетную установку.

— До пуска метеорологической ракеты остается пятнадцать минут! — сообщают по радио с командного пункта.

Все средства наблюдения за ракетой приводятся в действие. Антенна радиолокатора разворачивается и посылает свой цепкий луч в ту точку небосвода, через которую пройдет посланец «Шокальского». Пущена в ход и вся научная аппаратура, установленная в головной части ракеты.

За пять минут до пуска ракетная установка приводится в стартовое положение. Она поднимается почти вертикально.

Все свободные от работы люди выходят на корму, откуда только и разрешается наблюдать пуск. Для корреспондентов сделано исключение: мы на командном пункте.

До пуска осталось пять секунд. Георгий Иванович Голышев не отрывает глаз от секундомера.

— Внимание! Пуск! — командует он.

На носу корабля, на месте ракетной установки, вырастает огромный куст пламени и рыжего дыма. Из него с громким гулом вырывается ракета, на мгновение как бы зависает в воздухе и стремительно уходит вверх. Еще несколько мгновений мы видим ее огненный хвост, а потом все словно растворяется в небе. И только высоко-высоко в бездонной синеве растекается белая дымовая полоска.

Идем на телеметрический пункт. Здесь киноаппарат, установленный против электроннолучевой трубки, фотографирует принимаемые с ракеты сигналы. На темный экран они ложатся фиолетовыми световыми вспышками. Запуск прошел благополучно, все приборы работают нормально. Ракета поднялась почти на восемьдесят километров.

...«Шокальский» идет полным ходом. Капитан хочет подобрать спускающуюся на парашюте головную часть ракеты.

— Пожалуй, не успеем! — сокрушается он.— В момент раскрытия парашют находился примерно в восемнадцати милях от корабля.

Капитан оказался прав. Мы немного опоздали. На наших глазах парашют опустился в море и исчез под волнами.

Наступают короткие южные сумерки. Рабочий день окончен. «Шокальский» возвращается на Севастопольский рейд. «Корабль погоды» закончил испытательное плавание. По радио передается команда: «Корреспондентам приготовиться к посадке на катер». Мы прощаемся с гостеприимными хозяевами, и катер отвалил от борта «Шокальского». Через несколько дней «корабль погоды» отправится в дальний путь через моря и океаны.

Счастливого плавания вам, отважные советские моряки и ученые!

На снимках: Пуск ракеты с борта «Шокальского».

Кандидат технических наук Г. И. Голышев на командном пункте.

Инженеры В. Семенов (слева) и Б. Рождественский непрерывно следят за приборами, принимающими сигналы с ракеты.

Первый учредительный съезд художников РСФСР. Выступает народный художник СССР В. А. Серов.

СОЮЗ ХУДОЖНИКОВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Еще один творческий союз родился в нашей стране — Союз художников РСФСР.

Первый съезд мастеров изобразительного искусства Российской Федерации работал в Большом Кремлевском дворце. Художники обсуждали важные задачи своего творчества.

С большим воодушевлением восприняли участники съезда приветствие от Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР.

Фото Галины Санько.

В перерыве между заседаниями съезда. Слева направо: заслуженный деятель искусств РСФСР Б. Н. Яковлев, народные художники СССР П. Н. Крылов, Н. А. Соколов и М. В. Куприянов (Кукрыниксы).

НОВЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

За рубежом

В номере

АНТИЦИКЛОН

Союз журналистов СССР начал выпускать еженедельное обозрение иностранной политической прессы — журнал «За рубежом».

Новое издание будет освещать политическую, экономическую, культурную жизнь различных стран мира. На страницах журнала будут публиковаться материалы иностранной прессы и выступления видных зарубежных деятелей по основным вопросам современного международного положения.

Пожелаем нашему новому собрату успехов в работе!

Навстречу Пленуму ЦК КПСС

СОКРОВИЩА И ОБЫКНОВЕННОЕ БРЕВНО

Интервью «Огонька»

А. Д. БИЗЯЕВ,
заместитель председателя Красноярского совнархоза

Красноярский край знаменит во всем мире своими строевыми лесами. Сотни капиталистических фирм и предприятий Западной Европы, Африки, Азии покупают у Советского Союза лес, ставя непременным условием, чтобы определенный процент в экспорте составляла высококачественная древесина Приангарья.

Потребности в лесе быстро растут и в Советском Союзе. Поэтому объем лесозаготовок в крае увеличивается за семилетку в два с лишним раза, а лесопиление — в четыре раза. Это значит, что резко возрастут и отходы леса — кора, ветки, опилки, стружки, обрезки. Наша лесная и деревоперерабатывающая промышленность пока что весьма неэкономно использует это ценнейшее сырье. И чем больше древесины будет вовлекаться в переделку, тем больше добра может пропасть без толку. Где же выход?

В организации комплексной переработки древесины, в создании мощных лесохимических комбинатов. Именно по такому пути развивается экономика нашего края.

Совсем недавно мы рапортовали Центральному Комитету партии и Совету Министров СССР о пуске первых крупных объектов Красноярского химического комплекса: первой очереди целлюлозно-бумажного комбината, завода искусственного волокна и корда, шинного завода.

Казалось бы, рядовой факт нашей жизни — введены в строй очередные предприятия, предусмотренные семилетним планом. Но для края и всей Сибири это — событие, свидетельствующее о коренных сдвигах в экономике.

Обыкновенное бревно—или, как мы, хозяйственники, говорим, баланс — скрывает в себе неисчислимые сокровища. Взять их полностью и поставить на службу человеку — такова главная идея химического комплекса, возводимого ныне на просторах Сибири.

Растут корпуса завода искусственного волокна. На стройке широко применяются сборные детали, крупные блоки и панели...

Другая идея комплекса, не столь заметная, но не менее важная,— экономия сырья, охрана и воспроизводство природных богатств.

Использовав «от пня до сучка» каждое сваленное дерево, мы оставим для будущих поколений нетронутыми необъятные лесные просторы.

На правом берегу Енисея высятся корпуса химического комплекса—целлюлозно-бумажного комбината, заводов искусственного волокна и синтетического каучука, шинного, гидролизного. Здесь же будут строиться картонная и тетрадная фабрика, цех дубильных экстрактов.

Все эти предприятия рождены лесом.

Современная химическая технология позволяет извлечь из древесины сотни ценнейших продуктов. Многие из них сейчас уже выпускаются в Красноярском экономическом районе.

Еще недавно край наш считался экспортером сырья и потребителем готовых товаров. Имея мировые запасы леса, мы лишь вывозили его, а целлюлозу, картон, школьные тетради и многое другое, что делается из леса, покупали «на стороне», не только в центральных районах России, но и за рубежом. Теперь этой «зависимости» приходит конец. И дело не в стремлении совнархоза все до последнего гвоздя производить у себя в районе. Конечно же, нет! Красноярский химический комплекс — это отечественная целлюлоза и искусственный шелк, который мы теперь поставляем даже такому старинному текстильному району, как Иваново. Это 500 миллионов тетрадей для школьников Сибири и Дальнего Востока, это литейные крепители для металлургии Кузбасса, это шины для автомобилей, везущих грузы по трактам Колымы и алмазным приискам Якутии, это глюкоза для пищевой и медицинской промышленности и фурфурол — сырье для производства пластмасс.

Это, если хотите, вопрос и о качестве продукции. Возьмите шинное производство. Наша мечта — дать лучшие шины в мире. Теперь все в наших руках. Вся технологическая цепочка отныне будет зависеть от искусства наших рабочих.

Спирт мы получаем сами на гидролизных заводах, а спирт —

— Всегда на высоте! — говорят об Алексее Кочетове товарищи.

Это верно и в прямом и в переносном смысле. Алексей Иванович работает высоко над землей — он машинист кабельного крана на Красноярском целлюлозно-бумажном комбинате. И работает механизатор мастерски.

Фото Я. РЮМКИНА.

сырье для завода синтетического каучука. Корд, который придает шинам прочность и выносливость, тоже выпускается на Красноярском комбинате. Скоро мы совсем откажемся от привозной целлюлозы. А когда введем в строй еще и сажевый завод — сажа является наполнителем каучука,— тогда мы наверняка добьемся осуществления своей мечты.

Новая продукция нашего комплекса уже пользуется популярностью. Преимущества кормовых дрожжей, выпускаемых гидролизными заводами, сразу оценили животноводы. И теперь у заводских ворот почти всегда дежурят колхозные и совхозные грузовики, чтобы немедля доставить груз на фермы.

Как и во всяком большом, а тем более новом деле, у нас много забот, трудностей и недостатков. И хотя мощности Красноярского цементного завода за три года расширены в три раза, строительная база еще отстает. Сейчас в крае сооружается Ачинский цементный завод.

Каковы дальнейшие перспективы лесохимии? В этом семилетии будет построен крупнейший в мире Енисейский лесохимический комплекс. Он будет использовать отходы деревоперерабатывающих предприятий и переделывать в целлюлозу, бумагу и картон не только хвойные, но и лиственные породы. Пока что они не находят в Сибири сбыта и гниют на корню.

Мы не будем больше строить заводы дубильных экстрактов и сдирать для них кору с «живых» деревьев. Это производство налаживается на целлюлозно-бумажном комбинате, ибо там ресурсы коры, от которой все равно надо очищать балансы, практически неисчерпаемы.

Настоящий переворот в заготовке и переработке леса произойдет, когда заработает на полную мощность крупнейшая в мире Красноярская ГЭС. Пуск ее первого агрегата намечен на конец 1965 года.

Просторы Сибири стали всенародной стройкой. Сюда съезжаются молодые энтузиасты со всех концов страны. Недавно красноярцы гостеприимно приняли 2 600 демобилизованных солдат и офицеров-пограничников. Тысячи писем получаем мы в эти дни от желающих работать на наших стройках и предприятиях, вступающих в строй.

Этот энтузиазм и горячее желание советских людей внести свой вклад в строительство коммунизма — ответ на внимание и заботу, которую проявляет Коммунистическая партия о будущем Сибири.

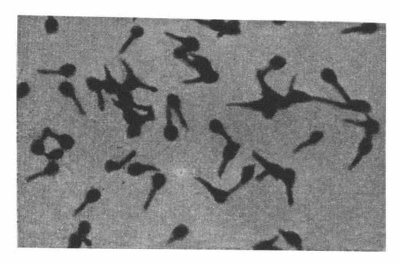
На вкладке (слева направо): Анастасия Говорова — ткачиха и студентка. Работает она в ткацком цехе кордного производства Красноярского завода искусственного волокна. Портрет ее — на заводской доске почета. Учится Анастасия в Сибирском технологическом институте.

Шесть миллионов метров нити наматывает за смену Валентина Золотухина, одна из лучших работниц завода искусственного волокна. Этого хватит на 600 метров ткани, или на 200 женских платьев.

Внизу: душ — один из первых этапов на пути превращения древесины в целлюлозу и спирт, бумагу и искусственный шелк, кормовые дрожжи и каучук, фурфурол и многое другое, что дает стране Красноярский химический комплекс.

СУЩЕСТВО ИЛИ ВЕЩЕСТВО?

Фаги. Увеличено в 42 700 раз.

Перед вами пробирка с мутноватой жидкостью. Вы берете капельку и рассматриваете под микроскопом. Живые существа наподобие коротких палочек двигаются в различных направлениях. Они обходят друг друга, никогда не сталкиваясь, совершают причудливые, часто змеевидные движения. Появляясь внезапно из глубины, они тотчас скрываются в ней, чтобы вновь всплыть на поверхность. Некоторые, совершая свой неутомимый бег, вдруг останавливаются, как бы задумываясь, и без кажущейся причины стремительно мчатся в обратную сторону. Это бактерии. Их много: в одной капельке — десятки миллионов.

Но вот вы замечаете, как движение микробов ослабевает. Они раздуваются, становятся почти прозрачными и в какой-то миг лопаются, превращаясь в ничто. В течение буквально нескольких минут капелька становится безжизненной, серой, лишенной бактерий. Никто теперь не нарушает ее покоя.

Что же случилось с ее обитателями? Какая сила уничтожила их?

После специальной обработки вы рассматриваете содержимое капельки в электронный микроскоп. Он увеличивает в десятки тысяч раз. И что же? Все поле зрения усеяно мельчайшими существами. Они уродливы: имеют большую головку и короткий тонкий хвост. Это бактериофаги — микробы микробов. Жителей капельки уничтожили они.

...В 1898 году русский ученый Н. Ф. Гамалея открыл в бациллах сибирской язвы вещество, которое растворяло свежих микробов того же вида. В 1917 году французский ученый Д'Эрелль заметил аналогичное явление у микробов дизентерии. Он высказал смелую догадку: растворителем микробов является невидимое живое существо — фаг, или пожиратель. Заразная болезнь есть «история борьбы» между фагом и бактериями. «Эпидемии возникают тогда, когда в данной местности отсутствует сильный фаг».

Это заявление было потрясающе заманчивым и увлекательным. Оно вскружило голову многим ученым и вызвало к жизни тысячи работ, различные догадки и более или менее обоснованные теории.

Существо или вещество? Вот вокруг чего скрестились копья ученых.

Шли годы. Были найдены способы получения фагов, наращивания их силы, хранения. Оказалось, что в запаянном или высушенном виде описываемые агенты сохраняются годами, что известные яды, убивающие микробов,— сулема, карболовая кислота, эфир, хлороформ — на фагов не действуют. Были выяснены основные свойства этих паразитов: способность убивать лишь молодые, растущие клетки бактерий определенного вида. Каждый фаг, таким образом, растворял возбудителей какого-то одного заразного заболевания и не действовал на другого. В то же время фаги обладали приспособляемостью. Например, паразита, уничтожающего микробов брюшного тифа, удавалось приучить убивать микробов паратифа. Наконец, были разработаны способы лечения и предупреждения фагами чумы, холеры, дизентерии и других заразных заболеваний.

Фаги стали применять для уничтожения некоторых возбудителей заразных заболеваний в питьевой воде, для установления диагноза.

Но что такое фаг, каковы его природа, происхождение, роль в жизни микробов, никто по-прежнему не знал.

В 1941 году чешский ученый Руска, используя электронный микроскоп, обнаружил наконец фаговые частицы. Они напоминали головастиков и оказались в десятки и сотни раз меньше поражаемых ими микробов. Был заснят момент атаки или предполагаемой атаки бактерий фагами.

В дальнейшем у фагов оказались выявленными некоторые элементы обмена и размножения. На основании этих и других фактов ученые почти единодушно согласились с предположениями Д'Эрелля, что фаг действительно живой организм и что он паразит бактерий — микроб микробов. Его чрезвычайно широкое распространение в природе усиливало позицию данных ученых. Еще раньше было известно, что фаги существуют везде, где есть микробы. Мельчайшие враги микробов, они неотступно преследуют и подстерегают их, готовые в любую подходящую минуту напасть на них и уничтожить.

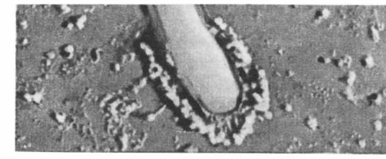
Вместе с тем ряд видных исследователей, и среди них выдающийся русский ученый Н. Н. Жуков-Вережников, держится того мнения, что бактериофаг не паразит, что он не привносится в бактерийную клетку извне, что он происходит из самих бактерий и является формой их развития.

Еще в начале тридцатых годов нашего столетия были известны факты, когда в культурах микробов, хранящихся много лет в музее в запаянном виде, вдруг обнаруживались фаги. «Откуда они?» — недоумевали ученые.

После ряда исследований, опубликованных в 1950 году, стало ясно, что среди микробов существует широкое носительство зачатков фагов — профагов. Многие микробы от рождения как бы «беременны» профагами и передают это свойство своему потомству. Аналогичное явление может наблюдаться неопределенно долго, пока какой-либо провоцирующий фактор — например, ультрафиолетовые лучи — не превратит профаги в фаги и последние не разрушат своих родителей.

Открытия вызвали новую волну работ и гипотез. Перед учеными стал вопрос: в чем биологическая целесообразность явления бактериофагии? Он не нашел пока исчерпывающего ответа.

В самое последнее время выяснилось еще одно любопытное обстоятельство. Фаги вместе с частицами разрушенных ими микробов, проникая в живые бактерии, резко изменяют качества последних. Так, с помощью подобных продуктов получены неописанные формы возбудителей брюшного тифа, дифтерии, сибирской язвы. Проникая внутрь бактерий, эти

Фаги «атакуют» бактерию.

продукты превращали неподвижных микробов в подвижные, неядовитых в чрезвычайно ядовитые.

Большую и сложную историю маленьких фагов нельзя считать законченной. И кто знает, что еще покажут ближайшие годы исследований, какие неожиданные открытия и оценки они нам принесут.

М. ЗЕМСКОВ, профессор

Воронеж.

Луч — искусствовед

Когда-то юный Алеша Пешков, озадаченный непостижимым чудом словесной живописи, разглядывал страницы книги на свет. Нечто подобное испытывает всякий, кого приводят в изумление сокровища наших художественных музеев. Кому не знакомо невольное желание проникнуть взором в их святая святых! Но как это сделать?

И тут на помощь нам приходят рентгеновские лучи.

Рентгеновская съемка позволяет зачастую проследить процесс создания замечательных полотен великих мастеров. Лучи встречают на своем пути непреодолимое препятствие — краски с большим содержанием тяжелых металлов. Свинцовые белила, например, не пропускают рентгеновские лучи. Другие краски, наоборот, легко «пробиваются» ими. Соответственно на снимке получаются светлые и темные пятна, образующие теневой контур изображения.

В исследовании живописи может быть применена и так называемая томография. Этот термин происходит от греческих слов «томос» — ломоть, слой — и «графо» — пишу. Рентгеновский аппарат, снабженный томографической приставкой, способен снимать произведение послойно — от подмалевка до завершающего мазка.

Теперь, пожалуй, незачем завидовать литературоведам, у которых вся история книги в руках: рукописи, они все расскажут! Заговорили и картины. Вы думаете, что композиция репинских «Запорожцев» была с самого начала предрешена? Совсем нет!

Из Третьяковской галереи в Центральную художественно-реставрационную мастерскую прислали эскиз к «Запорожцам». И что же! Рентгенограмма показала, что художник не раз видоизменял фигуры и одеяние казаков.

— А иногда бывают совсем неожиданные сюрпризы,— говорит рентгенолог М. П. Викторина.— Так случилось с эскизом Репина «Если все, то не я» на сюжет тайной вечери — из Ивановского краеведческого музея. Однажды, просматривая ее на «отсвет», заметили, что из-под верхнего красочного слоя рельефно выступают очертания иного изображения. И вот рентгенограмма: портрет седовласого человека, напоминающего Тургенева...

С помощью рентгенографии исследователь может своевременно обнаружить повреждения грунта и основы, неразличимые простым глазом, определить позднейшие записи, уточнить авторство.

Сейчас под наблюдением сотрудников мастерской в Научно-исследовательском институте рентгенологии и радиологии сконструирован специальный портативный рентгеновский аппарат. Рама для съемки и легкая раздвижная лестница свободно умещаются в двух чемоданах. Этим аппаратом можно производить рентгеновские исследования, не снимая картин с экспозиции, что очень удобно. Устраняется переноска произведений, во время которой они нередко «травмируются».

С. НИКОЛАЕВ

Рентгенограмма эскиза — предполагаемый портрет Тургенева. Справа: эскиз И. Е. Репина «Если все, то не я».

Красивая

Сергей НИКИТИН

Рассказ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Через быструю светлую речку Нару плотники наводили после разлива мост.

Стояли теплые ветреные дни. Сквозь сухой ил и мусор, оставленный на берегах рекой, уже проклюнулись зеленые иглы травы, зелененьким туманцем появился прибрежный ивняк, и в небе, голубеющем нежно, по-майски, с утра до вечера трепетали звонкие жаворонки. Под берегом, в затишке, припекало так, что старшой плотников Сергиян не мог работать: засыпал и ронял топор. Тогда сын его Герасим тряс родителя за плечо и говорил:

— Шли бы уж себе, папаша, под шалаш.

— И то,— соглашался старик, но не уходил, а усаживался на торце береговой сваи и продолжал дремать, часто просыпаясь и поводя по сторонам мутным взглядом.

«Теп, теп»,— стучали топоры по мокрому дереву. «Урилю, урилю...» — рассыпались в небе жаворонки.

Сергиян всхрапнул, поднял голову и вдруг, как петух на спице, встрепенулся, захлопал руками по ляжкам, задребезжал:

— Робя! Затевай потеху, сарафан идет! Ей-эй! Ходом катит!.. Гераська, живо!

Широкоспинный, длиннорукий, похожий на краба, Герасим кинул в чмокнувшее бревно топор, пал в лодку и, сгибая весла, погнал ее вдоль берега к кустам. Потеха, вот уже несколько дней развлекавшая плотников, состояла в том, чтобы, спрятав лодку, морочить потом прохожему человеку голову, пока тот не начинал раздеваться или готовился повернуть вспять.

Другой плотник — недавно демобилизованный солдат Матвей Земнов — тоже воткнул топор и с выжидающей, немного смущенной улыбкой смотрел на женщину в ярком сарафане, идущую по луговой дороге. Он еще не обвыкся в этой маленькой артельке, держался неуверенно, скованно, да и вообще был, по мнению плотников, застенчив, уступчив и прост. Когда рядились на починку моста, он легко согласился на третью долю, хотя было ясно, что семидесятилетний Сергиян уже не работник.

«Одно слово — Матюха заречный, шилом щи хлебает»,— насмешничал потом Герасим наедине с отцом.

Матвей был из дальней, заречной деревни, и так уж велось исстари, что бойкие, ходовые подгородные считали застенчивых, домоседных заречных простаками и шляпами.

Женщина между тем подошла совсем близко. Блеск игравшей на солнце реки бил ей в глаза, она заслонила их рукой, и Матвей вдруг узнал ее по этому движению.

— Матюша! — сказала она громко с каким-то отчаянием.— Вот я и нашла тебя.

Сергиян опять хлопнул себя по ляжкам.

— Ба! Знакомые встретились!

— Зазря,— тяжело сказал Матвей.— Ты лучше уйди.

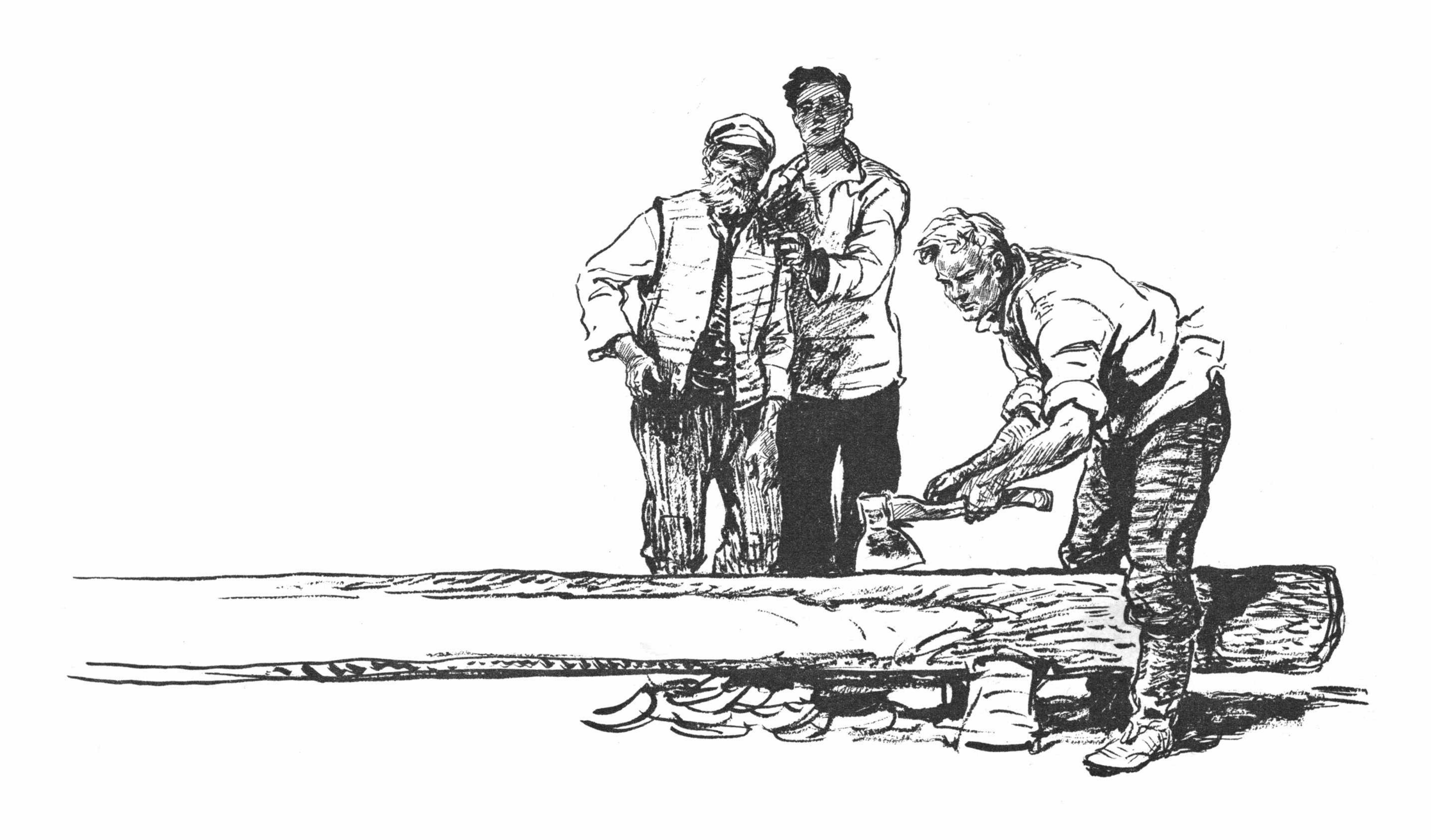
Они стояли друг против друга на самом взлобке берега, и ветер, ударяя Матвею в спину, рвал на нем гимнастерку, светлый короткий чуб, а на женщине плотно лепил к телу сарафан. Ничего не понимая, Сергиян и Герасим смотрели на них. У этих двух людей, родных по крови, общих по ремеслу, по образу жизни, по хозяйству, было одно понятие и о женщине. Они при пьяном случае поколачивали своих жен, редко называли их по имени — просто «бабы»,— утаивали от них часть заработка, оставляли им тяжелый и грязный уход за скотиной и вообще о всех женщинах думали и отзывались только нечисто и грубо. Но даже они смотрели теперь на эту женщину с восхищением и какой-то растерянностью.

— Вот те и Матюха! — сказал тихо Герасим.

А Сергиян, видимо, тронутый внезапной грустью, с которой и не только на глубоких стариков набегают воспоминания о молодости, вздохнул и тоже сказал:

— Жизнь в деревне легкая пошла: ишь, какие бабы выгуливаются. Раньше-то такая сразу на работе свянет, а эта — на ж, поди!

Женщина была красива заметной, броской

красотой, на которую нельзя не обратить внимания, как на яркий свет. Она сама заставляла смотреть на нее, мучила, как жажда, бередила в душе что-то стихийное, звавшее жить безрассудно, вольно, очертя голову.

— Эх, папаша, видели? — торопливо спросил Герасим.

Когда-то, давным-давно, в сырую теплую ночь апреля, выйдя из лесу, они увидели низко над горизонтом большую лучистую звезду. Она разливала в воздухе прозрачный голубой свет, и Сергиян сказал, что это солдаты на учении пустили ракету. Они долго смотрели на нее, но звезда продолжала гореть, неся над полем и лесом свой прекрасный свет, и постепенно какое-то странное чувство овладело ими обоими. Они вдруг шепотом заговорили о том, что хорошо бы получить выгодный подряд, сколотить побольше денег, сунуть их своим бабам, а самим пуститься по вольному свету с одним топором и отвесом. И вот опять словно взошла перед ними эта звезда. Сергиян только вздыхал, а Герасим, как и тогда, торопливым шепотом повторял:

— Ах, папаша, да что ж это такое? Что ж это такое, а?

И тем более непонятно было плотникам, почему Матвей гонит от себя эту женщину.

— Матюша,— каким-то раненым голосом говорила она,— возьми меня к себе!

— Да уйди ты!— опять сказал Матвей.— Слезы мне твои, все равно что вода.

— Деревянный ты...

— Задеревенел — это точно.

— Скажи, что возьмешь...

— Никаких таких слов не будет, ступай.

— Не уйду я.

— Надоест — уйдешь.

Матвей повернулся к ней спиной, выдернул из бревна топор и мелкими, плотницкими ударами погнал вдоль него длинную щепу. Трудно было поверить, что человек может плакать такими обильными слезами. Женщина закрыла лицо руками, и слезы текли у нее между пальцами до самых локтей. Сгорбившись, она пошла прочь, спотыкаясь и семеня, когда особенно сильный порыв ветра толкал ее в спину.

— Ну и зверь ты, Матюшка! — сказал Герасим, дрожащими руками доставая из мятой пачки папиросу.— Истый зверина хичный!..

— Нешто можно так с живой-то душой? — укоризненно вздохнул Сергиян.

Матвей не ответил. Он, как и всегда, работал ловко, сноровисто, и его невозмутимость вконец разозлила плотников.

— А вот тюкнуть его обушком разок-другой, он, глядишь, и отмякнет! — вспылил Герасим, враждебно глядя на Матвеевы лопатки, плитами ходившие под гимнастеркой.

— Авось, отмякнет,— поддакнул Сергиян.— Никак я этого не понимаю, чтобы, значит, человека от себя гнать, как собаку.

— Да что вы раскаркались? — выпрямился Матвей.— Знать не знаете, что между нами вышло, а беретесь судить-рядить.

— Баба-то ведь какая! — с тоской сказал еще не опомнившийся Герасим.— Так бы ручейком и побежал ей под ноги...

— Вот-вот,— усмехнулся Матвей,— в самый раз! А мне она все равно что червяк — взял бы да и растоптал, не заметил.

— Это почему же, червонный мой? — прищурился на него Сергиян.

— Да уж так она себя показала передо мной.

— Это как же, значит?

— Скажу.

— Ну-кось.

— Сказ короткий. Обещала ждать, а приезжаю из армии — она за вдовца вышла, старика пятидесяти пяти годов. Чем же, спрашиваю, он тебя взял? Да показал, говорит, книжку на сорок семь тысяч, обещал на меня перевести — я и пошла...

— А он, значит, возьми да и прижми денежку-то? — с интересом спросил Сергиян.

— Нет, дело у них без обману сладилось.

— Не дура баба! — опять перебил Сергиян.— Денежки, значит, хап — и обратно к милому дружку...

Он, а за ним и Герасим громко загоготали, уже без прежнего волнения поглядев вслед удалявшейся женщине, которая все еще пестрела своим сарафаном на ровном пойменном лугу.

— Можно бы и простить,— сказал сквозь смех Герасим.

Матвей тряхнул головой.

— Никак нельзя. Все у меня к ней перегорело, дотла. Ходит она ко мне, инда вот сбежал я, винится, говорит, «жить с тем не могу», а во мне вот хоть бы какая-нибудь струночка дрогнула — ни. Все мертво, как в сухой глине.

— За сорок-то семь тысяч можно простить,— не слушая его, ответил Сергиян Герасиму.

— Дались вам эти тысячи! — с презрением сказал Матвей.— Я ей советовал: отдай, говорю, деньги назад и уходи на все четыре стороны, коль невмоготу стало. Не одюжит. Уйти уйдет, а деньги не отдаст, не превозможет свою подлую натуру.

— Зря ты, парень, артачишься,— серьезно, по-отечески сказал Сергиян.— Сорок семь тысяч да еще такая баба в придачу!

— Да-а, кусок!..— мечтательно протянул Герасим.

Матвей глядел куда-то поверх их голов, туда, где кипели под ветром занимавшиеся листвой кусты, и тихо, задумчиво сказал:

— Расплююсь я с вами. Поставим мост — и расплююсь... Начисто! Никак я не могу этой самой жадности выносить.

— Это ты какой же оборот даешь? — угрожающе спросил Герасим.

— А такой, что не могу — и все.

— Нет уж, доложи нам, ежели ты таким словом замахнулся! — стараясь придать своему голосу начальническую строгость, крикнул Сергиян.

Матвей уперся в него долгим, тяжелым взглядом.

— Вы, папаша, шли бы, право, под шалаш,— сказал он наконец с недоброй угрюмостью.— Ведь уж ни тяжело поднять, ни крепко ударить... Иди, иди, старичок, не бойся! Я на твою долю не замахнусь.

— Ишь ты, перец! — удивился Сергиян.

Они долго и враждебно молчали, потом — сначала Матвей, за ним Герасим, а там и Сергиян,— плюнув по обычаю в ладонь, принялись за работу.

«Теп, теп»,— опять стучали над речкой топоры.

С весеннего неба сыпали свой радостный звон жаворонки.

Сергиян вскоре размяк, уселся на торце сваи и, погружаясь в дремоту, пробормотал со вздохом:

— Сорок семь тысяч — шутка!..

Фотоочерк
Б. БУРКОВА

огата курортами Болгария. Лучшие дачи-дворцы в живописных местах страны, принадлежавшие раньше богачам, превращены в санатории и дома отдыха. За годы народной власти в горах и на Черноморском побережье построены сотни новых здравниц.

Посмотрите на верхний снимок справа. Это город-курорт Велинград, возникший на месте трех небольших деревушек в зеленых Родопских горах. Он так назван в честь юной героини Велы Пеевой. На снимке слева виден камень с барельефом погибшей партизанки. Выслеженная фашистами, Вела укрылась за этим камнем и мужественно отстреливалась до последней пули. А эту последнюю она сберегла для себя. Ныне в Велинграде много домов отдыха, санаториев у горячих источников, парк, стадион, целые кварталы новых жилых домов. Дом отдыха Центрального совета профсоюзов Болгарии за красоту и внутреннее убранство называют дворцом. Это и в самом деле дворец для тружеников народной республики.

На снимке внизу — знаменитый черноморский курорт Золотые пески, расположенный в нескольких километрах от Варны. Санатории, дома отдыха, гостиницы, амбулатории, спортивные площадки — все создано при народной власти. А совсем маленький игрушечный домик? Он тоже стоит недалеко от моря и предназначен для отдыха. Таких маленьких домиков, каждый на два места, на Черноморском побережье свыше пятисот. Провести свой отпуск в таком «коттедже» среди зелени и вблизи моря — большое удовольствие.

Зеленые

Женщины в национальных костюмах — это крестьянки Неделя Стоянова и Софья Иванова. С ними мы познакомились в водолечебнице «Сливенские минеральные бани».

— Мы свое отработали,— говорит Неделя Стоянова.— Теперь только забавляемся с внуками. А полечиться все-таки надо. Ведь жить стало теперь так интересно!

Летом в пионерских лагерях отдыхают дети болгарских тружеников. Для детворы отведены лучшие уголки природы, такие, как парк генерала Лаврова, близ Плевны.

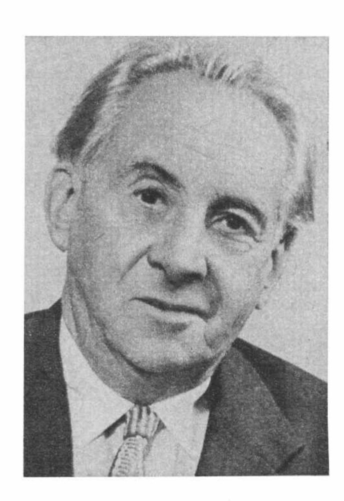

горы, золотые пески

Писатели и книги

ПОЭТИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ

Максим Рыльский.
Фото К. Шамшина.

Весной 1944 года в Киеве не цвели розы. И ничего не оставалось от виноградных лоз, казалось, навсегда погребенных войною.

Вдали еще громыхали частые взрывы. Содрогалась и гудела земля. Пустыми провалами окон зияли уцелевшие кое-где на Крещатике остовы больших домов. То тут, то там срывался сверху камень и летел вниз, вызывая иногда целый обвал. Я невольно оглядывалась и неизменно встречала спокойный взгляд Рыльского, шедшего рядом.

Мы шли все дальше и дальше по городу... Дошли до Тарасовской, где в мае 1895 года родился Максим Фаддеевич.

— Мій Київ,— произнес он совсем тихо, почти прошептал.

И я вспомнила строки, не нуждавшиеся в переводе:

Мій Києве! Нема таких туманів,
Які б не розійшлися над тобою,
Щоб світові щасливому явити
Красу твою, твій геній неувядний,
Твоє життя, безсмертне, як народ!

Неизбывная вера сердца продиктовала поэту эти слова в безрадостные дни 1942 года. Не молчаливым ожиданием победы жил он тогда. Всей силой своего дарования боролся за победу вместе с народом, с червоною ратью.

И вот сбылось долгожданное:

Україна визволяється —
Цілий світ у двох словах!

...Первое поэтическое волнение явилось к нему вовсе не с первым рифмованным словом. Лишь много позднее распознал его Рыльский по неясному, но глубокому ощущению красоты и счастья жизни.

Просыпающееся воображение переполняло сердце и, находя в нем звонкий отклик, выплескивалось наружу в стихах. Первая книжка стихов М. Рыльского, «На белых островах», была выпущена в 1910 году: пятнадцатилетний стихотворец в ту пору даже не догадывался, что писать о простой и прекрасной жизни просто и прекрасно — удел зрелого мастера.

Таким мастером Рыльский стал с годами.

Очень рано начал он вслушиваться в певучий украинский язык, ценить его богатый, звучный склад. Научили мальчика этому и отец, украинский этнограф Фаддей Розеславович Рыльский, и мать, простая крестьянка из села Романовки.

Была эта украинская «селянка» Меланья Федоровна женщиной от природы талантливой и чуткой. Обученная мужем грамоте, она после его смерти вдумчиво руководила воспитанием сына, пока не поступил Максим в киевскую гимназию, сразу в третий класс. Пылкое увлечение одаренного гимназиста литературой не обошлось поначалу без подражания модным тогда символистам. Но вслед за тем пришла да так на всю жизнь и осталась прочная, неискоренимая любовь к Пушкину, Мицкевичу, Шевченко.

Три могучие поэтические реки... Всю жизнь благоговейно припадал к ним Рыльский, впитывая кристальную пушкинскую прозрачность, страстную, вольнолюбивую мятежность Мицкевича и земную, несокрушимую шевченковскую силу. И в то же время Рыльский — сын своего века, он говорит о жизни своим, неповторимым голосом. Этот голос в полную силу звучит и в двух книгах поэта, отмеченных ныне Ленинской премией: «Розы и виноград» и «Далекие небосклоны».

Свойственная Рыльскому удивительная светлая простота сочетается с мудростью поэтического обобщения. Его взгляд неизменно обращен к людям труда. Мысли народа, чаяния его отражаются в поэзии Рыльского, как высокое небо Украины в водах Днепра.

За Вітчизни дело правеє
Все життя віддать і кров...
І з усмішкою ласкавою
Зустрічає нас Хрущов.
Розметаєм кодло змиєве
Ми до пня, до голови...
Славен будь довічно, Києве!
Україно, вік живи!

В 1944 году написано это стихотворение. Сердце поэта тогда знало: придет новый, еще наикращий расцвет, и опять оденется родная земля живым и веселым своим нарядом...

Они и впрямь расцвели в изобилии, удивительные розы на склонах Днепра, на праздничных — даже в будни — улицах Киева, превратившегося в огромный город-сад. И виноградные лозы ожили вновь под рукой земледельца, и теплый ветер заносит в распахнутые окна лепестки черемухи и яблонь.

Максим Фаддеевич, откинув со лба седую прядь волос, пишет. Он работает наверху, в небольшой комнате своего загородного домика. Вокруг него всюду книги, книги, книги. И великое множество рукописей. Строфы стихов. Большие и серьезные труды по теории и практике художественного перевода и самые переводы — начатые и уже законченные...

Трудовой облик рабочей комнаты Рыльского украшают портреты Пушкина, Заньковецкой, Бучмы да цветы — большие, совсем маленькие и еще рассада в простых деревянных ящиках.

Набирают силу будущие цветы, зреют будущие стихи. Новый виноград и новые розы.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Близко к сердцу

Вдруг, в какой-то момент увидеть, как люди относятся друг к другу, а значит, и к самим себе, к жизни,— для этого нужны и тонкий слух, и какое-то особенное зрение, и свой метод осмысливания увиденного, свой, очень личный и в то же время близкий для других.

Собственно, это и есть дарование писателя. Такое дарование мы ощущаем с первых же строк маленькой книжки молодого пермского писателя Л. Давыдычева «Почему плакала девочка». В книжке чуть больше четырех печатных листов, но включает она двадцать рассказов. Не все по-настоящему удались, но все они — еще раз хочется это повторить — своеобразны, написаны как бы очень легко и, главное, сразу располагают к автору.

В некоторых рассказах у героев нет даже имен: он, она, девушка, женщина, маленькая девочка в красных трусиках, которая почему-то плачет на берегу реки в ясный и веселый день,— это все мимолетные встречи, но не мимолетные впечатления оставляют у читателя герои.

Книжка составлена из трех тетрадей, трех циклов, и, пожалуй, больше других света и тепла излучает второй цикл: о сыне Леньке, о маме Наде и о самом себе.

Он чуть напоминает нам Гайдара, этот цикл. Ну что же, тоже приятное напоминание.

Кончается этот цикл рассказом «Веточка». Ленька, возвращаясь с лыжной прогулки, всегда радостно кричит: «Есть хочу!». А однажды он вернулся озабоченный: принес замерзшую веточку шиповника и решил вырастить на ней листочки. Ему сны снились: зеленые пальмы в снегу, на пальмах мартышки,— и вот он подумал, что и веточка может зимой зазеленеть. Долго ухаживали Ленька и мама Надя за веточкой, ставили ее в тепло, меняли в бутылке воду. И листочки появились.

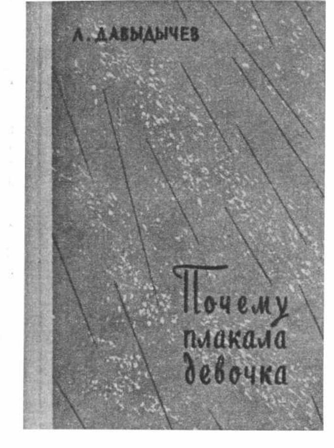
«— Вот,— устало сказал Ленька.— А захотел бы, так и мартышки выросли бы. Девять штук».

Часто слышишь: никто не пишет у нас коротких, выразительных рассказов. Так и говорят: «Никто не пишет».

А может быть, никто хорошо не знает, кто их пишет?

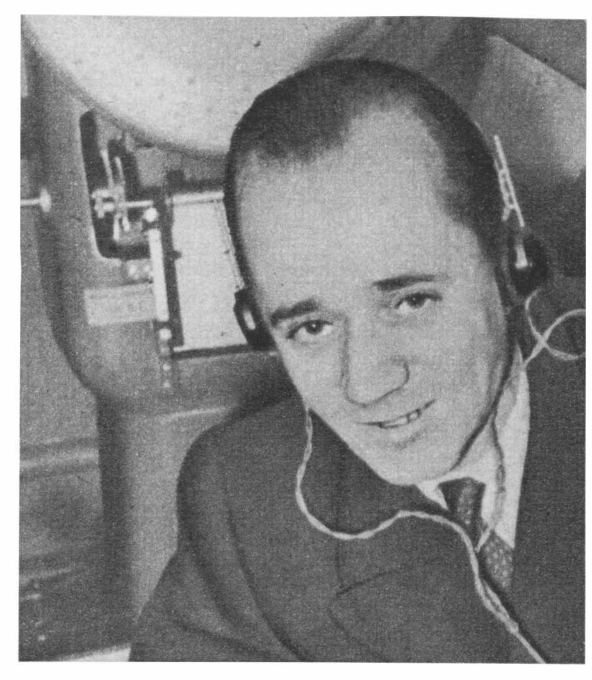
Сергей ЗАЛЫГИН
Новосибирск.

Л. Давыдычев. Почему плакала девочка. Три тетради рассказов. Изд-во «Советский писатель», Москва. 1959. 140 стр.

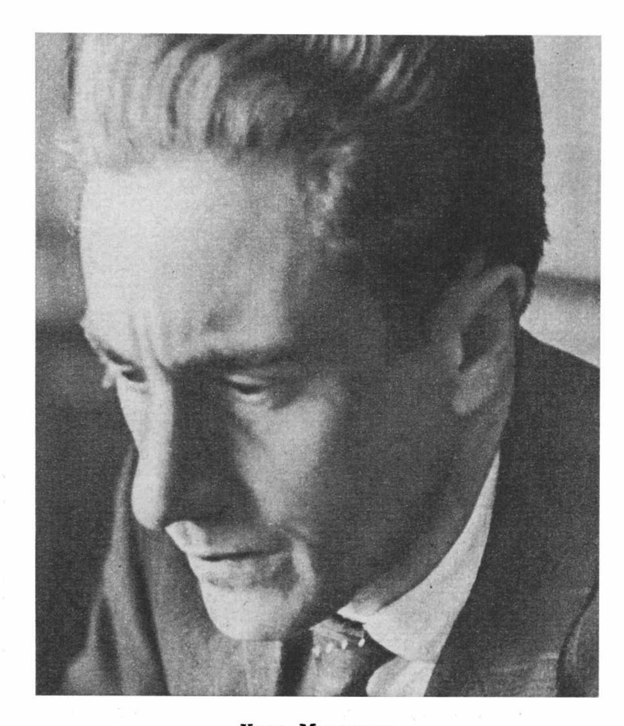

ИСПА

Фото А. Узляна.

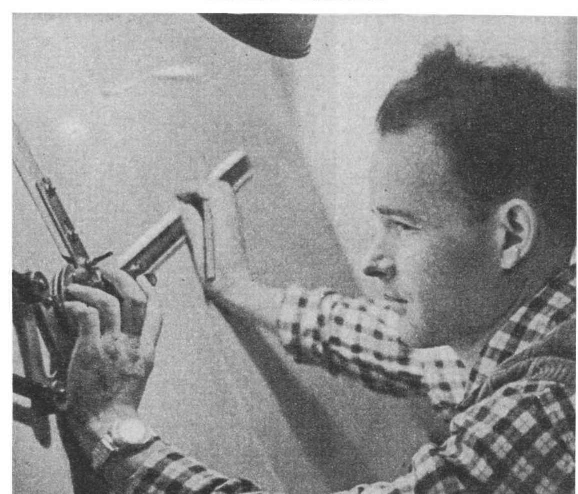

Педро Гутьеррес в лаборатории.

Хосе Мугуруса.

Хуан Ревуэльта.

НИЯ, ИСПАНИЯ...

Он искал рассвет, но тщетно —
В эту ночь не рассветало.

Федерико Гарсия Лорка, «Пролитая кровь».

Диктатор фашистской Испании Франко, стараясь завоевать у испанского народа хотя бы видимость авторитета, в свое время объявил, что все эмигранты, где бы они ни жили, могут вернуться на родину.

Сотни испанцев, чья судьба прочно срослась с судьбой Советской России, решили поехать в Испанию. И сотни из уехавших вскоре вернулись в СССР.

Корреспондент «Огонька» беседовал с некоторыми из испанцев, возвратившихся со своей родины в СССР. Вот что они рассказали.

Педро Гутьеррес: «Решение было твердым».

В 1948 году я окончил Московский автодорожный институт и был оставлен в аспирантуре. В 1951 году защитил кандидатскую диссертацию и стал преподавать сопромат и строительную технику в Московском институте инженеров водного хозяйства.

Мысль вернуться на родину возникала часто, но окончательное решение я принял лишь в 1957 году.

Не стану описывать всех перипетий пути из Одессы в Овьедо, встречу в родном доме. Отца уже не было в живых, мама, конечно, сильно постарела, а остальных своих родственников я помнил довольно смутно. Но встреча была трогательная.

Две недели ушло на то, чтобы отдохнуть и осмотреться. Жизнь моих родных, пожалуй, была до мельчайших деталей похожа на жизнь всех простых людей Овьедо, как старенький, ветхий дом, в котором они снимали квартиру, похож на своих соседей.

За эти две недели муж моей сестры, имевший в Овьедо массу деловых знакомств, прощупал почву и выяснил, где бы я мог получить место по специальности.

Меня согласился взять на работу Луис Янеса, миллионер, хозяин крупнейшей в Овьедо строительной фирмы. Наш разговор был коротким. Подержав в руках мой диплом и как бы взвесив его, Янеса спросил, когда я могу приступить к исполнению обязанностей инженера его фирмы, и, услыхав, что хоть завтра, сказал: «Отлично!» Оклад он мне положил большой — восемь тысяч песет в месяц.

Когда я поступил к Янеса, он как раз взял подряд на строительство моста, дороги и завода, и я включился в работу на ходу. Мой коллега, испанский инженер, ввел меня в курс дел в конторе, а затем повез на хозяйской машине за город, туда, где шли работы. Первое, что мне бросилось в глаза: все машины и механизмы — американского происхождения. И лишь на одном из участков я не удержался от удивленного возгласа: по разбитой дороге, грузно переваливаясь на ухабинах с борта на борт, нагруженный сверх всякой меры какими-то каменными глыбами, сердито урча мотором, ехал трогательно знакомый грузовик. Черт возьми, да это же московская трехтонка! Старик, вероятно, приплыл в Испанию морем почти четверть века назад в тот год, когда я уехал отсюда, и вот до сих пор служит людям, работяга! Приятная встреча!

Начались будни. Но для меня, впервые, так сказать, трудившегося на капиталиста, эти будни имели особенный смысл. Здесь я как бы второй раз защищал свой диплом, полученный в Москве,— не только перед хозяином, но и перед инженером, перед техниками и рабочими... Вскоре мне стало известно, что Янеса доволен моей работой вполне.

К тому времени мне понятна стала сравнительная щедрость, с какой оплачивал наш патрон своих инженеров. Все делается за счет рабочих, которые получают мизерно мало: тридцать — сорок песет за смену. Да и то, чтобы получить эту ничтожную сумму, рабочий должен трудиться отнюдь не восемь официально положенных часов, а обязательно десять—двенадцать. О том, чтобы попытаться потребовать лучшей оплаты, не может быть и речи. Хозяин в любой момент может уволить всю тысячу своих рабочих сразу и в тот же момент нанять новых. По городам на севере Испании постоянно кочуют в погоне за куском хлеба беженцы с юга страны, разорившиеся крестьяне, поденщики, которые не находят применения своим рукам. Они готовы на любую работу за любую оплату.

Мы с женой выбрали и сняли в центре города небольшую квартиру. Правда, стоила она дорого: восемьсот песет в месяц, то есть почти месячный заработок неквалифицированного рабочего,— но при моем окладе мы могли позволить себе такую роскошь. Постепенно обзавелись и мебелью.

Но вскоре в жизни начала появляться трещина. Сначала это было какое-то смутное, как будто беспричинное беспокойство. А потом ощущение неуверенности, зыбкости нашего положения усилилось. А ну, если хозяин вдруг почему-либо откажется от моих услуг? Ведь, приняв меня, он не давал никаких гарантий. Все решает его каприз. Оставшись без работы, жаловаться никуда не пойдешь. А о том, что будет, если заболеешь всерьез и надолго, лучше и не думать.

Что такое экономика Испании, мне было и раньше известно, а теперь я успел и воочию кое в чем убедиться. Стоит Соединенным Штатам Америки прекратить искусственные инъекции — займы режиму Франко, и насквозь гнилая система франкистской экономики рухнет. И тогда всеобщая безработица, голод.

К думам о непрочности материального положения примешивалось и другое, очень для меня важное. Когда прошел первый служебный пыл, я обнаружил, что круг моих обязанностей — увы! — монотонно узок. Приходилось каждый день делать одно и то же. Из большого багажа знаний, полученных в институте, я с успехом обходился на работе какой-нибудь десятой его частью.

Все чаще и чаще вспоминались лекции, читанные мною когда-то перед студентами. А те времена, когда я производил расчеты моста через реку Белую в Уфе, казались легендой.

Я начинал чувствовать: еще немного такой жизни, и можно окончательно засохнуть.

Жена занималась хозяйством, а основным ее занятием в свободное время были воспоминания о московской жизни.

Я давно уже собирался съездить в Мадрид, повидаться с другом — Хосе Мугуруса, который приехал в Испанию несколькими месяцами раньше меня. Хотелось поговорить со своим человеком. Адрес Хосе у меня имелся. И наконец решил поехать, сказав хозяину, что хочу использовать несколько дней в счет отпуска.

Мы встретились с Хосе так, словно виделись в последний раз только вчера на московской улице. С присущей ему всегдашней иронией он рассказал свою Одиссею.

...По прибытии в порт Кастельон-де-ла-Плана его и жену, как положено, сфотографировали в полиции в профиль и анфас, повесив предварительно бирку с номером на грудь, затем взяли отпечатки пальцев, а затем сказали: «Ждите».

Ждать — понятие растяжимое, и некоторые из прибывших занимались этим малоинтересным делом по многу дней. Но Хосе имел прекрасного покровителя в лице своего родного брата Фернандо. Нет, Фернандо не был богачом и влиятельной персоной. Он всего лишь бухгалтер на оружейном заводике, производящем пистолеты. Но, несмотря на то, что в детстве воспитывался в обители какого-то иезуитского монашеского ордена — а может быть, именно поэтому,— Фернандо отлично знал, что почем в этом грешном мире.

В общем, Фернандо подарил полицейскому чиновнику, у которого находились дела Хосе и его жены, два новеньких пистолета, и к вечеру в тот же день они получили разрешение ехать в пределах Испании на все четыре стороны.

Они отправились в город Эльгойбар, где жили мать и родные Хосе. Фернандо снова применил свои способности, и вот Хосе принят на службу на комбикормовый завод в городе Сьемпосуэлос, принадлежащий миллионеру Дионисио Марти, техником по производству. Так сказать, почти по специальности, ибо Хосе в 1948 году окончил Тимирязевскую академию. Жить они решили в Мадриде, благо от столицы до Сьемпосуэлоса всего километров тридцать.

Хосе рассказывал весело, а я видел сквозь прозрачную кисею его острословия, что ему не до шуток.

— Ну, а что дальше? — спросил я.

— Дальше?..— Хосе переглянулся с женой.— Дальше мы поедем обратно.

А потом Хосе рассказал о нашем общем знакомом Хуане Ревуэльта. Оказывается, Хуан, раньше всех — еще в 1956 году — приехавший из СССР в Испанию, раньше всех и уехал. Исколесив в поисках работы полстраны, он помыкался полгода, а затем решил вернуться. Его чуть не задержали, применив к нему испанский закон о службе в армии. По этому закону каждый испанский подданный с наступлением возраста в двадцать один год, в какой бы стране он в тот момент ни находился, обязан явиться в Испанию на призывной пункт. Неявившийся считается дезертиром. Так как Хуан в свои двадцать один год находился в

Селестина Маринеро с сыновьями Хосе и Рубеном.

Советском Союзе и было это в 1946 году, то, естественно, он не явился. И вот когда Хуан теперь решил вернуться обратно в СССР, его попробовали обвинить задним числом в дезертирстве. Но каким-то образом Хуану удалось отвести от себя обвинения, и он уехал в Советский Союз.

Из Мадрида в Овьедо я возвращался уже с твердым решением. Жена, выслушав меня, облегченно вздохнула.

В Москве мы получили квартиру. А работаю я на старом месте. Снова читаю лекции студентам. Снова нашлось применение моим знаниям: я участвую в работе по расчету ячеистых плотин.

Селестина Маринеро: «Почему мы вернулись»

Я испанка, и муж мой, Хесус, испанец. У нас двое детей: сыновья Хосе и Рубен. Мы все четверо уехали в Испанию, в город Бильбао. Пожили там недолго — всего семь месяцев, а потом вернулись в Советский Союз.

Почему мы вернулись?

Когда я ищу ответ на этот вопрос, перед глазами у меня очень живо встают картинки нашего недолгого пребывания на испанской земле. Может быть, из них удастся сложить цельную картину жизни, с которой мы столкнулись, и это будет ответом на заданный вопрос.

...Я сижу перед владельцем типографии.

— Прежде чем договариваться о должности, я должен спросить вас о вашем семейном положении,— вежливым голосом говорит он, выслушав мою просьбу о приеме на работу и узнав, откуда я приехала.— Вы в девушках или замужем?

— Замужем.

Он покачивает головой, сочувственно смотрит на меня.

— Раз уж вы пришли ко мне, так послушайте совет человека, который немножко знает жизнь города Бильбао, да и не только Бильбао. Замужнюю женщину никто не наймет, никто не отдаст ей место, предназначенное мужчине, кормильцу семьи. И это справедливо. Ведь раз у нее есть муж-кормилец, значит, она не должна отнимать кусок хлеба у другого мужа, кормильца другой семьи.

Я ушла и больше уже не предпринимала подобных попыток.

...Хесус вернулся с работы усталый не больше обычного, но необычайно хмурый. Я спросила, не случилось ли чего-нибудь.

— Случиться ничего не случилось, просто неприятно.

И Хесус объяснил, в чем дело. Но прежде чем передать его слова, нужно рассказать об одном обычае, бытующем среди испанского рабочего люда.

Окончив смену, люди отправляются небольшими компаниями в кабачки. Там они пьют сухое виноградное вино, которое стоит очень дешево, буквально гроши, рассказывают друг другу забавные истории и анекдоты, обсуждают острые события дня. Выпив в одном кабачке, перекочевывают в следующий, и так до тех пор, пока все не дойдут до дому. Никто не напивается допьяна, и на улице не увидишь человека с заплетающимися ногами.

На строительстве химического завода, куда муж устроился монтажником, все тотчас же узнали, что он репатриант, вернувшийся из Советского Союза, и его нарасхват приглашала после работы то одна, то другая компания. Хесус не слишком большой любитель вина, но он, конечно, не мог отказываться, чтобы не обидеть товарищей. И я не выговаривала ему за это: дело понятное, на то они и мужчины.

Всякий раз, вернувшись после очередного такого похода по кабачкам, Хесус рассказывал мне, какие замечательные люди эти простые парни, с которыми он вместе трудится. Это, вероятно, в их среде родился анекдот, обошедший, кажется, всю Испанию. В анекдоте рассказывалось о том, что советский спутник, пролетая над всеми странами, подает сигналы: «Бип-бип-бип!»,— а когда летит над Америкой, то: «Хи-хи-хи!». Это вызывало у слушателей взрывы хохота.

Мало-помалу Хесус особенно сдружился с одной компанией. Товарищи с жадным интересом расспрашивали его о том, что он видел «там», они хотели знать обо всем от живого очевидца, от «русского» (так называют в Испании всех вернувшихся из России), потому что газетные писания о Советском Союзе давно набили людям оскомину.

И вот сегодня перед концом дня к Хесусу подошел один из их компании и сказал:

— В этот вечер будем говорить только о футболе и женщинах.

— Почему? Разве мы всегда говорим о чем-нибудь особенном? — удивился Хесус.

— Ну, все-таки. — Товарищ улыбнулся.— Для спокойной жизни. С нами, понимаешь, один тип увязаться хочет. Не нравится он нам...

Действительно, к их компании присоединился какой-то человек лет тридцати, которого до этого Хесус на стройке не встречал.

Этот тип задавал разные каверзные вопросы, и всякий раз кто-нибудь из друзей лукаво подмигивал Хесусу: мол, держи ушки на макушке,— и он отшучивался. В конце концов тип понял, что здесь у него не клюнет, и покинул веселую компанию.

Вот почему был расстроен Хесус. Что ж, я могла ему сказать лишь одно:

— Будь осторожен, дорогой.

...Ребятам пора было отправляться в школу, старший, Хосе, уже убежал, а Рубен почему-то задержался. Я крикнула из кухни, где готовила обед:

— Рубен, ты опоздаешь!

Но дверь в комнату была закрыта, и он не услышал. Войдя, я была немало удивлена. Малыш, запрокинув голову, что-то декламировал по-латыни. Нет, это были не стихи. Но слова лились с каким-то музыкальным журчанием. Лицо моего восьмилетнего сына дышало вдохновением, даже каким-то благоговением. Я не узнавала живого, подвижного Рубена.

— Что это такое, Рубен? — наконец спросила я.

Он, казалось, с трудом меня понял.

— Это молитва, мама. Вчера падре научил нас, а сегодня мы все вместе будем молиться.

«Так,— подумала я,— только этого нам и не хватало». Мне следовало бы раньше поинтересоваться, как обстоят дела в школе, где учатся мои сыновья, и я давно собиралась пойти туда, но все както откладывала. Последняя новость подтолкнула.

Когда я пришла на следующий день в маленький домик, где размещалась школа, уроки вот-вот должны были начаться. Меня встретил молодой, лет двадцати пяти, учитель, человек скромного вида, с приятным, открытым лицом.

В классе за столы уселись мальчики и девочки, человек сорок. В одной комнате одновременно занимались четыре класса — от первого до четвертого. И учитель на всех был один. И вел он одновременно четыре разных урока. Дав задание третьему классу, он объяснял новый материал второму и так далее.

Такой школой начинается и завершается все образование детей простых рабочих и крестьян. Дальше идет гимназия, но туда поступают только дети тех, у кого есть лишние деньги. А мальчики и девочки бедняков после школы начинают трудовую жизнь. Мальчики ходят вместе с отцами на работу, чтобы перенять у них специальность. Девочки нанимаются куда-нибудь в портновскую мастерскую или ателье бесплатными разносчицами. За это им разрешают в свободные минуты наблюдать за работой мастериц и приобретать таким образом нужные навыки. Все это достаточно печально...

Не прошло и десяти минут с начала урока, как в класс заглянул учитель закона божьего, молодой поп. Его церковь находится прямо напротив школы, и он, вероятно, видел, как я пришла.

Падре приветливо улыбнулся мне и закрыл дверь. Как только урок окончился, он снова появился, подошел ко мне. Окинув меня проницательным взглядом, падре сказал:

— Вы мать этих милых детишек — Хосе и Рубена, не так ли? У вас чудесные дети. Особенно младший, Рубен. У мальчика мягкая душа. Он очень добр и ласков. И мне приятно сказать вам об этом.

Да, по всему было видно, что у этого падре хватка умелая и тот, чью душу он захочет обратить к богу, от него не уйдет. Признаюсь, мне стало страшно за моих малышей. Но что было делать?

...Однажды ко мне в комнату робко заглянула пожилая женщина. Она назвалась подругой матери моего мужа.

Разговор шел обо всем понемногу, а в общем ни о чем. Как бы между прочим женщина поинтересовалась моими сыновьями, спросила, сколько им лет и где они родились. Я все рассказала. Услышав, что место их рождения — Москва, она закивала головой и больше ни о чем не спрашивала.

— Они сейчас должны вернуться из школы,— сказала я.

Первым прибежал Рубен. Я познакомила его с «тетей». И тут же обратила внимание на перемену в ее поведении. Спокойная и тихая до этого, она вдруг разволновалась, лицо у нее сделалось пунцовым. Взяв Рубена за руку, она подтянула его к себе и внимательно ощупала его лоб. Потом поспешно встала, бросила на Рубена странно-испуганный взгляд и убежала, не простившись. Я не знала, что и думать, а Рубен лишь пожал плечами...

На следующий день мать мужа объяснила случившееся. Оказывается, эта женщина всерьез верила сообщениям своего падре, который в проповедях неоднократно заверял, что все, кто родился в нечестивой Стране Советов, суть дети сатаны и у всех у них есть рога. Женщина решила лично в этом убедиться и именно с этой целью посетила нас.

— Ну и как? — спросил Хесус у матери.— Убедилась?

Она со смехом сказала, что эта женщина действительно обнаружила у Рубена рога. Только пока, уточнила она, рога маленькие, еще не вышли наружу, потому что Рубен еще и сам маленький... Все было ясно. У Рубена лоб шишковатый, такое строение лба обычно называется сократовским. И вот бедная женщина решила, что это рога. Я не знала, смеяться мне или плакать. Уж лучше бы вся эта история была выдумкой...

Нам больно было покидать нашу прекрасную родину. Больно и грустно. И все-таки самое яркое впечатление, вывезенное из Испании,— не эта боль и грусть. Гнев рабочего класса Испании, его презрение к фашистскому режиму Франко дают мне право сказать, что народ Испании по примеру народов Советского Союза в конце концов добудет себе лучшую жизнь, лучшую социальную систему. Он сделает это своими собственными руками.

НА НАШИХ ВКЛАДКАХ

Молодости, смелой и беспокойной, посвящены многие полотна на выставке «Советская Россия».

Несколько лет назад молодой художник Л. Котляров прошел вместе с геодезистами сотни километров по таежным дорогам Тувы. Глухие чащобы, опасные переправы через горные реки... Общими любимцами в походах были подростки Мангул Оол и Саян Кунгуров — выносливые, по-детски гордые своей ролью подсобных рабочих в партии. Портрет этих тувинских школьников — одна из первых работ Котлярова о людях Тувы.

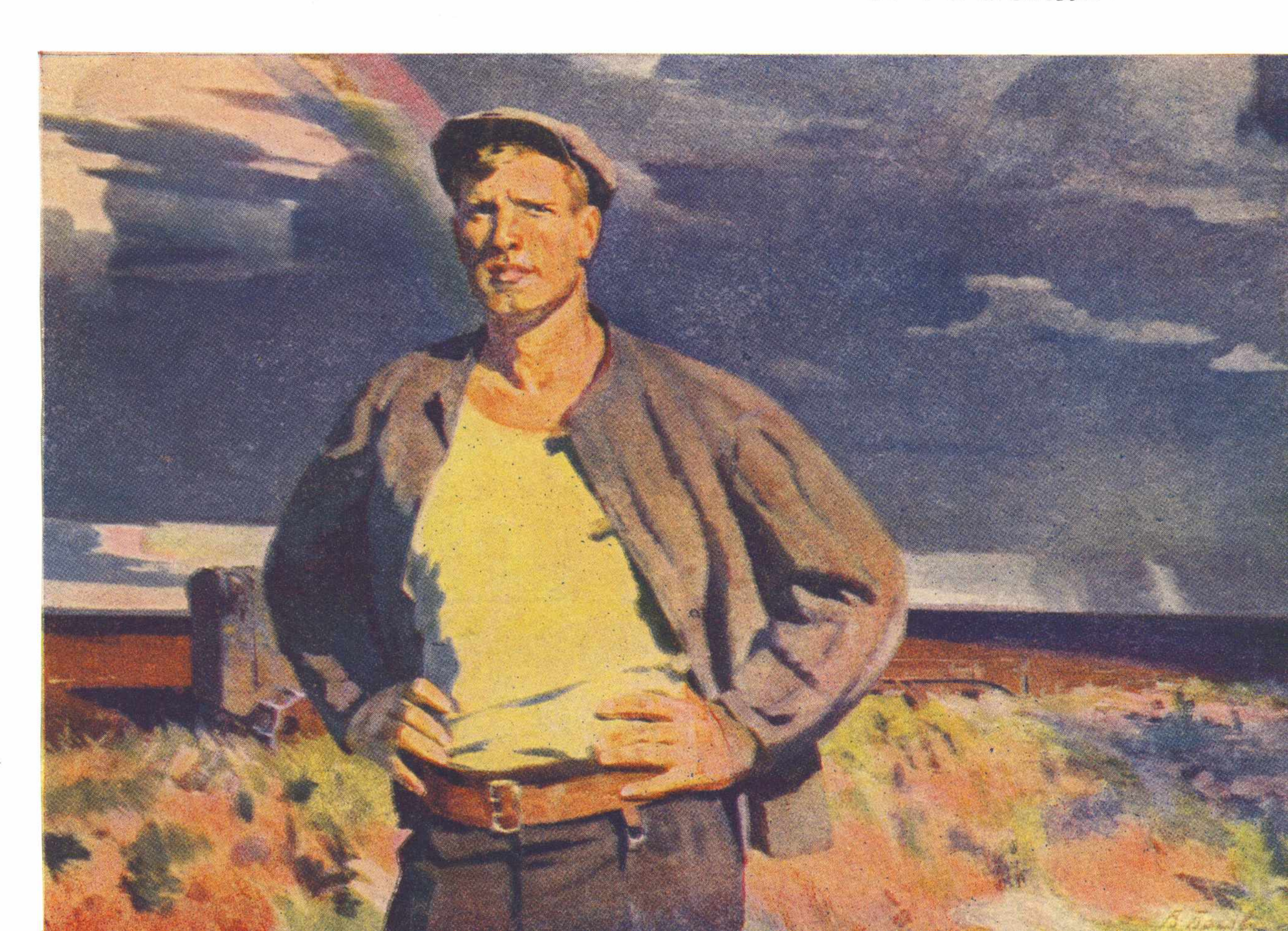
Василий Басов — автор ряда исторических и тематических картин, мастер пейзажа. В тот год, когда первые энтузиасты осваивали целинные земли, поехал и художник на Алтай. Впечатления от природы Алтая и встреч с тружениками целины легли в основу его нескольких полотен, в том числе и картины «На новых просторах».

Творчество ленинградского живописца Д. Беляева представлено на выставке «Советская Россия» большим полотном «Гости фестиваля в колхозе». Свою картину художник посвятил молодежи, борющейся за мир.

Заслуженный деятель искусств РСФСР Л. Фаттахов — один из виднейших художников Татарской АССР. Его картины из жизни сегодняшней Татарии экспонировались на многочисленных республиканских и всесоюзных выставках. Л. Фаттахов — большой мастер жанра. С добродушной улыбкой и лирическим раздумьем пишет он своих героев, чаще всего это дети, молодежь. Творческой удачей является и одна из последних работ художника — «Юность беспокойная».

Л. Фаттахов. ЮНОСТЬ БЕСПОКОЙНАЯ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

В. Басов. НА НОВЫХ ПРОСТОРАХ.

«Огонек».

Д. Беляев. ГОСТИ ФЕСТИВАЛЯ В КОЛХОЗЕ.

Л. Котляров. ПОРТРЕТ МАНГУЛ ООЛ И САЯН КУНГУРОВА — ТУВИНСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

КАК ИЗУРОДОВАЛИ ТУЛЬСКИЙ БАЯН

А. МОРОВ

Рисунок М. УШАЦА.

В трудные дни Отечественной войны, когда фронт вплотную придвинулся к Туле, выпуск баянов на здешней фабрике прекратили.

— Не до песен,— решили.

И там, где шло производство баянов, стали изготовлять макароны — продукт по тогдашнему времени, сами понимаете, наинужнейший. Однако из действующей армии одно за другим стали приходить письма. От солдат, от офицеров, от генералов. Фронт просил, фронт настаивал, фронт требовал:

— Дайте баяны! С песней легче воевать!..

И производство принятых на вооружение тульских баянов было срочно восстановлено.

Туляки — старинные умельцы в музыкальном деле. Недаром именно здесь, в Туле, девять десятков лет назад скромная иностранка, обладавшая весьма ограниченными музыкальными возможностями,— венская гармоника — была превращена в многозвучный русский баян. Позднее производство баяна стало ширитьcя. Возникали новые предприятия. Баяны стали изготовлять в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Саратове, Вологде, Краснодаре, Кирове и во многих других местах... Но тульский инструмент как был, так и остался в народном представлении первым среди лучших.

Когда Геннадий Николаев скопил необходимые деньги на покупку баяна, он решил приобрести именно тульский инструмент:

— Звучит хорошо!..

Геннадий, сколько он себя помнит, всегда мечтал об одном: стать музыкантом. И добился своего: учится в Чебоксарском музыкальном училище, на втором курсе. Купил он и желанный баян. Купил и... огорчился.

Нет, ему не достался бракованный экземпляр! Такой и заменить было бы нетрудно, а у него баян как баян. И даже звук, как рассчитывал Геннадий, в общем-то неплохой. Но что же все-таки произошло с инструментом? Особенно с правой клавиатурой. Все в ней стало как-то нескладно, неудобно, кнопок почему-то «не чувствуешь»... Геннадий знал, что в умелых руках баян способен творить чудеса. А тут ведь не то что чудес, но и средней техники в игре не разовьешь!..

Взволнованное и страстное письмо, с которым начинающий музыкант обратился в редакцию «Огонька», привело меня в Тулу.

Прихожу на фабрику.

Еще лет тридцать назад тут царила самая первобытная кустарщина. Почиталось особенной доблестью, если мастер был, что называется, «на все руки». Он и мехи клеил, и голоса наклепывал, и сборкой занимался. Сейчас не то. Сейчас баянная фабрика — вполне современное предприятие. Большинство операций здесь механизировано, и по каждой специальности есть свои умельцы. Иные из них достигают большого мастерства. С уважением называют туляки имя конструктора В. Овсянкина, наклепщиков А. Пастухова и М. Мещерякова, наборщика М. Абрамова.

Начинается дотошный разговор о качестве инструментов, о достоинстве фабричной марки. И мне с гордостью рассказывают о баяне, который здешний мастер создал для лауреата Всемирного фестиваля молодежи Юрия Казакова.

— Не инструмент — игрушка! Что угодно можно сыграть на нем без переложения!.. Чуть ли не в двадцати странах мира выступал Казаков, и всюду, где бы он ни был — у нас или за границей,— отмечались исключительные качества его баяна.

Беседа шла в присутствии преподавателя местного музыкального училища Евгения Константиновича Федорова. Он не выдержал, вмешался.

— Все это верно,— сказал он.— Такие инструменты, как у Казакова, конечно, делают честь их создателям. Но внесем ясность. Сколько подобных баянов создано в Туле?

Оказалось, три штуки!

— Вот то-то и оно! — кивнул Евгений Константинович.— Это баяны-уникумы.

— Есть еще и цех заказов: его-то уж не сбросишь со счетов! — перешли в наступление работники фабрики.

Цех заказов — их слава и гордость. В цехе при участии лучших тульских мастеров изготовляются концертные баяны. Делают их по индивидуальным заказам музыкальных коллективов и отдельных профессионалов-исполнителей, за которых ходатайствуют областные отделы культуры.

Заказов много. Набрали на два года вперед! И это не удивительно, ибо возможности цеха ограничены: он выпускает 35—36 инструментов в месяц — немногим больше четырех сотен в год. А план всей фабрики на год — 41 800 баянов. Значит, не в цехе заказов опять-таки определяется «лицо фабрики».

— Где же?

— Там, где баян идет с «потока». Там, где за год будут изготовлены десятки тысяч инструментов.

— И как раз здесь,— справедливо замечает Евгений Константинович Федоров,— на фабрике много узких мест. Они и дают себя знать на баянах последних выпусков, идущих массовым производством.

Е. К. Федоров берет один из таких баянов, надевает ремень на плечо.

— Видите,— обращает он мое внимание,— гриф нынче у баяна скруглен внизу, он скользит; музыканту неудобно, и жалобы его справедливы.

— Вы говорите «нынче». Значит, раньше такого неудобства не было?

— Нет, не было.

— Откуда же взялась такая «новинка»? — спрашиваю у директора фабрики Василия Васильевича Хавина.

— Надо же снижать себестоимость!..

— Вот-вот,— снова вступил в разговор Евгений Константинович.— «Надо снижать себестоимость» — и удобные плоские пуговицы правой клавиатуры заменяют пухлыми, выпуклыми, закругленной формы. А пальцы музыканта скользят по ним, теряют устойчивость. «Надо снижать себестоимость» — и клавиши первого и второго рядов располагают почти на одном уровне, хотя во время игры баянист невольно их задевает. «Надо снижать себестоимость» — и гриф утолщают, приспосабливаясь к штампованной механике, затрудняя владение инструментом...

Опытный педагог и хороший музыкант, Федоров является экспертом баянной фабрики. Он сразу обратил внимание совета, призванного следить за качеством выпускаемых инструментов, что модернизированный баян, принятый в Туле с 1958 года, не в пример хуже прежнего. Евгений Константинович прямо сказал:

— Изуродовали тульский баян!

Представители управления легкой промышленности оставили без внимания его сердитое и справедливое замечание. Тогда он стал биться с ними, не раз возвращаясь к больному вопросу на заседаниях экспертного совета. Результатов эти «битвы» не давали. Тогда он обратился непосредственно в совнархоз, предложил собрать музыкантов для консультации, предложил посоветоваться с представителями других баянных фабрик... От Федорова стали отмахиваться, как от назойливой мухи. Слишком соблазнительной показалась деятелям Тульского совнархоза получаемая ими экономия.

— А велика ли она? — поинтересовался я.

Мне объяснили, что на одной детали снижение себестоимости дало два рубля, на другой — рубль и т. д.

— А баян сколько стоит?

— Тысячу семьсот рублей,— говорят.

Оставалось только руками развести.

Душа баяна — аккорд. Его качество зависит от стали, которая применяется для голосовых планок. Выяснилось, что небольшие изменения приблизят рядовой серийный инструмент по своим звуковым достоинствам к тем, что изготовляются на заказ. Иначе говоря, инструмент стоимостью в 1 700 рублей станет равен (во всяком случае, почти равен) пятитысячному. Хорошее дело, не правда ли?! Чтобы осуществить его, надо на каждый баян затратить больше нынешнего на 8 рублей 25 копеек.

Но... «Экономия прежде всего»,— твердят в совнархозе. В текущем году решили снизить себестоимость баяна на 9 рублей. Вот и отказаться бы от этой «экономии», чтобы значительно повысить качество инструмента! Так нет же, как можно! В совнархозе и слушать об этом не хотят! Из формулы «лучше, дешевле, качественнее» здесь усвоили одну только часть ее — «дешевле». Пусть даже в ущерб качеству.

Долго я разбирался в экономике производства тульского баяна, прежде чем написать черным по белому: реконструкция инструмента привела к ухудшению инструмента. На качество баянов жалуются справедливо. Нужно исправлять неполадки. Но когда производственная машина запущена, ее не так просто остановить. Значит, нужны новые усилия, а на них идут неохотно.

Особенно медлительным показал себя Московский фурнитурный завод Мосгорисполкома. В порядке «кооперирования» этот завод изготовляет для туляков пуговицы к правой клавиатуре. Когда руководителям завода стали доказывать, что пуговицы должны быть плоскими, а не пухлыми, они вначале и слушать не хотели. Когда напор на них усилился, они сделали вид, что сдаются. Отказывать не стали, но... и выполнять требования потребителей не спешат.

Работники фабрики мечтают:

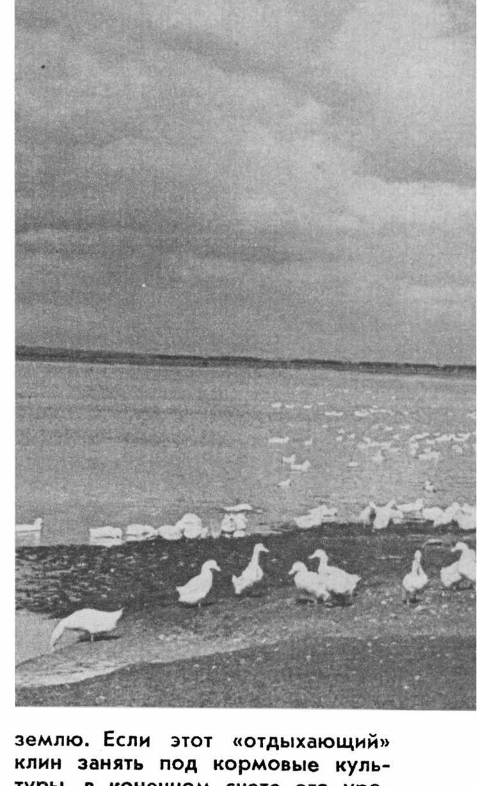
— Вот бы дать нашему баяну гриф из пластмассы!.. Готовить бы из нее для баяна сетки, решетки, натяжной ролик для крепления ремня. Не узнать бы нашего инструмента, так бы он похорошел!..

Но известно: штамповать крупные вещи выгодно. А то вдруг кнопки какие-то, пуговицы, натяжные ролики, сетки, решетки... Десятки тысяч мелких и мельчайших деталей. Кому охота браться!

Тут бы совнархозу вмешаться, настоять. А он остался в стороне. Для него производство музыкальных изделий и вовсе «мелочь»!

Тульский баян снова может стать гордостью нашей страны. Глядишь, и любой другой баян — московский, ленинградский, саратовский, кировский — заиграет радостнее, звонче...

Целина, год седьмой...

В. ПОЛЫНИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Новые времена

С нынешней весны целине пошел седьмой год...

Из нашей памяти еще не успели улетучиться представления о целине как о крае полотняных палаток, штурмовых отрядов молодежи, разметочных колышков, щитовых домиков.

Но, пролетая теперь над самыми наицелинными областями — Акмолинской, Павлодарской, Северо - Казахстанской, — сравниваешь землю с клетчатой скатертью: вся она разноцветно выстлана гигантскими прямоугольниками полей...

Андрей Павлович Попов, главный зоотехник Чистовского зерносовхоза, не может вырваться из директорского кабинета. Директор Иржан Кульжанович Темирбеков еще не вернулся из московской командировки, а телефон у него на столе не умолкает: то из отделений совхоза требуют указаний, то из района или области дают указания.

— Где же я наберу вам целины?! — возмущается Попов в телефонную трубку.— В прошлом году последние триста шесть гектаров наскребли... Согласен, числится за нами еще девяносто. Но не четыреста! Разве у соседей экспроприировать? Да мне не до шуток...

И Попов в сердцах бьет трубкой по аппарату.

— Мы уже перепахали сорок тысяч гектаров. Посчитаем, на сколько процентов увеличатся наши посевы, если к сорока тысячам прибавим еще девяносто... На ерунду!.. Ладно, перепашем остатки до самых обочин — поможем району план выполнить. А как со скотиной станем управляться? В прошлом году наш район распахал последние пастбища, и теперь погоним нагуливать скот за триста километров, в соседнюю Кокчетавскую область. Спасибо, землю там плуг не берет. Говорят, на Кавказе гурты на пастбище автомашинами возят. Видно, и нам скоро придется перенимать кавказский опыт. Может, скажете, что я шутки шучу?

Нет, тут не до шуток. Взять, например, такую историю...

Как коровы едва не съели овец

В Акмолинске, столице целинных земель Казахстана, создано Министерство совхозов. Алексей Иванович Козлов, министр, знакомился недавно с делами в одной из областей. Спутником министра был председатель облисполкома. Увидев на одном из пастбищ отару овец, министр поинтересовался, хватает ли овцам кормов.

— Какое там! — махнул рукой предисполкома.— Оттого овец и вовсе выводить собираемся.

Термин «выводить» на языке животноводов имеет тот же смысл, что и в лексиконе работников химчистки.

— Нам надо подтянуться по мясу,— встретив настороженный взгляд министра, пояснил его спутник,— а много ли с овцы возьмешь? Шерсти клок. Отдадим пастбища под нагул крупного рогатого скота. А овец непременно выведем...

Прежде чем стать министром совхозов Казахской ССР, Алексей Иванович Козлов был долгое время директором Чистовского зерносовхоза. Ему тоже советовали вывести все совхозное овечье поголовье. «Советовали» даже не то слово.

— Съедят ваши овцы совхоз,— говорили директору,— как четыре века назад съели они людей в Англии.

Вот как! Даже уроки истории пошли в ход ради «перевоспитания» упрямого директора. Директор знал, что в старой Англии развитие овцеводства разорило земледельцев. У тех были отобраны пашни под пастбища.

— Но мы-то живем не в Англии и не в шестнадцатом веке,— упорствовал директор.

Он не только не выводил «людоедов», но развел их еще больше и год от году «настригал» с них солидные доходы.

В прошлом году, выступая на декабрьском Пленуме ЦК КПСС, Н. С. Хрущев поддержал точку зрения директора Чистовского зерносовхоза.

Теперь в споре с предисполкома Алексей Иванович Козлов имел в активе довольно веские аргументы и еще власть министра. Но ему хотелось, чтобы собеседник стал убежденным сторонником овцеводства на целине. И тут министр, как когда-то оппоненты чистовского директора, воспользовался примером из практики английского овцеводства. Но он не стал ссылаться, как его былые противники, на факты многовековой давности.

— Как вы думаете, сколько Англий смогло бы разместиться в шести северных целинных областях Казахстана? — спросил министр.

— Не считал, но, вероятно, много, даже очень много...

— Во всяком случае, вы согласитесь, что наши земли более подходящи для овцеводства, чем крохотная территория ультраиндустриального государства? В наших шести северных областях насчитывается теперь пять миллионов овец. Сколько же овец, по-вашему, кормится на пастбищах современной Англии? Не забудьте, что овцы там мирно сосуществуют с коровами...

Предисполкома не решился назвать даже приблизительную цифру.

— Около двадцати пяти миллионов!

— Спорю на дюжину пива, что вы преувеличиваете, товарищ министр.

Интересы дела заставили министра принять вызов.

Едва предисполкома вернулся в город, как попросил справочники, глянул в них и, выражаясь языком шахматистов, «сдался без доигрывания»...

— А ведь даже из элементарных учебников известно,— рассказывает министр совхозов Казахстана,— что овцу можно накормить там, где, казалось бы, все без остатка подобрала корова. Природа так скроила овечьи челюсти, что овца каждую пропущенную коровой травинку дощипать может. Овцу во время уборки можно пустить за комбайном, и она подберет со стерни каждый оброненный колосок. И, выходит, там, где можно пасти корову, есть резон завести и овцу: ведь животноводство — это тоже наша вторая целина.

Вторая целина... О ней говорил на Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев. При этом Никита Сергеевич имел в виду чистые пары, вспаханную, но не занятую посевами землю. Если этот «отдыхающий» клин занять под кормовые культуры, в конечном счете его урожаем станут мясо и молоко. Вот почему теперь часто слышишь: первая целина — хлеб, вторая — молоко, мясо и вообще «урожай» от животноводства.

От булки до шкурки

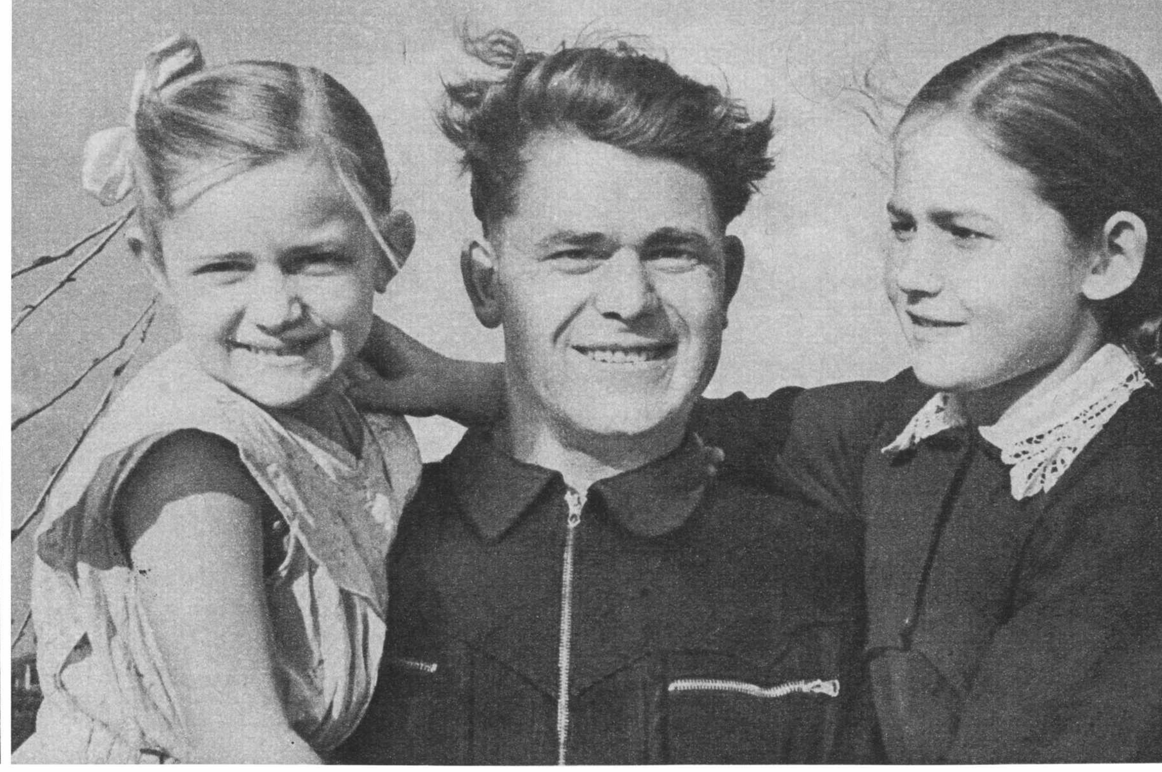
Самые дальние борозды по второй целине проложил Чистовский зерносовхоз. Замечайте! Не животноводческий, которых на целине немало и которым поднимать вторую целину на роду написано, а зерновой, хлебный. Обычно приезжаешь в любой из целинных совхозов и по старой привычке мерить успехи хозяйства на общепринятый аршин спрашиваешь: «Сколько даете продуктов на каждую сотню гектаров?» И вместо ответа — широко раскрытые глаза: тут так не считают. Вообще посчитать бы и можно, но выйдет десятичная дробь с нулями в начале. А кому по душе нули пересчитывать?

— Много ли нулей! — переспрашивает новый директор Чистовского зерносовхоза, бывший главный его агроном, Иржан Кульжанович Темирбеков.— Были нули. Теперь нет, но скоро снова будут, только с единицей впереди. Сто центнеров на сто гектаров. Это к концу семилетки. А пока всего двадцать пять...

25 на 100?! Для целины цифра разительная. Если бы со всех 36 миллионов целинных гектаров собирать такой «урожай» мяса...

— И от нас эта цифра была далека, как звезды,—говорит Темирбеков.— Рассказать, как звезды с неба доставали? В Москве побывал я, в министерстве. Встречает меня главный зверовод. Тащит в свой кабинет. Сажает в кресло. Вынимает из железного шкафа шкуры. Все разных цветов и оттенков. На столе раскладывает, как на продажу: «куница — драгоценнейший на мировом рынке товар». Говорю ему: «У меня с обыкновенной уткой хлопот по горло. Кунице,— говорю,— наверное, натуральные бифштексы надо?» «Выгодное дело,— твердит.— Миллионные прибыли. Дам тебе сетку для вольер. Хоть сию минуту наряд выпишу. Скота у вас в совхозе много, без брака ни одно хозяйство не обходится. Вот тебе

Знатный кукурузовод Чистовского зерносовхоза Алексей Коваленко с дочерьми Валей (слева) и Галей.

и бифштексы. Будут и кунички твои сыты, и финансы целы». К чему об этом рассказываю? Не на куницу, на самую обыкновенную скотину глядят иногда у нас на целине, как на диковинное новшество. Особенно в зерновых совхозах. «Наша линия,— твердят,— хлеб давать Родине. Мясом пусть другие края занимаются». Специализация. Не куниц, даже коров, свиней, утку, овец боятся...

— Не по той ли причине вам советовали выводить овец?

— Жесткий приказ был: чтобы и духу овечьего в зерновом совхозе не осталось. Мы, может, рассуждали и примитивно, но — жизнь доказала — правильно. Фураж мы производим. Ради севооборота травы многолетние сеем. Солома после обмолота остается. Скажи, разумно все эти корма возить за тридевять земель? Не проще ли превращать все это в мясо, масло, шерсть на месте? А солома? Как весна, кругом земля пожарами горит: мешает солома на пашне. Приложи солому к силосу — будет корм. Молоко и мясо. Выходит, ассигнациями небо топим. Это взгляд, так сказать, с государственной колокольни. Теперь забираемся на низенькую колоколенку, совхозную. Да зачем совхозную — на крылечко маленького крестьянского хозяйства. Почему простой мужик хоть и не разбирался в высоких материях, а сразу и за «сапоги» и за «пироги» принимался? Нельзя иначе в сельском хозяйстве. Оно как живой организм. На одном хлебе долго не протянет. Не будет в хозяйстве скотины — не только без мяса и молока останешься. Земля скоро выдохнется: ее каждый год удобрять надо. И свинью мужичок держал не из принципа: всегда наберется в хозяйстве добро, что жалко бросить в помойную яму. Курица снесет яичко, когда невыгодно резать скотину. Утка с гусем проживут все лето на иждивении у матушки-природы. А кто, как не птица, каждое оброненное зернышко с земли подберет? С овцой та же история... Народ сложил притчу о старике крестьянине. Старик перед смертью завещал сыну не садиться за стол без курочки. Правда, сынок не крошки со стола курочке стряхивал, а каждый день по курочке потрошил. Но сынок тот ведь был недоумок... А с тех пор, как мы научились выращивать кукурузу, вовсе кончилась наша хлебная специализация.

Теперь кинем на счетах,— продолжает директор.—В нашем зерновом — заметьте, зерновом! — совхозе в прошлом году первая целина дала пять миллионов рублей дохода, а вторая — в два раза больше. И в эти миллионы заложены не только молоко и говядина. Но и утятина. И баранина. И курятина. И свинина. И яйцо. И шерсть... Мораль какова? Иной раз с зернового хозяйства можно иметь все: от булки до шкурки. Вот я и согласился взять вольерную сетку для куниц. Конечно, трудно будет. Не в кормах, не в средствах. В людях — вот наша первая трудность.

Проблема № 1

За шесть лет преобразилась целинная земля. И не только земля: усадьбы, села, поселки, города — все наполнилось биением целинного пульса. Шесть лет назад в устах павлодарцев слова «шестнадцатиквартирный дом» — стоял один такой в областном городе Павлодаре — звучали не менее значительно, чем «Эйфелева башня». Теперь «шестнадцатиквартирный дом» для Павлодара такой же небоскреб, как здание ГУМа— небоскреб для Москвы.

Все это дела людских рук. Выходит, их здесь немало. Но нет! Мало, мало пока еще людей на целине. Спрос на рабочие руки неудержимо обгоняет предложение. Люди тут нужны позарез...

В глубинном Новотроицком совхозе, на севере Павлодарской области, с прошлой осени ожидает уборки море рослого подсолнечника. Словно ледоколы, плененные льдами, с прошлого года стоят среди высохших и пожелтевших подсолнухов комбайны. Люди, брошенные после уборки зерновых на силос, превозмогали усталость, бессонницу, непогоду, холод и не останавливали машин по своей воле. Комбайны увязли в сугробах. А именно этого подсолнечника не хватило, чтобы уберечь от падежа крупное стадо.

В совхозе № 23 — это уже на юге области — не случилось такой беды. Совхоз вырастил солидный урожай кукурузы и завоевал республиканское знамя. Но основное направление хозяйства — овцеводство, а в прошлом году на каждые сто маток едва удалось сохранить по 63 ягненка. Это очень мало. Секрет удачи и неудачи простой: кукурузоводы в совхозе имеются, а животноводов мало.

Правда, специалист-зоотехник в совхозе есть: женщина, молодая мать. А вот детского сада в совхозе нет: никак не найти воспитателя. И зоотехник сидит дома с ребенком.

— Прямо семейная трагедия,— говорит главный агроном совхоза, знаменитый по Казахстану кукурузовод Владимир Федорович Максимец. Словам этим трудно не верить: зоотехник, о котором идет речь,— его жена.— Она, как и я, ехала на целину по первому призыву и ехала работать. Дошли до того, что хоть бабку с Украины выписывай. Выписали! Да вот согласится ли она приехать?

Мы с Владимиром Федоровичем заперлись в совхозной конторе. Надеялись, никто не помешает нашей беседе: во-первых, воскресенье, во-вторых, из-за дождя люди по домам сидят.

— От недостатка в людях все наши беды,— резюмирует Максимец.

И вдруг стук в дверь. Незнакомый человек. Ищет работу. Переселенец из Молдавии, свинарь. С характеристиками. Максимец берет ручку и тянется к чернильнице: сию же минуту с этой запиской свинарь явится на ферму и приступит к работе Но гость сообщает Максимцу, что приехал на целину не один, а с женой и четырьмя детьми. Главный агроном кладет ручку на прежнее место: свинарь ищет не столько работы, сколько квартиру.

— А ведь это был бы для нас не человек, а клад,— заметил Максимец, когда услышал, как гость хлопнул наружной дверью.— Один семейный у нас дороже пятерых холостяков ценится. Этот осядет навсегда: хозяйство заведет, богато жить станет. Но как он осядет, если у него здесь ни кола, ни двора? Впрочем, двор мы ему нарезать можем. А насчет кола — увольте. Колья у нас поштучно директор совхоза личным приказом распределяет. Дало государство на целину большие деньги: хочешь строиться — получай пятнадцать тысяч. У нас тут двое даже по семнадцати тысяч получили. Истратить не могут: палки, и той не купишь... А сами совхозы стройматериалы для себя не добывают...

А жаль. За последнее время слабые колхозы и то научились строиться своими силами: собираются коштом, заготавливают лес, делают кирпичи, горами ворочают. «То колхозы,— слышал я голос работника областного управления сельского хозяйства,— а совхозы — чисто государственный сектор. Эдак до частного предпринимательства можно договориться...»

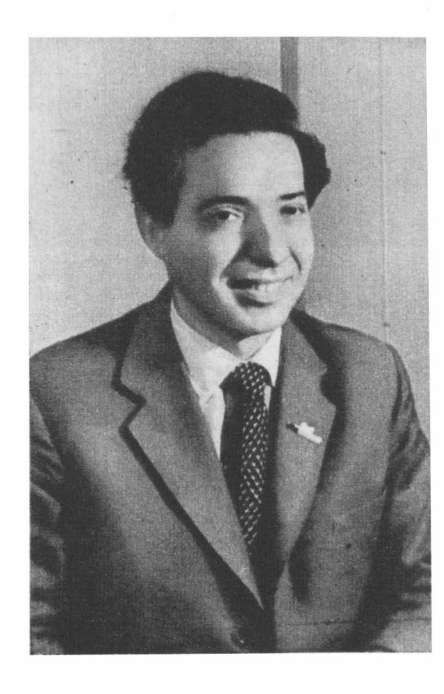
— Есть тут у нас два совхоза — Бескарагайский и Ямышевский,— говорит Максимец.— Много строят. Лес сами заготавливают. И народу туда больше идет. А чтобы обвиняли их в частном предпринимательстве, не слыхал... Наверное, и нам придется у них поучиться...

Снова стук в дверь. Парнишка лет восемнадцати. Зиму проработал в Павлодаре на стройке, теперь перебирается в совхоз. Максимец пишет ему записку, и парень едет в полевую бригаду.

— Тракторист. Летом у нас больше заработает, чем в городе. Пока тепло, в вагончике поживет. С белыми мухами улетит. Хорошо, если какая-нибудь совхозная красавица его на себе оженит. Вот ведь на что надеяться начинаем... В прошлом году прислали к нам тридцать механизаторов из Ивановской области. Ни один зимовать не остался. Ладно, бог с ними, с ивановцами! К этой весне на их место целая сотня механизаторов приехала: украинцы, белорусы, пермяки. По весне народ едет сюда охотно: кто работы не боится, здесь хорошо заживет. Только, боюсь, по осени многих из них не досчитаемся. Чтоб не перелетали люди, как птицы, нужны им тут постоянные гнезда, жилье. А осядет тут народ, тогда и целина раскроет все свои кладовые. Тут ведь даже кавуны вызревают. Не хуже Украины страна будет. Мне-то поверить можете: я из-под Киева...

ЭТО ЮГ!

Элвио **РОМЕРО**
Парагвай

ПО СТОРОНАМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ НАСЫПИ

Это юг:
тут и там останки. Белые скелеты —
так и не пробилось стадо к водопою,
в схватке победило яростное лето.
Солнце над травою...

Это юг:
в засуху пожухли тростники по руслам —
чахлые метелки солнце проклинают,
засуха — владыка в этом крае грустном.
Тростники линяют...

Это юг:
высохший источник, выжженное жниво,
жаркое дыханье опаляет всходы,
паутиной трещин перевита нива.
Высохшие воды...

Это юг:
женщины-скелеты. Выцветшие пряди
знойный ветер треплет, как кусок холстины.
Рот искривлен горько и тоска во взгляде.
Жалкие седины...

Это юг:
мрачная тоскливость. Дно ужасной печи.
Лето рыжей кистью красит зелень леса —
шаль огня упала на деревьев плечи.
Пыльная завеса...

Это юг:
угловатость линий. Красные дороги
медленно змеятся в тишине бескрайней.
Мрачные вершины призрачны и строги.
Солнце землю ранит...

Это юг:
статуи — деревья. Дети — изваянья:
вдавленные щеки, острых взглядов холод.
Это вехи горя, нищеты, страданья.
Всюду черный голод...

Тростники линяют.
Высохшие воды.
Солнце светит яро —
это юг:
пустота.
Объятья жаркие пожара!

ЭЙ, ПАРЕНЬ!

Эй, скажи мне, парень,
кулаки у тебя не горят?
Не сгорает ли сердце твое?
Не звучит ли в сердце
тревожный мотив,
словно рушится небо на землю?

И не ранят ли, парень, тебя
удары стилетов?

Отвечай!
Не клокочет ли кровь,
когда видишь ты, любящий и любимый
как терзают тебя,
продают,
предают?!
Кулаки у тебя не горят?!

ЦВЕТА ЗАРИ

Для тех, кто трудится с рожденья,
в поту теряя силы зря,
в горах рождается заря —
заря ножа и угнетенья.

В покое виноградных склонов,
когда поет душа и плоть,
рождает чуткая щепоть
зарю гитарных перезвонов...

А на руинах прах недвижен,
колокола — в объятьях сна...
Скупа, неласкова, грустна
заря на крышах бедных хижин.

Народ повержен на колени
слепым ударом топора —
и землю обагрит с утра
заря кровавых преступлений.

И плещет кровь, и стонет горе,
и в человеческом соку
тесак, висящий на боку:
убийцам тоже светят зори...

Блестя на ржавчине ключей,
придя на смену пьяным бурям,
встает заря холодных тюрем —
заря тюремных палачей!

И всех рассветных зорь чудесней,
грядет, в цветах огнем горя,
хмельная юная заря —
грядет заря певца и песни!

И в буйных вихрях, напоенных
пьянящим запахом цветов,
горит заря сердец и слов —
рассветная заря влюбленных!

И люди трудовой судьбы,
волнуясь, в голубом просторе
над миром зажигают зори
прекрасных песен и борьбы!

Перевел с испанского
Павел **ГРУШКО**.

Народное

ГРУЗИНСКИЙ

Ю. **ЗАВАДСКИЙ**,
народный артист СССР

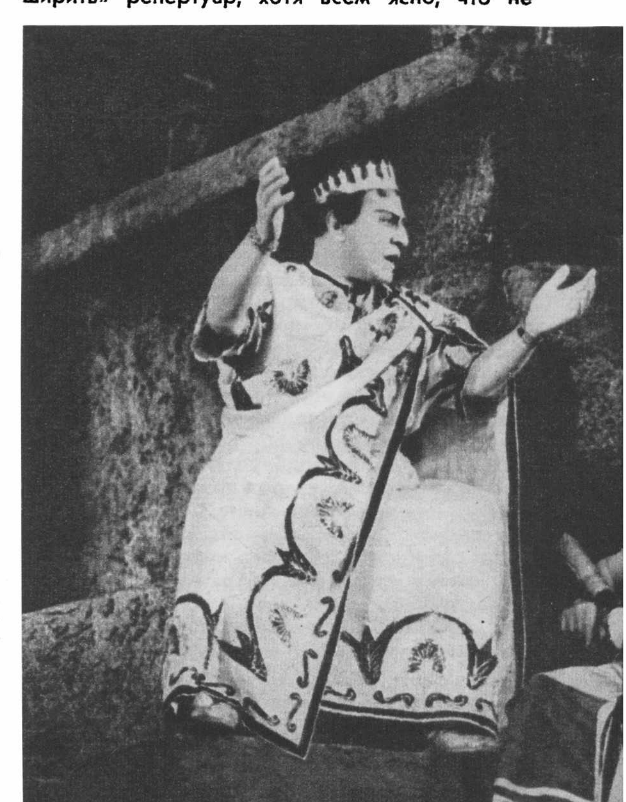
Мне рассказывали, как театр Руставели показывал своего «Царя Эдипа» колхозникам Кахетии, в больших табаководческих селах. Играли на аренах стадионов, зрители размещались вокруг. Необычным было все: и заходящее солнце, осветившее актеров в начале спектакля, и звучавшие при свете луны стихи, но самым волнующим было то, как тысячи зрителей, затаив дыхание, переживали трагический рассказ Софокла о мудром правителе Фив царе Эдипе.

Грузинский государственный драматический театр имени Шота Руставели — подлинно народный театр. Не только потому, что свое искусство он несет в грузинские города и села, что спектакли руставелевцев видели в Баку и Ереване, Сухуми и Киеве, Батуми и Ленинграде. По самому своему существу искусство этого театра обращено к народу, в нем удивительно ярко и цельно сочетаются национальные традиции грузинского театра и великолепный опыт русской театральной культуры.

Театр Грузии имеет многовековую историю, но сколько бедствий и унижений пришлось претерпеть его актерам до революции... Лучшие из них остались верны заветам демократического театра. Когда знаменитого актера Л. Месхишвили царское правительство судило за революционные выступления, актер смело заявил: «Искусство принадлежит народу, и я с ним...»

Великий режиссер, основатель советского грузинского театра Котэ Марджанишвили не мог до революции творить у себя на родине — он работал в Москве и Киеве — и вернулся в Грузию, испробовав уже, по словам Луначарского, «свои силы по части воплощения разнообразных театральных систем в Москве». Уже в первом спектакле, поставленном Марджанишвили, «Овечьем источнике», театр заявил о себе как о новом талантливом коллективе, определившем судьбы сценического искусства Грузии. И без него сейчас невозможно представить облик советского театра.

Прежде всего это театр острой философской мысли, мысли по-настоящему актуальной, волнующей современника. Для примера укажу на «Царя Эдипа» в постановке талантливого режиссера Д. Алексидзе. В этой, казалось бы, далекой от нашей современности постановке проявилось не только желание «расширить» репертуар, хотя всем ясно, что не

зрелище

ТЕАТР В МОСКВЕ

каждый режиссер решится «расширять» репертуар за счет пьес, созданных два с половиной тысячелетия назад.

С первой же минуты спектакля предчувствие трагических событий охватывает сидящего в зале. В Эдипе вы видите не раба, склонившегося перед высшими силами, а могучего человека, хозяина своей судьбы, который во имя правды не остановится ни перед чем. Все действие происходит на глазах у народа — к нему обращаются герои как к высшему судье, к силе, определяющей историю.

Подлинные страсти кипят на сцене. Мне вспоминаются слова Евгения Багратионовича Вахтангова во время работы над софокловской «Электрой». Он тогда говорил актерам: «Вы не думайте, что греки — это те белые мраморные статуи, которые мы видим в музее... чувствовали они нормально, по-человечески». Вот это человеческое содержание, заложенное в трагедии, донес до нас спектакль руставелевцев.

Ставит театр и современные пьесы: «Иркутскую историю» А. Арбузова, «Такую любовь» П. Когоута.

Мы много спорим о характере современного спектакля, о своеобразии сегодняшнего театрального зрелища. Руставелевцы не признают «обыденного», приземленного героизма так называемых обыкновенных, «простых» людей. Героизм советского человека — для них ярчайшая черта времени. Театр не боится во весь голос провозглашать большие идеи современности с убежденным пафосом.

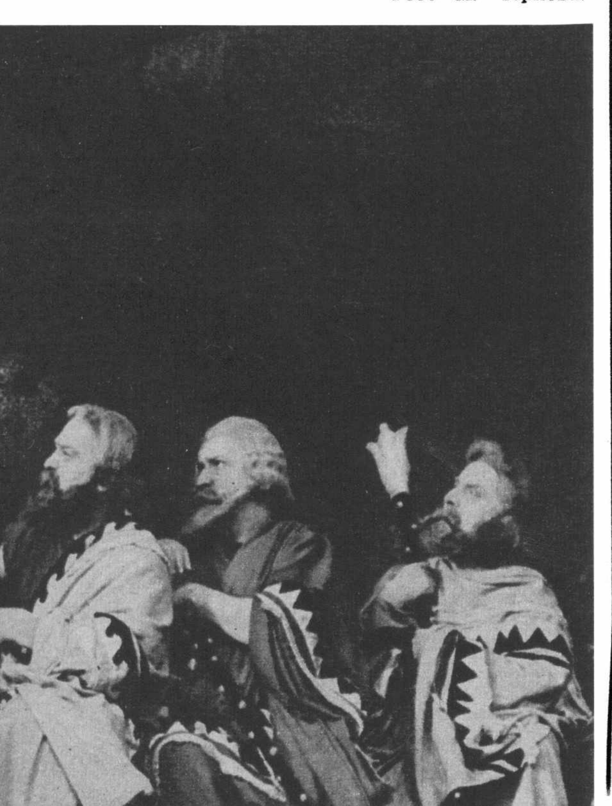
Есть еще одно качество у коллектива руставелевцев, которое определяет все остальное. Ведь любая философская мысль и чувство могут по-настоящему жить на сцене лишь в яркой театральной форме. Такая театральность, своя, незаимствованная, есть у наших грузинских гостей. Они не стремятся во что бы то ни стало быть оригинальными, но всегда ищут свой идейно-композиционный ключ, который помогает раскрыть существо пьесы.

Театр имени Руставели в расцвете своих сил. В театре работают замечательные мастера сцены Акакий Хорава, Серго Закариадзе, Акакий Васадзе, воспитавшие блестящую плеяду актеров.

Мы, москвичи, от всей души приветствуем наших дорогих гостей из Грузии.

Сцена из спектакля «Царь Эдип».

Фото М. Чернова.

П. Герага.

Фото В. Петрусовой.

ЛУКУ ЛУКИЧА ИГРАЕТ ГЕРАГА

В тюрьме, между строками журнала «Научное обозрение», В. И. Ленин в 1895—1896 годах писал проект программы социал-демократической партии.

Последним пунктом программы партии рабочего класса было требование отмены «...всех законов, стесняющих крестьян в распоряжении их землей».

Ленин этого периода и крестьяне, стесненные, зажатые неправедными царскими законами,— главные герои новой пьесы Н. Вирты «Три камня веры». С Лениным (Б. Иванов и А. Консовский) встречается сама крестьянская Русь — в лице Луки Лукича Сторожева... Смотришь на Павла Осиповича Герагу, играющего в спектакле Театра имени Моссовета старика Сторожева из деревни Дворики, и как бы сызнова воспринимаешь события — логику и законы исторических переворотов в судьбах крестьянства, гениально постигнутых Ильичем...

Лука Лукич Сторожев — образ простой и трагический, трогательно человечный и монументальный одновременно... Глядя на него, понимаешь: вот откуда у молодого Ленина столь нерушимая, зрелая убежденность: не только покачнутся, но и навсегда рухнут у мужика все «три камня» его наивной веры в бога, царя, крепкую патриархальную семью...

За недолгое сценическое время П. Герага наполняет рассказ о крушении мужицких идеалов психологической мощью, силой творческого убеждения. Много пережитого вкладывает в своего Луку Лукича, правдолюбца, мирского ходока, П. Герага. Он сам родился в крестьянской семье 68 лет назад в Южно-Енисейской тайге. Сюда был сослан отец Гераги из Западной Украины, где вместе с другими мужиками сжег барское имение... В Сибири отец старался держать свое прошлое в секрете даже от собственных детишек, которых было двенадцать душ. Зато дед, Дмитрий Иванович, красивый, могучий и добрый жизнелюб, с которым дружил мальчуган, кое о чем рассказывал внуку... Недаром и пошел Павел Герага чуть не с десяти лет учиться и работать, жить независимо, «на своих харчах», иной раз на последние копейки, пробиваясь в Красноярский театр, где годилось, а затем и окрепло желание стать актером...

— Давно это было,— говорит Павел Осипович,— а будто миг прошел. Особенно живо дед помнится.

Вот этот дед, по всей вероятности, и ожил на сцене, да только ли он один?!.

Простые, ищущие правды, честные люди тем более глубоко переживали окружающую их неправду, чем сильнее бурлило прозревающее русское общество.

Далеко не все слои этого общества одинаково ярко показаны в спектакле, поставленном А. Шапсом. Но запомнишь навсегда Луку Лукича, потрясенного величием ленинской мысли, крестьян-бедняков из деревни Дворики, решивших впервые попрать стесняющие их законы, отшвырнуть со своей дороги камни утраченной веры...

Н. ПАВЛОВА

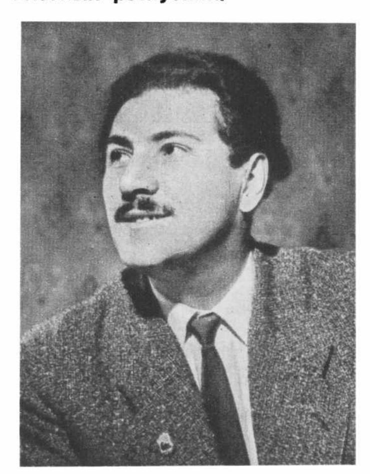
В КАННЕ, МИНСКЕ И В БУДУЩЕМ...

Григорий Чухрай рассказывает читателям «Огонька».

— Я и мои товарищи бесконечно счастливы, что наш фильм достойно представил за границей советское киноискусство. Дело не только в том, что советское кино получило в Канне премию.

Все мы радуемся, что наша картина шла при горячем одобрении зрителей. Во время просмотра «Баллады о солдате» в зале много раз вспыхивала настоящая буря аплодисментов. Вся французская печать отозвалась о фильме с высокой похвалой.

В Канне показывали фильмы 29 стран. В Минске же шел смотр киноискусства наших союзных республик.

Г. Чухрай.

Фото Б. Виленкина.

После Канна и Минска предстоят, конечно, другие фестивали — международные и всесоюзные. Значит, надо работать!.. Создавать новое. Сейчас съемочная группа, которой я руковожу, снимает на Мосфильме картину «Чистое небо». Она расскажет о летчиках, простых советских людях, о верности, о дружбе... Очень хочется сделать такой фильм, который достойно представил бы советское кино и на будущих смотрах.

Зрители просят повторить

На телестудию пришло первое письмо с отзывом: «Хочу поблагодарить тех, кто работал над передачей «Братья Ершовы», только не знаю, спектакль это был или фильм. Повторите, пожалуйста! Харченко, Москва».

Таких писем много.

Давно мне хотелось создать спектакль о современности, о простых рабочих людях, творцах и хозяевах нашей жизни, и я решил остановиться на инсценировке известного романа Кочетова «Братья Ершовы».

Очень ограничены возможности сценической площадки студийного театра. А многие эпизоды требуют широты, размаха. На помощь пришел киноаппарат — часть сцен заранее была снята на пленку «на натуре». Правда, артистам, исполнявшим роли Капы и Андрея, не приходилось заплывать на лодке за пять километров от берега: подмосковная речушка не широка. Да и московский завод «Серп и молот» не походил на южный металлургический завод-гигант. Но тут все зависело от нашей изобретательности.

Сцена из телевизионного спектакля «Братья Ершовы».

Фото О. ГУДКОВА.

В те дни, когда шла передача «Братья Ершовы», спектакль с экрана телевизора записывался на кинопленку. Скоро телезрители других городов и сел смогут смотреть эту передачу.

Режиссер В. РЫЖКОВ

Автор 3 000 деревянных скульптур

Есть у латышей широко популярный и очень любимый роман «Времена землемеров». Его написали братья Каудзитес.

Один из персонажей романа, Кенцис, наивный простак, до сих пор живет в латышском народе как тип нарицательный...

Кришьяну Кугра было лет двенадцать, когда его отчим, маляр Гедерт, подарил мальчику роман «Времена землемеров».

— Читай и разбирайся,— сказал он.— Пройдет время, многое изменится, а типы, созданные в этой книге, будут жить, пока не исчезнут на земле корыстолюбие, взяточничество, жадность, ханжество и лицемерие...

И вот однажды в витрине магазина прикладного искусства появились деревянные гротесковые фигурки неизвестного автора. Публика останавливалась у витрины, узнавала героев и смеялась до слез...

Потом деревянные композиции «Кенцис с дарами», «Кенцис у землемера», «Кенцис и Паул в тюрьме» и многие другие предстали на художественных выставках и в салонах Латвии. Автором их был скульптор-самоучка Кришьян Кугра.

Впоследствии тематика скульптора расширилась. Он создает Швейка, Добчинского и Бобчинского, персонажи басен Крылова...

В 55-летнем возрасте Кришьян Кугра — автор свыше трех тысяч работ в дереве.

Г. КАРКЛИНЬ

КАК ПТИЦЫ КОЗЛЕНКА СПАСЛИ

Сергей **МИХАЛКОВ**

СКАЗКА

Рисунки А. БАЖЕНОВА.

Жил-был обыкновенный Козленок. Как все козлята, он был мал, но упрям. Он хотел все делать по-своему. Однажды ему пришло в голову уйти погулять подальше от дома.

— Не ходи далеко! — предупредила его мать.— Собираются тучи. Быть грозе.

— Никакой грозы не будет! — ответил Козленок и поскакал по тропинке в дальний лес.

В лесу было темно, а скоро стало еще темнее. Макушки высоких сосен гнулись от сильного ветра. Большая черная туча нависла над самым лесом. И вдруг сверкнула ослепительная молния, а за ней грянул оглушительный гром.

Не помня себя от страха, маленький Козленок бросился наутек. Ему казалось, что молния и гром гонятся за ним — так они сверкали и гремели. Наконец большая черная туча прорвалась, и из нее полил ужасающий дождь. Целые потоки холодной воды обрушились на Козленка, который все бежал и бежал. Он уже выбежал из леса и теперь скакал по незнакомому лугу. Он промок до ниточки, до последней шерстинки на теле, а дождь все не унимался. Когда же вся вода из тучи вылилась и небо прояснилось, Козленок очутился на небольшом островке посредине настоящего озера. Все вокруг было затоплено. Из воды тут и там торчали только верхушки каких-то кустов. До сухого берега было далеко.

Козленок не умел плавать. Ему ничего не оставалось делать, как ждать спасения. Дрожа от холода, он присел на корточки и стал ждать.

Скоро он увидел знакомую Свинью. Она плыла мимо на лодочке.

— Спаси меня, Хрюшка! Сними меня с островка! — взмолился Козленок.— Забери меня с собой!

— Мне самой места мало! — прохрюкала в ответ Свинья и, покачиваясь на волнах, проплыла совсем близко от островка.

— Как тебе не стыдно! Апчхи! Апчхи! — два раза чихнул ей вслед Козленок, который не успел еще высохнуть, но уже успел простудиться.

Свинья уплыла на своей лодочке, и Козленок опять остался один.

В это самое время на берегу появились лесные разбойники. Это были известные кровожадные грабители Волк и Волчица. Ветер донес до их разбойничьего логова запах мокрой козлиной шерсти, и они по запаху вышли на опушку леса. Первое, что они увидели, было новое озеро, а посредине озера, на маленьком островке, маленького Козленка.

— Давно мы не лакомились свежей козлятинкой! — прорычал старый Волк.

— Сладкий кусочек! — облизнулась Волчица.

— Как бы нам до него добраться? — сказал старый Волк.— Можно было бы и вплавь, да я не люблю купаться перед обедом!

— Побежим скорее в наше логово, посоветуемся с братьями,— сказала Волчица.— Козленок никуда не денется, вода не скоро сойдет...

Недолго раздумывая, разбойники скрылись в кустах. А Козленок, ничего не подозревая, продолжал сидеть на островке.

«Неужели я так и погибну? — думал бедный Козленок, в тревоге глядя по сторонам.— Скоро ночь, а меня что-то никто не спасает...»

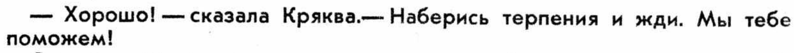
— Кряк! Кряк! — послышалось вдруг над самой головой Козленка. Козленок поднял голову и увидел дикую утку Крякву.

— Кряк! Что ты тут делаешь? — удивилась Кряква, делая круг над островком.

— Неужели ты не видишь? — жалобно отвечал Козленок.— Сижу и жду помощи. Плавать я не умею, летать тоже, а до берега видишь как далеко!

— Хорошо! — сказала Кряква.— Наберись терпения и жди. Мы тебе поможем!

С этими словами она взмыла в вышину и быстро скрылась из виду.

Весть о том, что маленький Козленок попал в беду, как по телеграфу,

разнеслась по окрестным лесам, полям и болотам. Не прошло и часа, как на зеленой лесной полянке собрались добрые звери и птицы. Прискакали Зайцы, притащились Бобры, прилетели Журавли. Старуха Цапля привела с собой двух Пеликанов, которые гостили у нее перед отлетом на юг.

Дикая утка Кряква рассказала всем собравшимся о том, как она летела над лугом, который стал озером, и как она увидела на маленьком островке одинокого Козленка.

— Надо ему помочь, пока про него не пронюхали Волки! — закончила она свой рассказ.

Все как один согласились с Кряквой.

— Надо помочь! — хором сказали Зайцы.

— Выручим! — сказали Журавли.

— Поможем! — сказала Цапля и посмотрела на Пеликанов. Те молча закивали головами.

— А как? — спросил только что подлетевший Аист.

— Надо построить плот и на нем вывезти с островка Козленка! — предложили Бобры. Они были строителями и всегда предлагали что-нибудь построить.

Тут закипела работа. Бобры тотчас повалили большое дерево. За ним упало второе, за вторым — третье. Зайцы очищали стволы от ветвей и сучков. Журавли таскали готовые бревна на берег озера и там связывали их. Каждому нашлось дело.

Неожиданно в самый разгар работы прилетел Воробей.

— Я только что видел Козленка! — прочирикал он, запыхавшись.— Он плачет. Он голоден. Он с самого утра ничего не ел.

— Надо его накормить! — как всегда, хором сказали Зайцы.

— Накормить! — согласились Журавли.

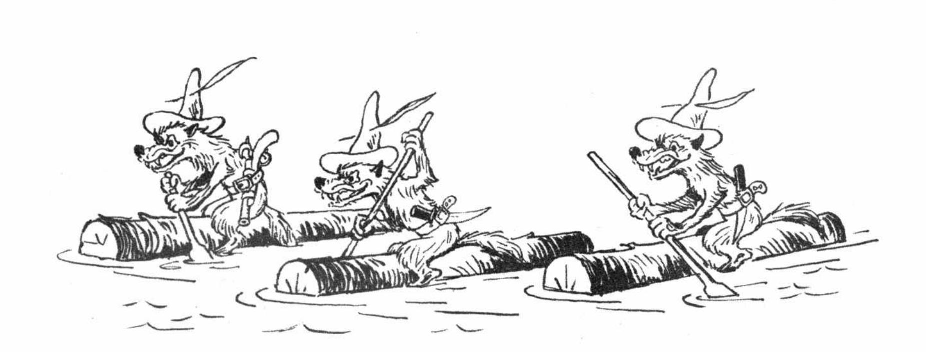
— И посытнее! — предложили Бобры, не отрываясь от работы.

— А как? — спросил Аист.

Цапля промолчала. Она только многозначительно посмотрела на своих друзей Пеликанов. Те поняли ее и молча открыли свои большие клювы. У каждого там был припрятан порядочный запас свежей рыбы. Потому-то они и молчали все время!

— Кряк! Козлята не едят рыбы! — воскликнула дикая утка Кряква.— Разве вы этого не знаете?

Пеликаны посмотрели друг на друга и, проглотив рыбу, быстро освободили сумки. Два шустрых Зайчонка куда-то исчезли и тут же вернулись, таща охапками свежую морковку и несколько кочанов капусты.

Пеликаны опять разинули свои клювы, нагрузились овощами и поднялись в воздух вслед за Воробьем.

Через несколько минут они уже сбрасывали провиант прямо к ногам обрадованного Козленка. Освободившись от груза, Пеликаны повернули обратно к берегу, где с невероятной быстротой достраивался плот.

Но в разбойничьем логове тоже не дремали. Здесь точили ножи и кипятили воду в котле. А три самых отчаянных головореза, три молодых Волка, оседлав три толстых бревна, уже плыли по направлению к островку, на котором жалобно блеял маленький глупый Козленок.

Хорошо, что разбойников заметила пролетавшая мимо птичка Синичка. Вовремя прилетела она к тому месту, где трудились верные друзья.

— Скорей, братцы! Скорей! — прощебетала она, кружась над строителями Бобрами.— Вы можете не успеть! Разбойники уже подплывают к островку.

Плот был почти готов, и его столкнули в воду. Еще одно мгновение — и он уже покачивался на волнах. Команда Зайцев налаживала парус. Ими командовал самый храбрый Заяц, по прозвищу Трусохвостик.

Тем временем все, кто имел крылья, поднялись в воздух. Первыми поднялись Журавли, за ними — дикая утка Кряква, Аист и Цапля. Развернувшись над лесом, они построились в треугольник и взяли курс на островок.

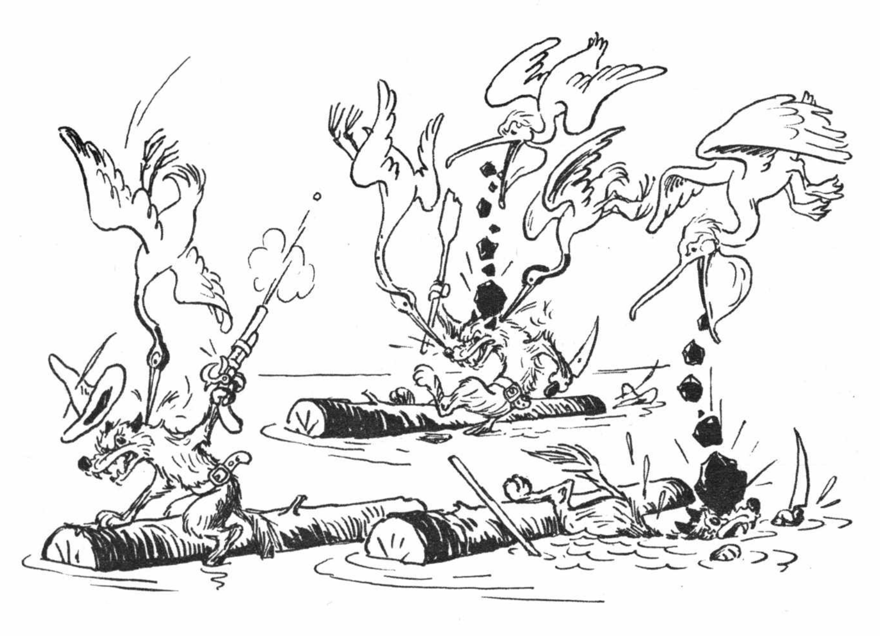
Разбойники Волки вовсю работали веслами, тихо переговариваясь друг с другом.

— Уже недалеко! — говорил один.— Уже недалеко!

— Никуда он от нас не уйдет! — говорил второй Волк.— Не уйдет!

— Сейчас мы его сцапаем!— рычал третий разбойник.— Сцапаем!

Но не тут-то было! Не успели разбойники опомниться, как на них налетели дружные птицы. Их острые клювы больно вонзались в волчьи шеи. Журавля сменял Аист, Аиста сменяла Цапля. Разбойникам некуда было деться на своих бревнах. А тут еще налетели немного задержавшиеся Пеликаны. Они летели медленно, потому что на этот раз были нагружены камнями. Весь свой тяжелый груз они обрушили прямо на головы Волков. Этого разбойники уже не могли выдержать. Хватаясь за головы, воя от боли, они теряли весла и падали в воду. Спасая свою шкуру, они хотели было вплавь повернуть назад к берегу, но длинноклювые птицы кружились над ними и не давали плыть до тех пор, пока последний разбойник навсегда не скрылся под водой.

Ну, а плот пристал к островку. Козлик вне себя от радости расцеловался с Трусохвостиком и от души обнял каждого Зайца в отдельности. Прямо на плоту Зайцы разожгли костер, чтобы бедняга мог обсушиться и обогреться.

Мы не будем описывать возвращение Козленка домой к родителям. Скажем только по секрету, что, несмотря на общую радость, два дня ему было больно сидеть на своем хвостике. Но этого следовало ожидать!

На третий день Козел и Коза устроили у себя прием. На праздничный обед были приглашены все, кто так или иначе принимал участие в спасении Козленка. Никто не был забыт. Нашлось место и для Воробья и для Синички. На почетном месте сидела дикая утка Кряква, которая первая пришла на помощь маленькому упрямцу.

Неожиданно без приглашения заявилась Свинья.

— А где мое место? — прохрюкала она еще с порога.

Но в ответ ей указали на дверь.

— Здесь место только тем, кто знает, как помогать друг другу в беде! — вежливо, но сухо и решительно заявил хозяин дома Козел.— Вы же, соседка, поступили по-свински!

Так Хрюшка и ушла несолоно хлебавши.

А в доме Козла и Козы до поздней ночи были слышны песни и смех, звон бокалов и хруст кочерыжек.

Так за празднично накрытым столом, в кругу настоящих, верных друзей радостно и весело закончилась история, которая могла бы закончиться весьма печально.

Гайское созвездие

Н. ТАРАСЕНКОВА

Его звали Саша. Или, как он сам сказал, Саня, Шурик, Александр — все равно. Он сказал это и рассмеялся. Зубы его казались необыкновенно белыми на загорелом до черноты лице. Ему было девятнадцать, и он уезжал в Москву.

Саша охотно рассказывал о себе. В прошлом году окончил десять классов. Ох, и много он мечтал с ребятами — забраться бы куда-нибудь подальше от Москвы, на стройку! Таких охотников нашлось десять — десять его одноклашников. Конечно, их «предки» были против. Но они решили и поехали.

Он помолчал. Поставил на чемодан ногу, засунул руки в карманы брюк.

— Вот так потянуло на романтику...

И вдруг спросил строго:

— А собственно, что такое романтика? Если это грязь, жара, холод, тогда я ее налопался вот так. А работа? Кирпич — раствор, раствор — кирпич. Скукота, однообразие... Вот я года не проработал, до стажа в институт не дотянул. И плевать!..

...Те десять остались. А Саше было плевать. И он уехал.

А совсем недавно я побывала на одной стройке. И мне захотелось рассказать о ней Саше. Захотелось рассказать потому, что участники этой стройки — его ровесники. Потому, что начиналась она год тому назад, когда Саша отправлялся в обратный путь.

Прошло лишь двенадцать месяцев, и там, где кланялись хлеба, разговаривали комбайны, ныне растет город. И там, куда год тому назад приехала сотня комсомольцев, теперь уже двенадцать тысяч жителей. Я говорю о Гае, новом городе Оренбургской области...

* *
*

...Совсем недавно он был солдат. Когда демобилизовался, друзья подарили ему на память маленький приемник «Турист».

— Счастливо тебе, Виктор, хороший ты парень, хороший комсорг! Счастливо!

А потом он пошел в обком комсомола, и ему сказали:

— Вот что, Поляничко, в Гае нашли большие запасы медной руды, там будет горнообогатительный комбинат, будет город. А пока ничего нет. Пусто. Все надо начинать сначала. Поедешь?

И он поехал.

Нет ничего... Низкие мохнатые облака. Холодный, пронзительный ветер. И грязь, непролазная грязь, липкая, тягучая.

Здесь будет город!

Было немного смешно думать о том, что здесь будут город, шахты, карьер, комбинат. Было немного смешно, что он, двадцатидвухлетний парень, одним из первых приехал строить этот город и будет начальником комсомольского штаба. Штаб — в маленькой пристройке к сараю. А сарай — это будущий клуб. Пока там свалены доски.

...Утро, свежее, бодрое. Земля, потревоженная ливнями. Плывут низкие, разорванные облака. Сел Виктор на ступеньки будущего клуба и поставил рядом с собой подаренный товарищами «Турист». Сначала на музыку сбежались дети. И откуда они взялись! Потом пришли девушки и стали танцевать. А Виктор Поляничко сидел и думал: «Так и начинаем».

И вдруг «Турист» замолчал. Вот тебе на! Кончилась батарейка. И тут же отошли от клуба разочарованные дети. Отошли девушки. Нет им никакого дела до начальника комсомольского штаба. Им просто хотелось потанцевать...

Виктор смотрел им вслед и машинально думал: «Вот так и начинаем».

Но начиналось все иначе. Приехала первая сотня комсомольцев, разбили палаточный городок. Приготовились встречать первую тысячу. Это была радостная встреча, хотя без музыки. И не устраивали в честь их танцы. Просто вышли из кабины шоферы, вытерли потные лица: «Ну и дорога!» «Да какая там, к черту, дорога, нет никакой дороги!» Новоселы расхватали лопаты. Так начался их первый день в Гае.

Комсомольский штаб... День и ночь здесь люди. Члены штаба — это не только комсомольцы, но и коммунисты, опытные товарищи, жизнь знают. Это управляющий стройтрестом А. В. Радостев, главный инженер управления капитального строительства В. А. Маштанов, начальник гаража Г. А. Алабужин и много еще других.

Комсомольский штаб вмешивается во все дела, штаб решает все вопросы.

...Ночью на ощупь, с трудом вытягивая ноги из липкой грязи, пробираются люди. В палатках зажигаются коптилки, керосиновые лампы.

Нужен был свет.

...Пусто на улице. И вдруг все наполняется шумом, бегут люди, гремят ведрами, бидонами: вода, вода! Воду везут! Выстраивается за машиной громадная очередь.

Нужен был водовод.

...Ждали оборудования. Оно шло из Новосибирска, Еревана, Ленинграда, Свердловска, и все приходило в Орск. А до Гая от Орска еще сорок километров. Машины застревали на дорогах, их выта-

Монаховские девчата.

скивали бульдозерами, снова шли машины и снова застревали.

Нужна была железная дорога. Все было нужно, и все сразу, и все в кратчайший срок.

И комсомольцы пошли на строительство линии электропередачи, на строительство водовода, на строительство железной дороги.

А однажды... Ну как тут быть?

— Виктор, послушай, мы так не можем.

— Что такое?

Перед Поляничко пять девушек. Маляры. Они сидят и говорят одно и то же: «Мы так не можем. Они не дают нам прохода, они облили сегодня наши комбинезоны. Они ждут нас возле палаток».

— Кто они?

— Да ребята...

— Девочки, ну чем я могу вам помочь? Красивые вы, вот вам прохода и не дают.

Переглянулись девчата, посмотрели друг на друга: а что? Засмеялись и выбежали из штаба...

Будили Поляничко ночью. Будили шоферы, возвращающиеся из рейсов, будили комсомольские патрули, приведшие нарушителей.

— Виктор, ты спишь?

Сонно:

— Конечно, нет. Что там?

А как-то... Это было днем, но казалось — во сне. Неподалеку от палаток остановилось такси. Из него вышла девушка, у нее были светлые волосы и голубые глаза. А на руке... Нет, он просто не поверил. Руку ее обвивала змея.

Девушка спросила:

— Здесь штаб?

— Вероятно, надо написать объявление: «Сегодня вечером выступает укротительница змей»? — улыбнулся Поляничко.

Она не обратила на эту реплику никакого внимания.

— Меня зовут Оля, и я приехала к вам работать. Да, работать, не удивляйтесь. У меня есть сапоги...

— Да при чем тут сапоги! Впрочем, хорошо,— сказал Поляничко.—Только отпустите такси и снимите этого ужа.

Такси она отпустила. Но ужа снимать не хотела: это же необычно и экзотично, как этого никто не может понять!

Вот она работала в Орске машинисткой. У нее есть папа, мама и телевизор. Но все надоело. Захотелось романтики. И она поехала в Гай.

Поляничко посадил ее на мотоцикл.

— Поехали.

Были они на бетонном узле. Были на стройке, были на карьере. Уж не удивил никого, а только рассмешил.

— Остаешься работать?

— Да,— сказала она менее уверенно,— у меня ведь есть сапоги

Она осталась работать на стройке, она жила с девчатами в палатке. Но недолго... Романтика труда не покорила ее. То, что она приехала на такси и руку ее обвивала змея, было куда более романтично. И она уехала в Орск работать маникюршей.

Все те, кто боялся трудностей, уехали, не дождавшись зимы.

А зима стояла шалая. Задует буран — нет дороги, останавливаются машины, останавливаются поезда.

Было все это, было... Только спросят друг у друга: «А помнишь, как наш Маштанов ходил в буран смотреть, где надо ставить снегозащитные заборы?..» Так весь путь один и прошел он от Гая до Орска.

«А помнишь последнее переселение из палаток?..» Радость! Самый последний палаточный житель ехал очень торжественно, разложив на тракторе свои пожитки.

«А помнишь?..» И то, что сейчас вспоминают с добродушной улыбкой,— все это были победы, завоеванные великим трудом. И когда отмечали победу, на крыше школы зажигали звезду. Так решили комсомольцы, и вот почему.

Однажды пошли они в гости к геологам. Недалеко это, в Калиновке, километрах в двух-трех от Гая. Есть там маленькое озеро, окруженное корявыми березками. С него все и началось. Началось еще в тридцатые годы. Одному геологу принесли кость, она была зеленая. Здесь должна быть медь, вот и в озере вода с привкусом меди. Здесь должна быть медь, но где? Долго искали, а потом прекратили. А в пятидесятом снова начали. И нашли, нашли пять рудных тел. Гайское созвездие. Победа! В честь этого и решили: на здании школы зажечь звезды. Так подземное созвездие родило новое земное созвездие трудовых побед.

Зажигались звезды, когда дали свет, когда построили водовод, когда провели железную дорогу, когда последние палаточные жильцы переехали в дома, когда на карьере досрочно вынули миллион кубометров грунта...

* * *

Карьеру нужны люди, на шахты нужны люди, на строительстве горнообогатительного комбината нужны люди. Едут и едут люди в Гай.

Сейчас уже снова разбиты палатки на шестьсот человек. Принимают в штабе комсомольцев, направляют их на работу.

И каждый раз спрашивают приехавших:

— Семейные, холостые? Семейным труднее, комнаты будут нескоро...

И чтобы легче было семейным, чтобы всех переселить из палаток в дома, в Гае идет большое строительство. Славятся бригады Гринева, Шаныгина, и особенно хорошо говорят о монаховских девчатах. Называют их так потому, что руководит бригадой Михаил Федорович Монахов. Еще недавно жил он в Рудном, работал шофером на карьере. Но душа беспокойная, хоть здоровье и пошаливает. Потянуло на новое место, в новый город. Здесь вот и взял под свою опеку 29 девчат. Маляры они. Но придите к ним вечером в общежитие — и не узнаете!

Кажется, судьба у них почти одинаковая. Учились в Орске, окончили десять классов, пошли в техническое училище и приехали строить город.

Только их комсорг, Люба Колтунова, не из Орска, она приехала из Коми АССР. Жила Люба в селе, окруженном лесами, слушала, как поют пилы, как со стоном падают деревья, а потом плывут, плывут огромные бревна по быстрой реке. А она мечтала попасть в текстильный институт. Поехала в Кострому — и провалилась. Ходила по городу. Все ей казались счастливыми, только она одна неудачница. Вернулась домой. Мать утешала ее:

— Ничего, найдется тебе и здесь работа, не тужи.

А подружка писала из Орска: «Любка, приезжай. У нас здесь такое строительство...»

И она поехала...

Живут в одной комнате, все вместе, подруги Зоя Королева, Лина Шмидт, Лида Власова, Люба Кичемасова, Маруся Бартель. Не так давно учились они в одном классе 2-й орской школы. Окончили девушки десятилетку и призадумались. Они уже как будто выбрали себе профессии: одна хочет стать педагогом, другая — врачом, третья — экономистом...

Ну, а что они вообще знают о жизни? Ничего. Что они видели? Люди строят заводы, города, а они?

А рядом с их городом вырастет новый Гай. Это будет город огромного значения. Медь... И они должны быть участниками строительства этого города.

Год живут в Гае монаховские девчата. Учатся они на вечерних подготовительных курсах в институт. Но не думают покидать Гай. Здесь их дома. Сколько? Уж и не сочтешь. И магазины — это тоже их работа, и клуб. Клуб, в котором они работали всю ночь, чтобы к Новому году тут танцевали и пели... Кто не знает эту бригаду в Гае? Все знают.

— Вон монаховские девчата идут.

...В Гае у комсомольцев законы строгие. Не хочешь подчиняться общим правилам, не хочешь жить, как все,— ну, так отправляйся за гору.

Есть при въезде в Гай небольшая гора. И тот, кто перевалил через эту гору в весеннюю распутицу год тому назад, тот, кто построил город на пахоте, тот, кто перенес все невзгоды, те знают: самое страшное это наказание — «Уходи за гору». Уходи восвояси. И те, кому было не по пути со всеми, ушли.

— Остались влюбленные в Гай,— так сказал начальник комсомольского штаба Виктор Поляничко.— Ох, как выросли комсомольцы за год! Они и сами того не замечают.

Это правда, выросли люди в Гае. Сам Поляничко хоть и оставлен начальником штаба, но уже выбран секретарем Орского горкома комсомола. Михаил Федюкевич пришел рядовым рабочим, а стал руководителем бригады коммунистического труда. А недавно на Всесоюзном совещании передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда вручили ему медаль «За трудовую доблесть».

...Мне бы хотелось, чтобы о Гае и гайстроевцах узнал Саша, так мечтавший когда-то о романтике и так разочаровавшийся в ней. Где он теперь, этот Саша, или, как сам он назвал себя, Саня, Шурик, Александр — все равно?

Монаховские девчата... Маляры они. В Гае их знают все. А вот одна из них, Зоя Королева.

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Он сделал все, что мог

Приключенческая повесть

Василий АРДАМАТСКИЙ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

22

Последняя глава повести

Пока шла работа над повестью, я все время помнил, что у истории, попавшей в мои руки, нет конца. Это, по правде сказать, мешало работать. Я утешал себя такой мыслью: как бы читатель ни хотел узнать, что в конце концов случилось с моим героем — жив он или погиб, все же главное и самое интересное не это, а то, что́ он сделал во время войны, какие подвиги совершил, какие приключения пережил. Утешение это было слабым, и в течение года, пока писалась повесть, я не раз предпринимал шаги, чтобы выяснить дальнейшую судьбу Владимира, но это ни к чему не приводило.

Да, Владимир мой словно растворился. Опытные работники, чья профессия — помогать людям искать друг друга, сказали мне, что розыск по одному только имени почти наверняка не даст результата.

Но, может, все-таки попробовать установить фамилию Владимира? Я снова пересмотрел все его записи и составил «перечень зацепок», которые могли потянуть за собой какие-то новые сведения о моем герое. Такая, например, «зацепка»: Владимир учился в каком-то столичном экономическом институте. В институте его должен знать упомянутый в начале дневника профессор или преподаватель Сергей Емельянович Радецкий (или Ратецкий, или Разецкий, третья буква в этой фамилии автором дневника выписана небрежно). В том же институте должен быть и профессор, которого Владимир в дневнике ласкательно называет Боголепычем. Начинаю поиск по этой «зацепке». Обращаюсь за помощью к директору Московского государственного экономического института. Нет, в этом институте таких профессоров или преподавателей не было. Но раз уж такое дело, он попробует выяснить, что можно, в Министерстве высшего образования. Но и это ничего не дало.

Связываюсь с Московским экономико-статистическим институтом. Результат тот же. Только в институте экономики Академии наук мне сказали, что фигурирующий в дневнике Боголепыч мог быть членом-корреспондентом Академии наук Боголеповым, но он умер в 1945 году. Словом, «зацепка» оказалась бесполезной.

Один из старейших сотрудников Всесоюзной справочной службы, за свою жизнь разгадавший тысячи ребусов с адресами и пропавшими людьми, утешая меня, сказал:

— Вы должны учитывать, что все учреждения, вместе взятые, знают о людях очень многое, но далеко не все. Все знают только сами люди.

Тогда я расценил это его изречение как фразу, не лишенную афористичности.

После этого не прошло и двух месяцев, как я убедился, что это не фраза, а совершенно точная формула, продиктованная опытом жизни.

Шла обычная читательская конференция в библиотеке. Я делился своими впечатлениями о Венском фестивале молодежи, а потом рассказал о работе над этой повестью и пожаловался на трудности, возникшие в связи с выяснением судьбы героя. Говорю и вижу, что один из читателей, пожилой, сильно поседевший мужчина, слушает меня не так, как остальные. Не то он волнуется, не то нервничает, не то злится. Потом он торопливо вынул из кармана блокнот, вырвал из него листок, что-то написал на нем и отправил по рукам к моему столу. Я прочитал записку. «Не уходите после выступления. Надо поговорить». Подпись неразборчива.

Теперь начал волноваться я.

Когда конференция закончилась, ко мне подошел тот пожилой человек.

— Кажется, я могу вам помочь в поисках вашего героя,— говорит он с места в карьер.

Я молчу и смотрю на него почти со страхом. Вдруг все, что происходит, окажется сном и этот человек сейчас исчезнет.

— Я знаю Володю и знал его семью. Судя по вашему рассказу, речь идет именно о них,— продолжает вполне земным голосом пожилой человек.

Сознание автоматически отмечает своеобразное построение его фразы, и я тоже почти автоматически спрашиваю:

— Почему его вы знаете, а семью знали?

— Дело в том, что отец Владимира погиб в начале войны, а мать умерла три года назад.

— А он где? — с трудом произношу вопрос.

— Здесь, в Москве.

— Где?!

Пожилой человек улыбнулся.

— Я не взял с собой записной книжки, но у меня есть его служебный и домашний телефон. Если хотите, пойдемте ко мне, я живу совсем рядом.

И вот я сижу в уютной комнате старого московского дома. Громадный письменный стол на львиных лапах завален книгами и бумагами. Похожий на тирольскую шляпу металлический абажур отбрасывает на стол прямоугольник яркого света. Я уже знаю, что хозяина комнаты зовут Родион Ильич, что он пенсионер, а до недавнего времени в течение почти четверти века — учитель истории и директор школы, в которой учился Владимир. Да, мы уже точно установили, что он знает именно моего героя.

— Володя был, как иногда любят говорить педагоги, гордостью школы,—рассказывает Родион Ильич.— В девятом классе он стал победителем общегородской математической олимпиады. И вообще это был мальчик талантливый. На вечерах он очень хорошо читал стихи. Его рисунки всегда выделялись на школьных выставках. Он уже тогда в совершенстве владел немецким языком и знал английский. Ну, а через него я, естественно, был знаком и с его родителями. Отец его историк — знаток средневековья. Мать тоже высокоинтеллигентная женщина. Она знала языки, хорошо играла на рояле. Но, правда, все эти ее качества оставались без применения, она свою жизнь посвятила семье...

Родион Ильич помолчал, качая головой.

— До сих пор не могу привыкнуть к мысли, что этой семьи не стало. Спустя недели три после начала войны стало ясно, что с Володей в Литве случилась беда. Во всяком случае, о нем не было никаких сведений. Отец пошел записываться в ополчение. Его не взяли. Тогда он без всякого оформления сам отправился на фронт. Я его видел накануне. Он сказал мне: «Само средневековье топчет нашу жизнь. Не могу». И он ушел. Именно ушел. И где-то под Вязьмой попал под бомбежку, был тяжело ранен и скончался.

Я должен предупредить вас. Вам нужно тщательно продумать свой разговор с Владимиром Евгеньевичем. Характер у него нелегкий. Он очень тяжело перенес утрату родителей, особенно отца. Работает он сейчас на каком-то большом заводе, кажется, он там главный инженер. Скажу вам откровенно, по первому движению души я написал вам записку, а потом об этом пожалел. Я все думаю: могу ли я взять на себя, так сказать, посредничество в вашем знакомстве с ним? В общем, я бы предпочел, чтобы вы это сделали без всяких ссылок на меня.

Я обещал Родиону Ильичу подумать...

И вот в восемь часов вечера я набираю номер телефона Владимира. Протяжный гудок. Еще гудок. Еще. Трубка снята.

— Да.

— Владимир Евгеньевич?

— Да.

Я представляюсь и говорю, что мне крайне нужно с ним повидаться. Он долго не отвечает, потом спрашивает:

— Может быть, вы скажете, в чем дело?

Я отвечаю, что мне не хотелось бы говорить об этом по телефону.

Снова долгое молчание. Потом он говорит сухо и немного раздраженно:

— Позвоните в воскресенье в двенадцать часов.

Короткие гудки. А я все еще прижимаю трубку к уху. От волнения у меня взмок лоб.

До воскресенья три дня. Ничего не могу делать. Все думаю, как я буду с ним разговаривать. В воскресенье ровно в двенадцать звоню.

Снова слышу его голос:

— Вы можете приехать сейчас?

— Конечно. Я буду у вас через пять минут.

Старый московский дом. Вход со двора. Поднимаюсь на третий этаж. Сердце колотится так, будто взбежал на двадцатый. Нажимаю кнопку звонка.

Дверь открывает он. Он! Я так в этом уверен, будто видел его раньше. Рост выше среднего. Красивое строгое лицо. На висках густая седина. Когда я снимал пальто, он демонстративно посмотрел на часы.

— Проходите сюда.

Мы вошли в комнату, которая раньше, очевидно, была отцовской. На полках книги по истории на разных языках, словари, энциклопедии. Над письменным столом большой фотопортрет женщины, очень похожей на Владимира. Наверное, это его мать в молодости.

Владимир Евгеньевич сел в кресло у стола, а я — в кресло в углу комнаты.

— По правде сказать, я недоумеваю: зачем я вам понадобился? — сказал он.

Решаю сразу идти напролом.

— Дело в том, Владимир Евгеньевич, что у меня находятся ваши дневники военного времени.

ОКОНЧАНИЕ. СМ. «ОГОНЕК» №№ 19, 20, 21, 22, 23, 24 и 25.

Он как-то пригнулся и сделал движение ко мне, но тут же откинулся на спинку кресла и, смотря мимо меня, спросил:

— Вы хотите мне их вернуть?

— Дневники я могу вам вернуть. Но на основании этих материалов я написал повесть.

Быстрым движением он переставил на столе тяжелую хрустальную пепельницу.

— Я протестую! Самым категорическим образом! — Он смотрел на меня гневно и в то же время встревоженно.— То, что в дневниках, писалось для себя, а не для публичного чтения. Каким образом они попали к вам?

— В этом виноваты вы сами.

Он пожал плечами.

— Отдавая сверток Ольге Михайловне Никишиной, вы разве не сказали ей, что если вы за ним не придете, она может поступить с ним по своему усмотрению.

— Я не помню этого! — сказал он решительно, но, помолчав, добавил:— Я мог сказать это, думая, что не останусь в живых. Но я жив, и свертком могу распоряжаться только я и никто другой. В общем, исходя из элементарной порядочности, вы просто обязаны вернуть мне дневники.

— А как вы, Владимир Евгеньевич, распорядитесь в отношении повести? — Я тоже начинал злиться.

Наступило долгое молчание, после которого он сказал:

— Это уже дело вашей совести.

— Я не стал бы работать над вашим дневником, не стал бы разыскивать по стране людей, знавших вас, не стал бы искать и вас самого, если бы совесть не говорила мне, что книга, над которой я работаю, будет полезна читателю.

— Чем? — быстро спросил он.

— Книга расскажет читателю, как из не подготовленного к большим испытаниям молодого человека формировался смелый боец за народное дело.

Владимир Евгеньевич неестественно рассмеялся.

— Вы наивный человек, если думаете воздействовать на меня подобной лестью. Если вы читали мои записи с минимумом внимательности, вы должны были усвоить, что жизнь все время учила меня скромности, а вы теперь дешевой лестью хотите пробудить во мне то, что я считал и считаю бедой своей юности. Неужели это вам непонятно? Наконец, в моих дневниках есть такое, чего не должен знать другой человек. Вы же, надеюсь, не позволяете себе вскрывать чужие письма?

— Нет, не позволяю. Но, во-первых, я дневник использую далеко не полностью. Во-вторых, я ваши дневники обработал в литературном отношении, что позволило и устранить многие неловкости и сделать дневники более интересными для чтения.

— Могу ли я прочитать то, что вы написали? — спросил он.

— Конечно. Я именно об этом хотел просить вас.— Я расстегнул портфель и положил на стол рукопись.

Владимир Евгеньевич показал на портфель.

— Дневники здесь?

— Нет. Они дома.

— Предосторожность? — усмехнулся он.

— Нет, я просто не думал, что наша встреча будет такой. Но вы не беспокойтесь, я их вам верну. И смею вас заверить, что ваши записи, кроме меня, не читал никто.

— Какой срок вы даете мне на чтение рукописи?

— Я уверен, что вы прочтете ее еще сегодня. Я просто ставлю себя на ваше место и думаю, что поступил бы именно так: прочел бы рукопись сегодня.

Наш разговор начал входить в более или менее спокойное русло.

— Владимир Евгеньевич, можно вам задать несколько вопросов?

— Попробуйте...

— Как сложилась ваша военная судьба после того, как вы отдали сверток Ольге Михайловне Никишиной?

— Все было более чем просто и менее чем интересно. Пробравшись через линию фронта, я стал солдатом и в этом высоком звании закончил войну в Берлине.

— А нельзя подробнее? Ведь читатели повести захотят узнать об этом. Они замучают меня письмами.

Владимир Евгеньевич пожал плечами.

— Это уже заботы ваши.

— Еще один вопрос. Если вы так щепетильно относитесь к своим записям, почему вы не съездили в Литву и не забрали там свой сверток? Во всяком случае, Ольга Михайловна делала все, чтобы там, в Литве, знали, где он находится.

— Я был уверен, что все это давно не существует. И я настолько захвачен работой на заводе, что некогда ворошить прошлое.

— Последний вопрос. Если не захотите, можете на него не отвечать. Ваши отношения с Маритэ Давидайтис?

Владимир Евгеньевич мгновенно рассердился:

— Вам для сюжета нужно, чтобы я женился на ней? В нашем роду мужчины женились не по сюжету, а по любви. А вы что же, то, что в дневниках, так сказать, переработали в любовь?

— Ни в коем случае. Но я побывал у Маритэ. Она человек вам не посторонний. В трудную минуту очень помогла вам. И даже не знает, живы ли вы.

И вдруг лицо у Владимира Евгеньевича стало задумчивым и грустным.

— Да. Тут, пожалуй, вы правы,— тихо произнес он.— Я должен был написать ей.

— Вы можете это сделать и сейчас. У меня есть ее адрес.

— Вы что, по совместительству еще и сваха? — На лице Владимира Евгеньевича первый раз улыбка была незлой. Он встал.— Я обещаю вам прочитать рукопись. Дайте мне ваш телефон. Когда я прочитаю, позвоню.

На том наша встреча и кончилась.

Он позвонил спустя двенадцать дней. Выдержал характер и в этом.

Я снова пришел к нему. Теперь он держался иначе. Был деловито тороплив. Пододвинув ко мне рукопись, он сказал:

— Прочитал. Там на полях есть мои замечания, претензии, просьбы. Дело вашей совести посчитаться с ними или ими пренебречь. Делайте с вашей рукописью что хотите, но одно абсолютно категорическое условие: моя фамилия в ней фигурировать не должна. Смею надеяться на вашу порядочность. Вот так.

Вдруг он решительным движением открыл ящик письменного стола, вынул из него блокнот большого формата. Прикрыв его рукой, он еще раз посмотрел на меня и сказал:

— Боюсь, однако, что вы не поймете меня правильно.

Я улыбнулся и сказал:

— Постараюсь быть максимально сообразительным.

— Я хочу дать вам свой последний дневник. Речь не обо мне. Все эти дни я думал о вашей повести, представлял себе, как ее будут читать, что о ней будут думать, вернее, что будут думать о герое и его судьбе. И вот это последнее и привело меня к решению отдать вам дневник. Здесь все-таки есть кое-что, объясняющее читателю мое поведение. Этот дневник я начал писать в госпитале на окраине Берлина. Закончил в Москве. В нем есть то, что вас интересовало,— конец войны. Но есть и другое: мои мысли о себе. Пригодится — хорошо, а нет — так вернете мне вместе с другими моими записями.

23

Итак, читаем последнюю часть дневников Владимира.

«Война окончена. Лежу в госпитале уже двадцать четвертый день. Казалось бы, пустяковая рана, а такая коварная: не заживает, и все. Врачи говорят, будто это оттого, что я нервничаю. Нервы! Какие к черту нервы, когда у меня горит душа и костенеет мозг от мысли, что мой милый батя, всю свою жизнь изучавший средневековье, взял в руки оружие и пошел сражаться с ожившим средневековьем. И погиб. Мама пишет, что в дни перед уходом на фронт он говорил обо мне. «Я верю,— говорил он,— что наш мальчик окажется достойным своей Отчизны. Но я не могу сидеть в тылу, зная, что наш мальчик там, где средневековье, одевшееся в мундир фашизма, огнем и мечом терзает нашу родную землю и убивает наших людей».

Милый мой батя! Родной мой! Я старался оправдать твое доверие, старался как мог, как умел. А воевать ведь тоже надо уметь. Этому надо учиться. Я учился уже на войне. Теперь перед твоей памятью, милый мой батя, я снова и снова требовательно просматриваю всю свою военную пору. Конечно, многое, приведись мне это сделать теперь, я сделал бы лучше, умнее. Особенно отчетливо я понял это в последний период моей военной жизни. Хочу в нем отчитаться и перед собой. Это уже стало привычкой...

Итак, я оказался в районе литовского приморского курорта. Фронт был очень близко. В одну из ночей мне показалось, что он рядом. По шоссе валом валили отступающие гитлеровцы. Это было радостное и вместе с тем фантастическое зрелище. В темноте только на мгновение включались подфарники или засиненные фары. В лязге, грохоте и гуле, в бензиновой вони по шоссе двигались вперемешку танки, легковые машины, грузовики, штабные автофургоны и пешие солдаты. Иногда вдруг создавалась пробка, и поток останавливался. Слышалась страшная брань, остервенелые выкрики приказов — и движение возобновлялось. А стоявший вокруг лес уже озаряли зарницы фронта, и далекое его громыхание становилось все ближе. У меня было два автомата с запасными обоймами к ним и пять немецких гранат. Все это оружие я минувшей ночью взял в бою, напав на отставших от строя трех гитлеровцев.

И вот я сижу в кустарнике в десяти шагах от шоссе, по которому движется поток вражеских войск, и лихорадочно обдумываю, что мне делать. Первый позыв — швырнуть туда гранаты, а затем пустить в ход автоматы. Конечно, я нанесу врагу значительный урон, может быть, даже на какое-то время задержу движение. А дальше что? Врагов-то тысячи и тысячи. Они, конечно, быстро разберутся, что я один, и тогда мне конец. А как не хотелось погибать теперь, когда свои рядом! Я всячески отодвигал решение, успокаивая свою совесть примитивным объяснением, что действовать надо начать попозже, когда фронт будет еще ближе и когда мой маленький удар по врагу как бы сольется с могучим ударом наших войск. «А как ты определишь этот срок?» — спрашивала совесть. «Очень просто,— отвечал я.— Когда фронт будет совсем близко, это будет понятно ребенку». Совесть спрашивала: «А что если к тому времени перед тобой не будет уже этого скопища врагов, так как они успеют удрать дальше на запад?» На этом я разговор с совестью обрывал и снова начинал мучительно и лихорадочно думать, что делать.

Посмотрел на часы. Начинался второй час ночи. И вдруг мне показалось, будто громыхание фронта умолкло. И именно это подействовало на меня, как приказ. Словно фронт умолк специально, чтобы прислушаться, как я тут действую. Меня охватило какое-то безудержное и бесшабашное ощущение, в ушах у меня кричало: «Действуй! Действуй!»

Я раздвинул кусты, пригляделся к мешанине на шоссе, метнул туда одну за другой все мои пять гранат и прижался к земле. Взрывы, казалось, встряхнули дремучий лес. А там, на шоссе, возникло невообразимое. Кто-то в панике зажег яркие фары, и в их лучах я увидел форменное светопреставление: опрокинутые машины, среди них мечутся люди, два танка, скидывая в кювет автомашины, давя людей, прорываются вперед. Я взялся за автомат. Две обоймы первого автомата я выпустил безнаказанно. Паника на шоссе разыгралась еще больше. Меня даже рассмешило, как какой-то гитлеровец вопил без конца одно слово: «Мешок! Мешок! Мешок!» Но когда пошел в дело второй автомат, начали раздаваться и ответные выстрелы. Вокруг меня защелкали по сучьям пули. Затем я услышал за спиной лязг гусениц и треск ломаемых деревьев. Параллельно шоссе по лесу, точно обезумевший слон, проламывался танк. Он на ходу стрелял из орудий и пулеметов, но бил вслепую. Я прижался к земле, а когда танк прошел, побежал на восток, все больше углубляясь в лес.

Я бежал, наверное, часа два, не чувствуя ни

малейшей усталости. Изредка останавливался и слушал. Со стороны шоссе все еще доносилась страшная стрельба, но вскоре я ее уже не слышал. Тихо было и впереди. Где же фронт? Я взял немного левее, чтобы снова приблизиться к шоссе.

Начало светать. Я выбрал глубокую лесную лощину и на ее дне схоронился в густых кустах орешника. Приподнятое, бесшабашное настроение прошло, вместо него появилось успокаивающее сознание, что я все-таки сделал то, что мог сделать.

Но что будет дальше?

Когда день уже занялся вовсю, я сперва услышал приближавшиеся ко мне осторожные шаги, а затем и голоса. Никогда не забуду этих первых услышанных мною русских слов. Говорили двое: один — по-московски, а другой — окая.

— Ты махорку получил? — спросил окающий.

— Поменял на папиросы,— ответил другой.

— На, держи. Закурим для порядка.

Они остановились в нескольких шагах от меня, но я их не видел. Сердце мое билось в ребра, как ошалелое.

— Я куреннем занялся только на фронте,— сказал окающий.

— Наука нехитрая,—отозвался другой.— Меня батька бил за это еще в школьные годы.

Я раздвинул ветви орешника и теперь увидел их. Это были наши, советские солдаты. Они настороженно смотрели в мою сторону.

— Слышал? — тихо спросил один.

— Ветер,— так же тихо отозвался другой.

Не понимая, что я рискую нарваться на автоматную очередь, я начал вылезать из своей берлоги.

— Товарищи, товарищи!— бормотал я, от волнения не в силах произнести это слово громче.

Солдаты, направив на меня автоматы, пристально следили за каждым моим движением.

— Брось оружие! — тихо, но властно приказал окающий.

Я бросил.

— Руки вверх!

Я сделал и это. Окающий подошел ко мне, а другой остался на месте, держа меня на прицеле. Окающий быстро обшарил меня руками и, заглянув мне в глаза, спросил:

— Кто таков?

— Свой.

— Что значит «свой»?

Ну что я должен был им ответить? Не мог же я начать рассказывать свою биографию! И тут со мной произошло непонятное. Я заплакал. Подошел другой солдат. Они стояли и молча смотрели, как я плачу, до крови кусая себе губы.

— Что же с ним делать? — растерянно спросил окающий у товарища. Тот помолчал и сказал:

— Может, подойдет Лешка Масленников.

— А если не подойдет? Мы же с тобой на боевом задании.

Но Лешка Масленников подошел. Это оказался толстенький и румяный, как колобок, солдат. К спине его была прикреплена рация.

— Лешка, живей вызывай хозяйство! — приказал окающий.— Скажи, задержали неизвестного с оружием, говорит, что свой, но не поясняет. Спроси, что с ним делать.

— Резеда, Резеда, я Перелесок,— весело затараторил Колобок в микрофон. И потом с раскатом на букве «р» произнес:— Прррием.— Прижав наушник рукой, он слушал ответ, выпучив веселые серые глаза.

Потом опять заговорил в микрофон, передал то, что сказал ему окающий, и снова:

— Прррием.

Потом, выслушав ответ, он снял наушники и сказал:

— Приказано Полякову доставить его в штаб.

Приказ касался окающего солдата.

— Пошли! — сказал он мне с недовольным лицом и рукой показал, чтобы я шел впереди.

Молча мы шли по лесу километра два. За это время он только спросил, откуда я взялся.

Я ответил, что иду к своим через фронт из тыла.

— Ясно,— сказал он.

И на этом разговор кончился.

Вскоре мы вышли на поляну, где стоял добротный кирпичный дом, к окнам которого тянулись телефонные провода. Возле дома стояла автомашина — наша родная, видавшая виды «эмка». Рядом с машиной мирно беседовала группа солдат. Поляков сказал что-то стоявшему у дверей часовому, и тот скрылся за дверью. Через минуту он вернулся и крикнул:

— Веди его сюда.

Меня ввели в просторную горницу, в которой находились два офицера. Я смотрел на них, как завороженный, еле подавляя снова подступавшие слезы. Мой конвойный кратко доложил, где меня взяли. Ему приказали вернуться к оставленным в лесу товарищам. Он лихо стукнул каблуками, рывком повернулся и ушел.

— Расскажите, кто вы и что делали в этом районе? — устало спросил сидевший за столом офицер с наголо побритой головой.

Я начал рассказывать и начал, как говорится, от самой печки. Офицеры слушали меня терпеливо, не перебивая, изредка переглядывались. Когда я стал рассказывать, как первый раз попал к партизанам и что там со мной произошло, офицеры перебросились тихими фразами, и один из них вышел из дома.

— Погодите! — прервал мой рассказ другой.

Я замолчал.

— Мы вас сейчас доставим к одному майору. Вы все это должны ему рассказать.

В сопровождении уже другого конвойного меня повезли на «эмке». Дорога была недолгой, минут через десять мы въехали в большой, сильно разбитый курортный поселок и остановились возле здания с вывеской «Аптека». Здесь помещался какой-то, видимо, уже большой штаб.

Меня тотчас ввели в комнату, где за столом сидел спиной к окну и оттого плохо видимый мне широкоплечий офицер.

— Владимир? Не может быть? — услышал я и чуть не упал. У меня перед глазами все кругом пошло. Это был Иван Иванович. Тот самый Иван Иванович, вместе с которым мы шли тогда в Вильнюс.

Я уже не могу припомнить в точности, что мы говорили в эти первые минуты нашей встречи. Я снова плакал, а Иван Иванович отпаивал меня водой и смеялся, приговаривая:

— Ну и чудак же, чего реветь? Поздно реветь, все уже в порядке.

Немного успокоившись, я начал рассказывать ему о своих приключениях. Иногда он задавал вопросы, и я отвечал ему, ничего не тая. О себе Иван Иванович сказал более чем кратко. Почти две недели он был в руках гестапо, а потом с помощью подпольщиков ему удалось бежать. И все.

Потом снова речь пошла обо мне. Иван Иванович взялся помочь мне уехать в Москву, но я даже обиделся: не для того я, рискуя жизнью, рвался к своим, чтобы удрать подальше от войны. Тогда Иван Иванович сказал, что раз у меня нет офицерского звания, мне придется воевать рядовым солдатом. Но я ни о чем другом и не мечтал.

К следующему утру я уже был солдатом по всей форме. Меня включили в подразделение разведчиков дивизии. Тут снова началось наше наступление. И первый его рывок был таким стремительным, что я даже не заметил, как мы проскочили местечко, где я оставил свой сверток. А теперь я о нем и не думаю. К чему он мне? Не собираюсь же я хвастаться своими приключениями, когда вокруг меня кого ни возьми — настоящие герои и труженики войны! Вообще, когда я попал в среду военных разведчиков и получше узнал их, все совершенное мной сильно померкло в моих глазах. Какие это ребята!

Вот Леша Масленников, тот самый Колобок с рацией, который первый сообщил в «хозяйство» о моем задержании в лесу. У него два ордена Красной Звезды. Однажды он почти сутки пробыл в осенней, холодной воде, ведя наблюдение за вражеским аэродромом, расположенным на берегу озера. В другой раз он со своей рацией сидел на чердаке ветряной мельницы и корректировал огонь нашей артиллерии. Мельница загорелась. Он продолжал работать до последней возможности. У него руки все в следах ожогов. «Это оттого,— говорит он,— что через огонь пришлось пробиваться с чертовой рацией в руках. Без нее я бы проскочил, как миленький».

А Федя Сапетов. Я мылся с ним в бане. Гляжу, у него все тело в рубцах. Оказывается, он в начале войны служил возле границы и уже на третий день войны, раненный, попал в плен. Сидел в концлагерях, бежал и воевал вместе с польскими партизанами. Попал в руки гестапо и перенес там тяжкие пытки. Снова бежал, добрался до Белоруссии, пробился к своим и вот воюет как ни в чем не бывало. Он рассказал мне о себе так же кратко, как я тут написал, и прибавил:

— Да ничего интересного не было, на войне, как на войне.

И весь разговор...

А Сережа Пронин! Донбасский шахтер, наш неутомимый шутник и весельчак, автор всех прозвищ. Он награжден орденом Красного Знамени. Однажды он пошел в свободный ночной поиск «за языком». На дороге он напоролся на легковую автомашину. Возле нее на диком морозе хлопотали три гитлеровца. Один, видно, важная птица, покрикивал, чтобы торопились с ремонтом. Тогда Сережа двоих ликвидировал, а важного взял живьем. Это оказался штабной полковник. Но сам Сережа в перестрелке был ранен в ногу. Это не помешало ему, как он говорит, «стреножить полковника» и потом тащить его почти пять километров. Действительно, кого из моих новых товарищей ни возьми,— настоящие герои. Что я в сравнении с ними? Я в тылу имел целые месяцы каникул. А ведь они все шли на смерть каждый час, каждый день, и это длилось месяцы и годы.

В свою среду они приняли меня запросто и душевно. А какие все они верные, славные товарищи в бою! Я уже имел возможность убедиться в этом не один раз. Под Кенигсбергом мне спас жизнь лейтенант Крупин, он пришел мне на помощь, когда я, казалось, уже ни на что надеяться не мог.

В том же бою погиб Миша Долгушин. Разведывая вражеские огневые точки, он напоролся на пулеметное гнездо, а сзади шли его товарищи, по которым этот пулемет открыл огонь. Тогда Миша недолго думая закрыл собой амбразуру, повторив подвиг Александра Матросова. Говорят, ему тоже посмертно дадут Героя. Сделал ли бы я то, что сделал он? Не знаю. Не знаю...

Теперь расскажу о последнем бое, в котором меня ранило.

Берлин горел и рушился от могучих ударов нашей артиллерии и авиации. Но враг еще сопротивлялся и делал это с яростью обреченного. Большой урон он наносил нам при помощи фаустпатронов. Мое подразделение получило приказ пробраться вперед и вести очистку домов от фаустпатронщиков.

Перед самым рассветом мы начали очистку большого дома, который углом выходил на широкую площадь. Расположение дома было очень выгодным для фаустпатронщиков. Одного мы с Лешей Масленниковым прихватили еще на лестничной клетке. Он оказался майором войск СС. Потом мы все разделились по этажам. Мне, Леше и сержанту Коле Архипову достался третий этаж. Мы осторожно прочесывали комнату за комнатой. Ворвались в огромную комнату, и я на немецком языке скомандовал:

— Сопротивление бесполезно! Оружие на пол!

Немая картина. Гитлеровцев здесь не меньше двадцати: возле каждого окна по двое. Замечаю, что один из них осторожно тянет руку к лежащей на столе гранате. Ждать больше нельзя, и мы открываем огонь. Косим их длинными очередями. Через минуту здесь полный порядок. Но раздается стрельба в коридоре. Это выскочили гитлеровцы из соседних комнат.

Коля Архипов быстро закрыл дверь, а мы с Лешей придвинули к ней два стола. Гитлеровцы из коридора начали стрелять сквозь дверь. На огонь отвечаем огнем и тоже через дверь. Но тут произошло новое осложнение. Оказалось, что в нашей комнате не все гитлеровцы были убиты. Один из раненых выстрелил из фаустпатрона. И сразу комнату затопило оранжевое пламя. Даже ворвавшиеся из коридора гитлеровцы оторопели. Коля Архипов оценил обстановку и скомандовал:

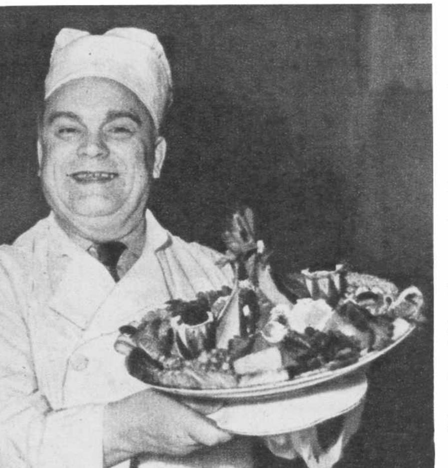
Кулинары поверяют свои секреты

— Это наш фирменный салат. Красив? Уверяю вас, что и на вкус неплох. Сделайте сами и убедитесь. Правда, он несколько дороговат, но для праздника, именин, свадьбы приходится потратиться. Зато уж гости будут довольны и, несомненно, не забудут произнести тост и во славу вашего кулинарного искусства.

Здесь мы даем маленькую порцию, ну, а для гостей вы соответственно ее увеличите.

Итак, приготовьте следующие продукты: картофель 55 г, огурцы соленые 30 г, огурцы свежие 15 г, салат зеленый 25 г, осетрина 140 г, икра черная или красная 15 г (можно ту и другую), лососина или другая соленая рыба 20 г, помидоры свежие 25 г, майонез 50 г, сметана 10 г, соус «Южный» 5 г, горчица 1 г, масло сливочное 5 г.

Теперь картофель, огурцы, салат и часть рыбы нарежьте, майонез смешайте со сметаной, горчицей и «Южным соусом» и заправьте этим приготовленные продукты. Положите все это горкой в салатник и украсьте салатом, икрой, помидорами, рыбой. Хорошо из сливочного масла сделать цветы, а в середину их положить икру.

Козырев Николай Тихонович, шеф-повар ресторана «Советский».
Фото Р. Лихач.

Загляните в платяной шкаф

Хозяйкам обычно кажется, что их платяной шкаф со временем становится все менее вместительным. Беда эта поправима! Только заняться этим делом должна вся семья. Мужчины пусть постолярничают, а уборку женщины возьмут на себя.

Заготовьте обрезки досок толщиной в 10 мм, обыкновенную проволоку сечением в 3 мм и фанеру.

Глубина платяного шкафа примерно 60 см, поэтому вешалки, полки, которые мы предлагаем вам сделать самим, должны быть мелкие, иначе шкаф не будет закрываться.

На рисунке показано, как эти предметы лучше разместить на дверцах шкафа.

Полку для обуви, вешалку для брюк и юбок и лоток для мелких предметов сделайте из фанеры и досок. Все детали скрепляйте столярным клеем и шурупами. Для навески на дверцы шкафа деревянных предметов прикрепите к ним жестяные петли — их можно вырезать из любой консервной банки.

Вешалки для домашнего платья и для галстуков легко сделать из проволоки. Крючки лучше припаять к основе. Но если у вас нет паяльника, на концах основы сделайте проволочные скобки с заостренными концами. Они прикрепят вешалку к дверце и не дадут соскользнуть крючкам.

Вешалка для галстука прикрепляется к створке своими заостренными концами. Только вбивайте осторожно и неглубоко.

Все сделанные предметы тщательно зачистите напильником, металлической и стеклянной шкуркой, чтобы не было заусениц, а затем дважды окрасьте светлой нитроэмалью.

В. РЫБИЦКИЙ,
архитектор.

Лето—в квартиры!

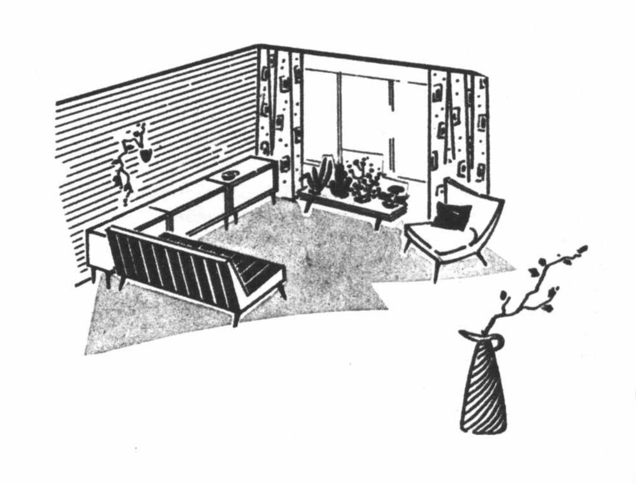
Как сделать свои комнаты летними?

Прежде всего снимите и уберите ковры и тяжелые портьеры. Мягкую мебель накройте легкими декоративными чехлами. На тахту сшейте покрывало, только простое, без рюшей (в оборках быстро скапливается пыль). На окна повесьте веселые, пестрые занавески, вечером их можно задернуть. Если ткань мебельных чехлов одноцветная или в мелкий рисунок, то для оконных занавесей лучше взять материю с крупным узором, и наоборот.

Можно выбрать для штор и гладкокрашеную ткань, но ее тон должен сочетаться с пестрой расцветкой чехлов и покрывала. Если рисунок оконных занавесей выполнен в белых, синевато-зеленых, черных и желтых красках, то покрывало на диван положите синевато-зеленого цвета, а на кресло — желтый чехол. Однотонные яркие чехлы и покрывала хороши и тогда, когда оконные занавеси сшиты из ткани в крупный рисунок спокойных тонов, например белый с серым.

Не забудьте и о цветах: они очень украсят комнату, только не увлекайтесь большими пестрыми букетами. Лучше маленькие в различных уголках комнаты.

Айно ПЫЛДРА,
архитектор (Эстония).

— Пробиваемся!

Я глянул на Лешу Масленникова, слышит ли он приказ, и вижу: он лежит на боку, а из-под него вытекает ручеек крови. Думать некогда. Я вскинул Лешу на плечо и под прикрытием огня Коли Архипова выбежал в коридор. Потом мы вместе побежали по коридору. Сзади стрельба. Пули сшибают штукатурку, но нас почему-то милуют, и мы успеваем свернуть на лестницу. Смотрим, с верхнего этажа к нам на помощь спешит группа Сережи Пронина.

— Рота, за мной! — орет он на весь дом. А с ним-то всего-навсего три бойца.

Я посадил Лешу Масленникова на ступени лестницы, а сам обратно в коридор вслед за Прониным и его ребятами. И Коля Архипов тоже.

Драка была отчаянная. Раз пять сходились врукопашную, но бой все же выиграли мы. Но тут меня ранило...

Вот так мы и очутились в госпитале вместе с Лешей Масленниковым. Лежим рядом. Ему сделали какую-то очень тяжелую операцию, и он еще весьма слаб, даже говорить ему трудно.

— Ничего, ничего,— шепчет он, кривя лицо в улыбке.— Важно, что войне конец и что мы ее сделали как надо...

Как я счастлив, что он будет жить и что я сделал для этого все, что мог!

В день, когда я из письма мамы узнал о гибели отца, я не находил себе места. Леша видел, что у меня какое-то горе, но ничего не спрашивал. Я сказал ему сам. Он долго молчал, а потом тихо проговорил:

— Я сам из Смоленска, там у меня все погибли. Все до одного: и брат, и сестра, и маманя с отцом.

Как ни говорят, что свое горе горше чужого, я, услышав сказанное Лешей, буквально замер. Да, вот и горе мое тоже далеко не единственное на свете.

...А Москва, какой была, такой и осталась. Будто и не было войны. Она такая же милая и единственная на всей земле. Но вот с мамой беда. Она постарела сразу лет на двадцать и стала какой-то странной, отрешенной от всего. Вроде живет и не живет. Мне нужно сделать все, чтобы отогреть ее душу. Сделаю!

И сам отдыхать не буду. Нельзя останавливаться после такого разбега. Иду оформляться на завод. Инженеры очень нужны. Мне там так обрадовались, будто они всю войну ждали именно меня.

Итак, начинается новая моя жизнь, жизнь после войны. И эту жизнь надо прожить достойно. По-моему, нет ничего страшней для нас, людей войны, прийти в эту новую жизнь с расчетом, что твои военные заслуги будто бы еще не оплачены народом и ты имеешь теперь право на какое-то особое положение в жизни.

Неправильно это! Каждый наш человек во время войны сделал то, что мог, то, что обязан был сделать, и военная слава у всех у нас общая.

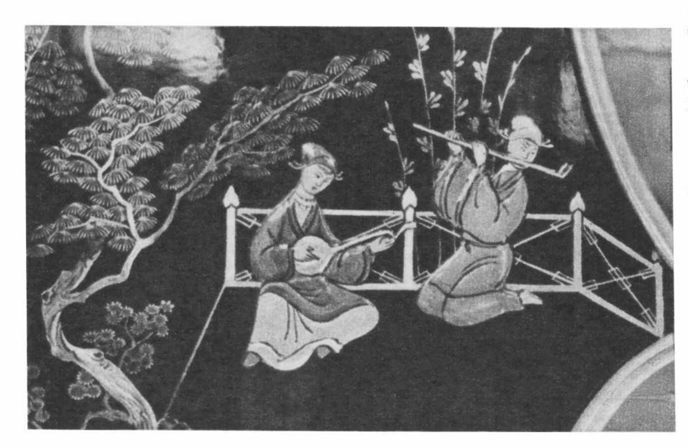
Ну, а если родина позовет на свою защиту, мы первыми встанем в строй, и с нами будет весь наш военный опыт, вся наша любовь к советской отчизне и вся наша ненависть к ее врагам. Вот с этим ясным сознанием я и буду жить».

Каждый день в семь часов утра из темных, как тоннель, каменных ворот старинного московского дома выходит высокий, чуть сутулящийся мужчина. Посмотрев на часы, он энергично шагает к станции метро «Новокузнецкая». Купив в киоске газету, он спускается на подземный перрон, садится в голубой поезд и мчится к далекой окраине Москвы. Всю дорогу он читает газету. Услышав рядом молодые голоса, он из-за газетного листа внимательно посмотрит на веселых парней и девчат, и на лице его мелькнет какая-то беспокойная улыбка: не видит ли в них он себя, того парня, который двадцать лет назад вот так же беззаботно жил, не зная, не ведая, что судьба готовила ему тяжкое испытание.

На последней станции метро он поднимается на поверхность и пересаживается в троллейбус. Газета небрежно засунута в карман, лицо сердито-сосредоточенное,— всеми своими мыслями он уже на заводе.

Владимир Евгеньевич едет на работу...

Лаковая камора и ее авторы

Одну из шести комнат своего приморского дворца в Петергофе Петр Первый приказал отделать на китайский лад. Стены были украшены 94 лаковыми панно, расписанными темперой. На блестящем черном фоне золотом, серебром и другими яркими красками художники изобразили праздник огней, рыбную ловлю, экзотические пейзажи, животных, цветы, фантастических птиц, рыб, сложные орнаменты. «Лаковую камору», или китайский кабинет, украшали и резные деревянные полочки, покрытые золотом. На них хранились редчайшие изделия из китайского и японского фарфора.

В годы Великой Отечественной войны фашисты превратили дворец Монплезир в казарму для солдат.

Возрождение лакового кабинета недавно закончено. До последнего времени авторами панно считали китайских и японских мастеров. При подготовке к восстановительным работам исследователь Петергофа Н. И. Архипов обнаружил архивные документы, которые позволили установить авторов редких произведений. Ими оказались живописцы «Адмиралтейского ведения» лакового дела подмастерья Иван Тиханов и Перфилий Федоров с десятью товарищами. Мастера-палешане трудились над оформлением кабинета «лаковою китайскою работаю письмом и золочением» с июля 1720 года по февраль 1722 года.

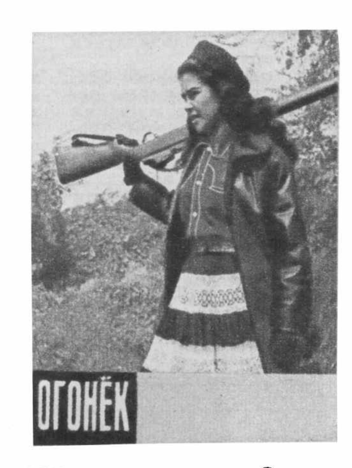
Спустя почти два с половиной века за работу взялись их потомки. Свыше двух лет трудилась группа живописцев села Палех под руководством заслуженного деятеля искусств РСФСР Н. М. Зиновьева. Девяносто четыре лаковых панно и 136 резных золоченых полочек заняли свои места в отстроенной «каморе».

Мих. ФРИДМАН

Фото З. Гуриненко.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Специальный корреспондент журнала «Огонек» Генрих Боровик побывал на Кубе. Он совершил путешествие по этой замечательной стране, пройдя по дорогам ее революции. Со следующего номера нашего журнала мы начинаем печатать документальную повесть Генриха Боровика «Как это было на Кубе».

Короткие сказки

Р. БАУМВОЛЬ

Оторвал пряжку

— Знай мою доброту: дарю тебе драгоценный кушак,— сказала лиса медведю и дала ему живую змею.

— Ну что, доволен ты своей обновой?— спросила она, встретив медведя через некоторое время.

— Что и говорить, нарядный кушак! — ответил мишка.— Только вот пряжка впивалась в тело, мне пришлось ее оторвать. Теперь я завязываю кушак узлом. Так оно лучше.

Барсук и нора

Однажды барсук, разгребая лапками валежник, нашел покинутую нору. Он хотел в нее забраться, а норе не хотелось его пускать, и она сказала:

— Нечего лезть сюда! Здесь пусто, темно и холодно.

Но барсук раздвинул ветки, заслонявшие вход, и сказал:

— Теперь уже не темно.

Потом он влез в нору и заметил:

— Теперь уже не пусто.

И, полежав немного, добавил:

— И не холодно тоже.

РАЗНОСЧИК РАДОСТЕЙ

На улицах Пекина я наблюдал несколько раз такую сцену. Толпа детей окружала плотным кольцом человека с крошечными соломенными корзинками, привязанными к шесту. Из центра толпы неслись звонкие металлические звуки цикад. Лица ребят светились радостью. Некоторые счастливцы уже держали в руках коробочки. Они подносили их к уху и кормили «певцов» арбузной мякотью. Мальчишки так облепили продавца, что мне никак не удавалось его заснять.

Однажды утром я увидел разносчика в тот момент, когда он выходил на улицу со своей «поющей» ношей. Он стоял веселый, улыбающийся, а к нему уже мчались ребятишки.

С. ГЛАДКИХ

БОЛЬНОЙ МАРКАМИ

Полвека назад в газете «Пятигорское эхо» была напечатана курьезная заметка «Маньяк»:

«7-го января на станцию Ессентукскую прибыл помощник начальника жандармского управления подполковник Лупаков для розыска некоего Томилина и производства у него обыска. Томилин несколько времени тому назад написал письмо в Японский национальный банк, предлагая принять на хранение 200 тысяч рублей, о чем в результате последовал запрос Японского банка через русское правительство, и последнее приняло меры к обнаружению личности и расследованию данного вопроса.

При содействии местной полиции Томилин в скором времени был разыскан и оказался приказчиком мануфактурного магазина, получающим в год 200 рублей жалованья. Приступили к обыску. Обыск ничего подозрительного не обнаружил, кроме массы разных писем делового характера, как от фирм и учреждений России, так и из-за границы, и двух книжек с наклеенными в них почтовыми марками разных стран мира, которые, как заявил Томилин, он собирает для коллекции, и при опросе сознался, что действительно написал запрос в Японский банк, но денег никаких не имеет, а просто написал, чтобы получить какой-либо ответ с японской маркой. В подтверждение своего заявления Томилин между массою писем отыскал и показал жандармскому подполковнику ответные письма на такой же запрос от румынского и других банков, куда он тоже писал ради марок. Убедившись в справедливости показаний Томилина, г. Лупаков признал его «больным марками» и, ограничившись составлением протокола, оставил его на свободе».

М. МИЛЬКИН

День рождения Архимеда

Вряд ли академик Лев Давыдович Ландау предполагал когда-нибудь встретиться с Архимедом и Рентгеном. Однако это случилось на большом празднике «Дня рождения Архимеда», устроенном студентами-физиками МГУ. Вместе со своими «коллегами» Ландау совершил на голубом электрокаре круг почета вокруг физического факультета.

Пять фанфар возвестили о начале праздника, и из огромного, величиной с парадную дверь тома «Основ физики» вышел Архимед, он же студент физического факультета Саша Логинов. «Так чего же достигли вы, потомки? Отвечайте!» — сказал Архимед. И физики стали держать ответ. Один за другим подходили к Архимеду Галилей, Ньютон, Торичелли, Лебедев, Рентген, Попов, Эйнштейн. А затем и «люди будущего» — отважные космонавты со своими верными помощниками — роботами. Архимед улыбался: потомки к открытому им закону прибавили еще многие и многие. «Эврика!» — провозгласил великий физик, и тысячи студентов подхватили этот возглас исследователей.

В Доме культуры университета состоялась премьера комической оперы «Архимед», написанной студентами. В фойе был открыт «музей-квартира» Архимеда. Там оказались и «знаменитая» ванна, и песок, и сандалии.

Любопытно, что роль Галилея играл соотечественник великого итальянца студент Луиджи Череза, Торичелли — Серджио Джессети, Ферми — Голо Манлио, а роль Альберта Эйнштейна — Райнер Линк, приехавший в Москву из ГДР.

Студенты-физики решили отмечать «День рождения Архимеда» ежегодно.

Э. ЧЕПОРОВ

ПЧЕЛКА. Фото В. Колесникова.

Хитрая хищница

Прошли дожди. Вода в реке поднялась и помутнела. Достигнув на лодке середины реки, я бросил якорь и стал закидывать удочку. По реке плыли желтые кустики прошлогодней осоки, корни, сучья, мох. Рыбешки ловко выхватывали из этого древесного хлама земляных червей. Еще издали я заметил толстую черную палку. Рыбья мелочь, привлекаемая кормом, устремилась к ней. Вдруг «палка» рванулась вперед, и одна из рыбешек оказалась в зубах хитрой щуки.

Н. НИКОЛЬСКИЙ

СЕМЬ ТЫСЯЧ ЧЕМПИОНОВ

На древней фреске изображен бегун, который несет факел с олимпийским огнем.

«Объявлена всеобщая мобилизация постельных принадлежностей...», «110 тысяч кроватей готовы к играм...», «Министр труда говорит: для паники нет никаких оснований».

Не шутка ли это? Нет, не шутка. Приведенные строки взяты нами из итальянских газет и сообщений телеграфных агентств, и относятся они к предстоящим XVII Олимпийским играм в Риме. Здесь действительно возникли слухи о нехватке жилья для туристов, которые наводнят вечный город во время олимпиады. Министру пришлось выступить с успокоительным заявлением о том, что для иностранных гостей забронировано 110 тысяч мест в отелях и пансионах, частных домах и монастырских гостиницах, в туристских лагерях и даже в спальных вагонах прямого сообщения.

— Я тренируюсь к олимпийским играм.
— Какое упражнение вы разучиваете?
— Никакое. Я просто собираюсь сдать свою кровать туристу.

Но у организаторов олимпиады есть еще куча нерешенных проблем, больших и малых.

По традиции к моменту открытия игр надо доставить на олимпийский стадион священный огонь, зажженный на алтаре храма Зевса в Олимпии. С огнем как будто все в порядке: его зажгут от солнечных лучей с помощью огромного увеличительного стекла, а если солнышко спрячется за тучи,— от лучей мощных прожекторов. Маршрут олимпийского факела тоже разработан и нанесен на карту: до Афин его понесут бегуны, передавая из рук в руки; по Ионическому морю факел поплывет на специальном судне; на итальянском берегу его вновь подхватят бегуны, мотоциклисты, велосипедисты. Все ясно, кроме одного: кто понесет факел на последнем этапе и вбежит с ним на стадион? Обычно эту честь предоставляют знаменитому или по крайней мере выдающемуся спортсмену. Но кому? Обсуждается десяток кандидатур, а оргкомитет олимпиады не знает, на ком остановиться. Хорошо, что до 25 августа — дня открытия игр — есть еще время.

Проблемы одежды в связи с олимпийскими играми тоже стоят не на последнем месте. В честь олимпиады в Риме состоятся «Жиоко дель кальчо» — грандиозные народные празднества с различными представлениями, танцами на площадях, рыцарскими турнирами, «живыми шахматами», фейерверком,— и для всего этого понадобятся десятки тысяч старинных карнавальных костюмов. Но и это не все: ателье мод Парижа, Лондона, Нью-Йорка спешно разрабатывают модели новых «олимпийских» и «римских» туалетов. Самый шумный успех достался платью «Навсикая» (так звали древнегреческую модницу, которая, играя с рабынями в мяч на берегу моря, чуть не соблазнила Одиссея).

Рекордным является число стран, изъявивших желание участвовать в XVII олимпиаде: более 80 государств пошлют в Италию свои команды. Небывалым будет и количество участников: по предварительным подсчетам, оно превысит 7 тысяч спортсменов и спортсменок. Все они, как правило, чемпионы и рекордсмены своих стран, континентов и мира. Самые большие команды (по 300—350 человек) будут представлять Англию, Германию (объединенная команда ГДР и ФРГ), Италию, СССР, США, Францию.

Некоторым странам нелегко было подготовить и снарядить команды для поездки на олимпиаду. Тяжкое бедствие постигло народ Чили: разрушительные землетрясения нанесли огромный ущерб стране. И все-таки чилийские спортсмены поедут в Рим: им протянул руку помощи Итальянский олимпийский комитет, взявший на себя все путевые расходы.

Долго злорадствовала американская пресса по поводу того, что якобы из-за финансовых трудностей в Риме не окажется кубинских спортсменов. Но злопыхателям пришлось проглотить пилюлю. Глава революционного правительства Кубы Фидель Кастро твердо заявил: «Наша молодежь обязательно будет представлена на олимпийских играх».

Впервые знаменосцы вынесут на поле олимпийского стадиона национальные флаги молодых государств Азии и Африки. Их появление в Риме — свидетельство быстрого развития во всех областях культуры, в том числе и в спорте.

А есть страны, где картина совсем другая, и некогда развитое спортивное движение деградирует. Жалкое существование влачат многие виды спорта во франкистской Испании. Но, чтобы не провалиться окончательно на олимпиаде, заправилы испанского спорта нашли «выход»: срочно пригласили иностранных тренеров для подготовки олимпийских команд.

Но вернемся к Риму, где лихорадочными темпами ведутся последние предолимпийские приготовления. Город, по словам посетивших его иностранных корреспондентов и спортивных деятелей, меняется с каждым днем. Всюду ведутся строительные работы, расширяются улицы, строятся новые шоссе, воздвигаются фонтаны, цветники, клумбы.

К XVII Олимпийским играм в Риме построили много новых спортивных сооружений и реконструировали старые.

Выросла «олимпийская деревня» в районе Кампо Париоли, где будут жить и отдыхать спортсмены, полностью изолированные от докучливых посетителей (в том числе и журналистов). Впрочем, «деревня» — название условное. На самом деле это несколько кварталов многоэтажных домов с благоустроенными квартирами — 4 500 комнат. Короче, это целый городок с парикмахерскими, прачечными, банями, клубами, кинозалами, десятью вместительными ресторанами.

Вот еще одно новое сооружение, Стадио дель Нуото,— большой водный стадион с 50-метровыми дорожками для пловцов, отдельным бассейном для турнира по водному поло, вышками и трамплинами для прыжков в воду. Здесь можно без помех одновременно проводить соревнования по этим видам спорта. А предварительные игры ватерполистов состоятся в Бассейне роз, расположенном в живописном парке.

Интересное место избрано для состязаний по классической (греко-римской) и вольной борьбе. Это — реконструированное ныне древнее сооружение цирк Максенция. Ареной соревнований гимнастов будет также историческое здание — знаменитые Термы Каракаллы.

Организаторы Римской олимпиады утверждают, что 31 июля будет «вбит последний гвоздь» и все спортивные сооружения окажутся полностью готовыми для приема участников.

В. ВАДИМОВ,
М. ЗАСЛАВСКИЙ

КРУПНЕЙШИЙ В ЕВРОПЕ

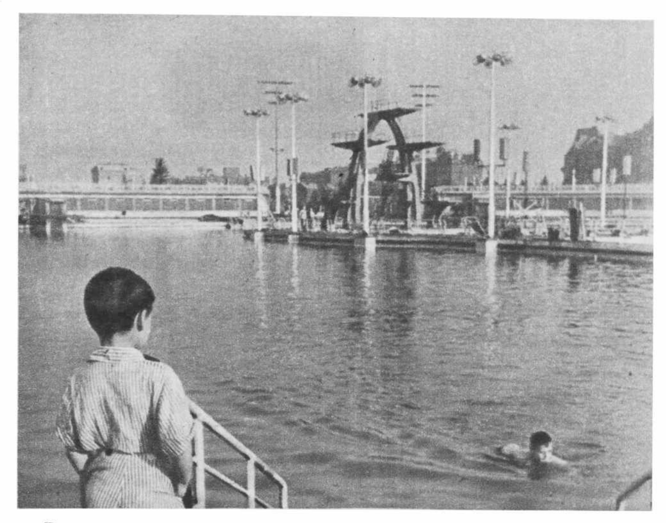
На Кропоткинской набережной Москвы-реки построен крупнейший в Европе бассейн для плавания. 35 тысяч человек будут каждый день пользоваться его просторами.

Вокруг плавательного бассейна расположены семь павильонов — четыре мужских и три женских. Зимой предусмотрены утепленные коридоры, по которым посетители попадают к воде.

Дно бассейна имеет три яруса террас, идущих кольцами к его центру. Широкие восьмиметровые лестницы с перилами из нержавеющей стали ведут купающихся на первую террасу, глубиной 1,1 метра. Плавный спуск ведет ко второй террасе, глубиной 1,8 метра. Третья терраса имеет глубину 2,6 метра.

Для разграничения одной террасы от другой на поверхности воды использованы шары, на которых указана глубина следующей террасы. Дно бассейна выстлано белой метлахской плиткой, а перепады облицованы красной плиткой. Для детей младшего возраста рядом с пляжем расположены пять детских бассейнов.

Г. АРУТЧЯН,
инженер.

В те дни, когда в новом бассейне состоялся пробный пуск воды, там можно было увидеть первых купальщиков.
Фото А. Бочинина.

СНОВА В СТРОЮ

ЧЕТВЕРО ОТВАЖНЫХ ЗАВЕРШИЛИ КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Возвратились на Курильские острова к месту службы четыре героя-воина: Асхат Зиганшин, Филипп Поплавский, Анатолий Крючковский и Иван Федотов. Позади сорок девять дней дрейфа в Тихом океане, поездка по Соединенным Штатам Америки, возвращение на Родину через Атлантику и Западную Европу, дружеские встречи с соотечественниками, заслуженный отдых в кругу близких.

Тепло, сердечно приветствовали юных воинов — кавалеров ордена Красной Звезды — их сослуживцы в подразделении. Приказом командования всем четверым присвоены новые воинские звания. А. Зиганшин теперь — старший сержант, Ф. Поплавский, А. Крючковский, И. Федотов — младшие сержанты. На комсомольском собрании воинов подразделения И. Федотов был принят в члены ВЛКСМ. В торжественной обстановке ему вручили комсомольский билет.

Четверо отважных продолжают военную службу на самоходной барже «Т-97».

Майор А. ПОЛЯНСКИЙ

Возвратившись к месту службы на Курильские острова, герои-воины рассказывают своему командиру капитан-лейтенанту Перфильеву о кругосветном путешествии.
Фото автора.

М. МЕРЖАНОВ

ФУТБОЛ СТАЛ МОЛОЖЕ

Между первым и вторым кругом в розыгрыше всесоюзного футбольного первенства не было интервала. Не успели любители заполнить и осмыслить цифры, чинно расставленные в клетках турнирных таблиц первой половины чемпионата, как им пришлось заполнять таблицу второго круга. В этом — деловитость и напряженность сезона. В отличие от прошлых лет к середине августа нужно закончить все игры и определить в каждой подгруппе по 3 лучших команды — «могучую шестерку», которая вступит в решающую фазу борьбы за золотые медали.

Вот почему в нынешнем году время для «раскачки» сократилось до предела, и тот, кто теряет очки по весне, не имеет уже прежних благоприятных условий наверстать их осенью. Поговорка «Очки по осени считают» в какой-то степени потеряла смысл.

Нужно сказать, что такую турнирную особенность быстрее поняли команды второго эшелона, включенные в класс «А», чем его старожилы — клубы высших футбольных степеней.

Может быть, именно поэтому «Динамо» и «Спартак» несколько растерялись от необычной обстановки, взяли старт в темпе несколько медленном, «вразвалку», непригодном для нынешнего сезона. Впрочем, теперь, кажется, эта ошибка понята. Все отставшие бросились догонять лидеров, ушедших довольно далеко.

Но как бы ни была мала новая футбольная дистанция чемпионата, впереди все же 8 туров, которые дадут возможность любой команде в полной мере проявить свои способности.

Цифры таблиц говорят о многом. Они раскрывают тактику команд, формулу расстановки игроков, тенденцию тренеров к атаке или к обороне, они, наконец, дают повод для некоторых выводов, пусть даже пока поспешных.

Но оставим пока цифры.

По опыту знаю, что даже самые логичные выводы, сделанные на основе «высшей футбольной математики», претерпевают удивительные изменения, когда выносятся на простор личных наблюдений.

Прежде всего хочется сказать, что наш футбол помолодел. В последние годы происходит естественная смена составов первоклассных команд: одно поколение передает эстафету — мяч — и уступает футбольное поле другому поколению. Процесс длительный и болезненный.

Можно смело сказать, что этот процесс подходит к концу и «возрастной ценз» больше не волнует ни тренеров, ни любителей футбола.

Футбол живет давно и не первый раз омолаживается. Однако нынешняя смена составов отличается от всех предыдущих. Никогда раньше мы не видели столь молодых футболистов, готовых играть на самом «высоком регистре». Они не только свободно владеют мячом, но хорошо знакомы с тактическими основами. Это, так сказать, футбольно образованная смена, которой нет надобности проходить «свои университеты», но которой нужно наращивать «мускулы мастерства».

Большое число новых игроков несколько изменило манеру игры многих клубов. Мне кажется, наш футбол повысил свои «технические кондиции». Факт примечательный!

Может быть, именно поэтому нынешней весной судейские протоколы более сдержанны и спокойны. Во всяком случае, «силовой удар», предпринятый в прошлом году командами, не владевшими элементарным арсеналом технических приемов и находившими свое утешение в отваге, не только не повторился, но, к счастью, и забыт. Шрамы, нанесенные нашему футболу, зажили.

Как следствие — почти исчезла оборонительная игра. В командах царит дух атаки. Он всегда сопровождается спортивным вдохновением, в то время как дух обороны всегда полон тревоги.

Очень ярким примером может служить игра спортсменов ЦСКА. Не изменив состава, но изменив тактику, армейцы сразу же вышли в первую шеренгу сильнейших команд страны и показывают отличные образцы современного футбола. Те же футболисты обрели согласованность, а главное, стали жадны к чужим воротам.

Особенностью сезона можно считать и несомненное оживление тактической мысли. Одни тренеры задумываются над тем, как нужно играть сегодня против данной команды, в данных условиях, с данным составом; другие ищут выход в новой схеме расположения игроков, исходя из реальных возможностей; третьи ломают голову над дилеммой: как играть «без козырей», взятых в сборную?

А в итоге на поле появились новые формы наступательных действий, а значит, и новые формы оборонительной игры.

Очень интересна в этом смысле была встреча «Локомотива» с «Беларусью». Внешне команды мало отличались друг от друга. Москвичи, пожалуй, были техничнее, но зато и спокойнее. Временами казалось, что внутренние пружины команды ослабли. Во всяком случае, их волевое напряжение можно было увидеть только через микроскоп.

И гости из Белоруссии уложили москвичей «на обе лопатки» (3 : 0), только применив новый тактический прием. Сосредоточив направление главного удара на левом фланге, где хорошо действовали В. Арбутов и В. Терехов, и создав там численное превосходство, они неизменно «выманивали» туда центрального защитника И. Моргунова, а в образовавшуюся брешь очень стремительно и расчетливо выходил центральный нападающий «Беларуси» Г. Хасин. Минчане осуществили шесть таких прорывов, из коих три закончились успешно: мячи влетели в сетку ворот «Локомотива».

В данном случае игроки «Беларуси» опровергли схематичную позиционную игру московских защитников, не сумевших разобраться в не очень уж сложной тактической задаче, а Геннадий Хасин, несомненно, защитил диссертацию на тему «прорыв к воротам».

И еще одна особенность весенних игр — высокая скорость, позволившая проводить матчи в высоком темпе.

Таковы общие черты турнира. А как же закончился он в цифровом выражении?

В первой подгруппе сравнительно легко вышли на первое место футболисты московской команды «Торпедо». С отрывом в 4 очка вторую позицию заняли армейцы Ростова-на-Дону. Третье место неожиданно для многих болельщиков, да и специалистов заняла рижская «Даугава». После многолетнего перерыва она вновь оказалась в числе сильнейших команд страны и показала хороший футбол. Во всяком случае, два последних матча, проведенных этим коллективом в Москве против «Динамо» (2 : 2) и «Торпедо (2 : 1), показали, что рижане не случайно вошли в группу лидеров и могут играть «на равных» с любым участником чемпионата.

Далее идут динамовцы Тбилиси и Москвы, «Спартак» из Еревана. Замыкает таблицу эстонская команда «Калев». Она из десяти матчей проиграла девять и только один свела к ничьей. Класс игры эстонских футболистов ниже требуемого сейчас уровня.

Во второй подгруппе уверенно лидировали футболисты ЦСКА. В последний момент «Беларусь», победив московских железнодорожников, встала вровень с армейцами (по 15 очков имеет каждая команда) и разделила с ними первое и второе места.

На поле две популярные футбольные команды: «Спартак» — ЦСКА. Армейский вратарь Б. Разинский отбивает мяч.
Фото А. Бочинина.

Далее, четыре команды пришли к промежуточному финишу с одинаковыми показателями. Это «Спартак» (Москва), «Динамо» (Киев), «Адмиралтеец» (Ленинград) и «Локомотив». Видимо, дальнейшие соревнования их будут проходить в крайне напряженной борьбе. Замыкают таблицу «Нефтяник» из Баку и «Спартак» из Вильнюса.

Закончилась первая половина чемпионата. Вторая уже началась. Борьба, несомненно, обострится. К тому же некоторые команды (особенно это относится к «Динамо» и «Спартаку») будут выступать без своих лучших игроков, отобранных в состав сборной СССР. В данном случае клубы имеют возможность показать своих молодых футболистов, выступающих пока в дублирующих составах.

Сборная команда Советского Союза сейчас готовится к финальным соревнованиям Кубка Европы. Они будут проведены во Франции в первых числах июля. Жребий определил такие встречи: СССР — Чехословакия и Франция — Югославия. Первый матч будет проведен в Марселе, а второй — в Париже. Победители встретятся между собою и выявят обладателя первого Кубка Европы.

Затем все вновь вернутся в свои команды, и начнется, по-видимому, самая горячая и самая интересная пора футбольного чемпионата.

У нас в гостях

Юйка

Польша

Наконец-то купил очки...

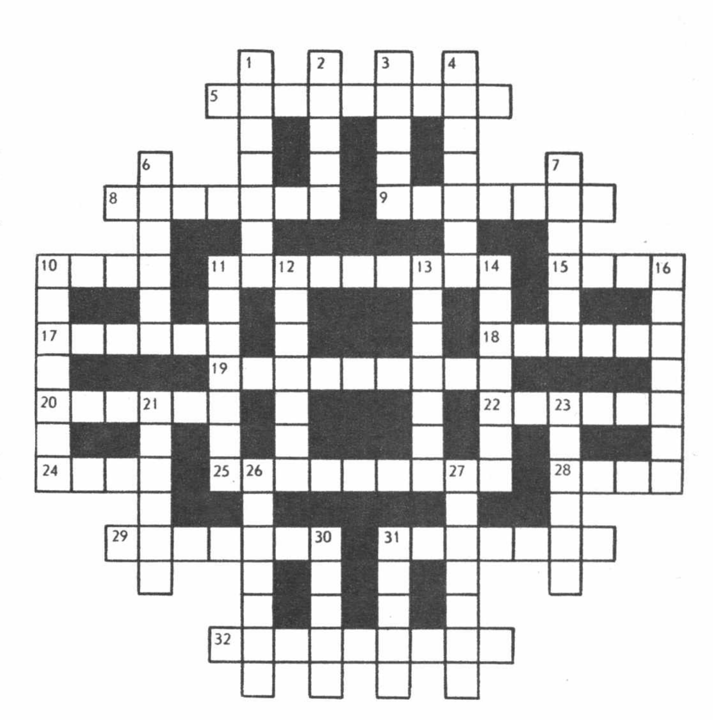
Библиотекарь на пенсии.

Рассеянный.

НА СВАДЕБНОЙ ЦЕРЕМОНИИ.
— Папа!

Застенчивость.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Цветок. 8. Певица, народная артистка СССР. 9. Винтообразная линия. 10. Роман Л. Леонова. 11. Фольклорный герой у многих восточных народов. 15. Бревна, скрепленные для сплава. 17. Вокальное произведение. 18. Тригонометрическая функция. 19. Спортивные соревнования. 20. Один из чемпионов мира по шахматам. 22. Наносная равнина в устье реки. 24. Советская кинокомедия. 25. Государство в Центральной Америке. 28. Промысловая рыба. 29. Автомобиль с закрытым кузовом. 31. Танец. 32. Ускоритель элементарных частиц.

По вертикали:

1. Виноградный сахар. 2. Успех. 3. Белорусский поэт. 4. Город в Грузии. 6. Чертежная бумага. 7. Сырье для пряжи. 10. Зодиакальное созвездие. 11. Животное тропических лесов. 12. Музыкальный инструмент. 13. Залив Индийского океана. 14. Приманка для рыбы. 16. Область в Италии. 21. Птица семейства фазановых. 23. Фигурная линейка. 26. Действующий вулкан в Европе. 27. Рассказ М. Горького. 30. Приток Волги. 31. Помещение на судне.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали:

4. Великатов. 6. Знаменатель. 8. Асеев. 10. Эфиопия. 11. Доспехи. 15. Химера. 17. Черешня. 18. Кварта. 19. Гренландия. 20. Аристотель. 22. Иматра. 23. Позитив. 24. Кипрей. 27. Аркадия. 28. Кашалот. 29. Люрик. 31. Компетенция. 32. Натюрморт.

По вертикали:

1. Пломба. 2. Скандербег. 3. Штатив. 4. Ванадий. 5. Вельбот. 7. Кибернетика. 9. Севастополь. 10. Эпиграмма. 12. Интеллект. 13. Меринос. 14. «Энергия». 16. Агама. 18. Каток. 21. Литература. 25. Лигроин. 26. Баянист. 29. Лопата. 30. Кантон.

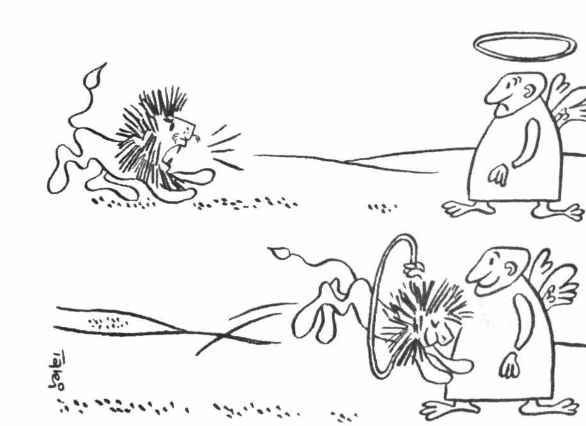
Таки

Венгрия

Нимбы,
их производство
и применение

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05698. Подписано к печати 22/VI 1960 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 939. Заказ № 1719.

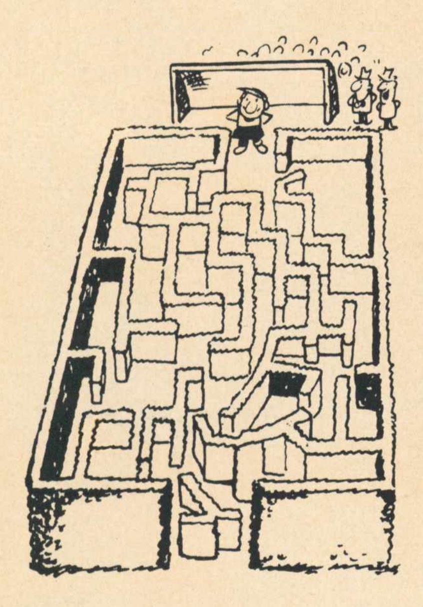
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В БАРЕНЦОВОМ МОРЕ.

Фото М. Редькина (ТАСС).

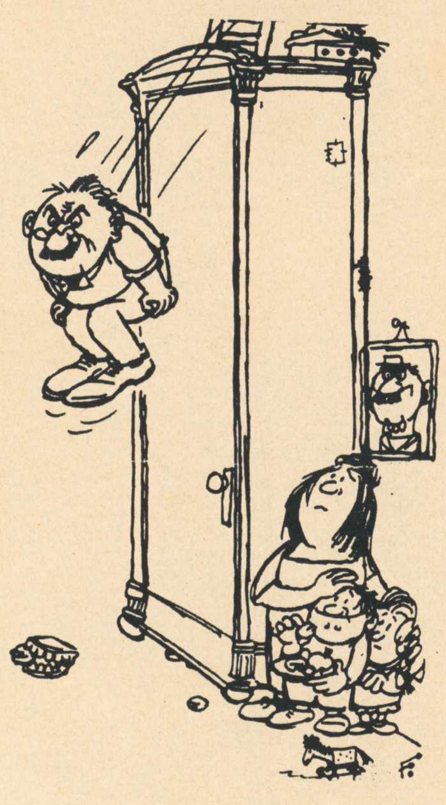
Фауст

ФРГ

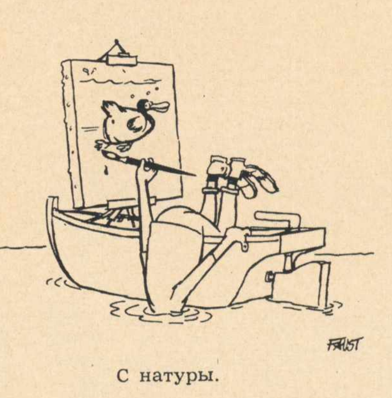

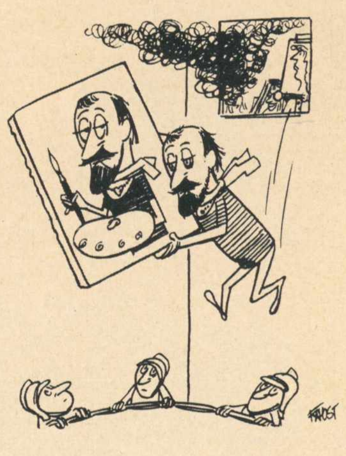
Мечта вратаря.

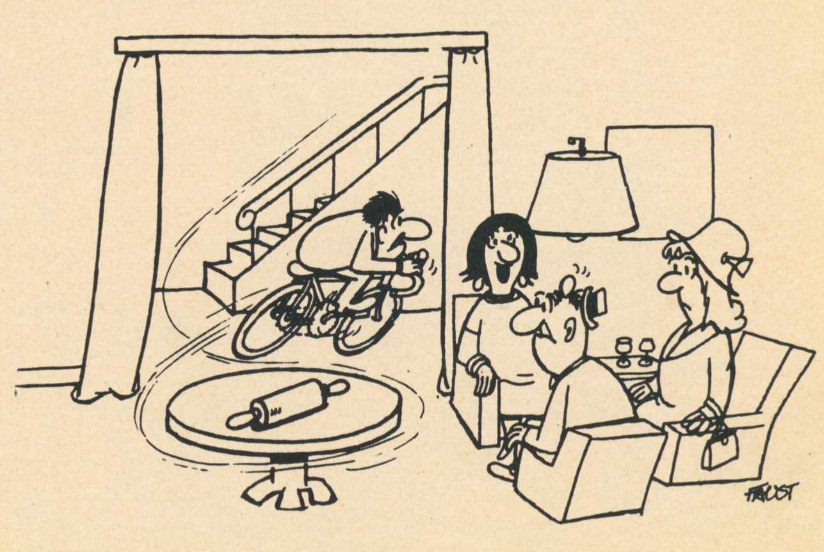
Как колоть грецкие орехи.

С натуры.

Все, что он взял с собой... →

— Когда он ревнует, он ужасно волнуется и не знает, куда деть себя →

Цена номера 3 руб.